
Национальные проблемы и права человека

Сборник материалов
семинара Московской Хельсинкской группы

Москва, 1993

Публикации
российско–американской проектной группы
по правам человека

Выпуск 2

Национальные проблемы и права человека

Сборник материалов
семинара Московской Хельсинкской группы
(Харьков, июнь 1991 г.)

Редактор Л.И. Богораз

Москва, 1993 г.

От редакции

Семинар Московской Хельсинкской Группы «Национальные проблемы и права человека» проходил в Харькове с 14 по 17 июня 1991 года. Он собрал участников правозащитного движения и специалистов-этнографов, философов, юристов, политических деятелей из доживавшего последние месяцы СССР и нескольких других стран. Все участники семинара понимали, что дни социалистической империи сочтены, однако предполагали, что ее крушение произойдет в более или менее отдаленном и в тот момент еще неопределенном будущем. Некоторые из выступавших делали прогнозы, иногда смелые, иногда очень осторожные, давали рекомендации... Но произошла Августовская революция, и в последовавшие за ней полтора года вместилось больше событий, чем укладывалось в десятилетия.

Означает ли это, что материалы, предлагаемые вниманию читателей, устарели? К нашему несчастью лишь обозначенные в докладах трещины превратились в кровавые раны. Болезни, симптомы которых анализировались, развились и прогрессируют. Отрицательные последствия распада Союза выявились во всей полноте. Некоторые авторы еще тогда предупреждали: освободившиеся республики наследуют систему тоталитарного мышления, а это может снова привести уже совсем на другой основе к попранию прав человека по национальному признаку. И это происходит. Еще не поздно внимательно вслушаться в голоса участников семинара, вникнуть в их предостережения и рекомендации и, где еще можно, попытаться предотвратить кровопролитие или попытаться остановить его.

Другая группа докладов носит, казалось бы, сугубо научно-теоретический характер. В силу этого они не устаревают, но в нынешний драматический момент приобретают актуальность еще большую, чем в тот, когда читались. Сюда относится в первую очередь все, что говорится о природе, социальных и психологических истоках фашизма, об его угрозе, а, главное, о почти неизбежном зарождении фашистской идеологии из

идеи национального превосходства одного народа над другим, даже если эта идея предстает, как это нередко сегодня встречается, в демократических одеждах.

Есть в сборнике и доклады, касающиеся территориального устройства Российской Федерации. Это не вчерашний день, а злоба сегодняшнего. Тут необходимо уделить особое внимание и анализу уже принятых законодательных актов, и опыту, и наблюдаемым результатам осуществления этих актов.

Почти не сдвинулось с места за все это время разрешение проблем репрессированных народов, а восстановление их в правах идет не только крайне медленно, но и не без болезненных столкновений.

Есть еще одно соображение, почему мы, хотя и с опозданием, публикуем материалы семинара — уже сегодня это исторические документы и исторический источник.

Некоторые выступления мы вынуждены опустить (по техническим причинам).

Редакция не всегда разделяет мнения высказанные в выступлениях.

Имеющиеся материалы мы представляем в трех разделах сборника:

I — работы, посвященные теоретическим (философским, психологическим, языковым) аспектам рассматриваемой проблемы;

II — доклады и выступления, касающиеся давней и совсем недавней нашей истории;

III — правовые аспекты национальных проблем.

От оргкомитета семинара

Оргкомитет благодарит всех, принявших участие в работе, подготовке и проведении семинара: докладчиков, выступавших. Советско-американский фонд «Культурная инициатива», оказавший нам материальную поддержку, Фонд «Endowment for democracy», который субсидировал поездки зарубежных участников семинара.

Мы хотим с благодарностью отметить участие, теплоту и гостеприимство городских властей Харькова и, особенно, работников и студентов Харьковского института культуры. Институт предоставил помещение для проведения семинара и организовал культурную программу, которая стала органической частью самого семинара.

Оргкомитет: М.Алексеев, Л.Богораз (руководитель семинара), К.Бурмистров, Е.Захаров, В.Чевеверев (секретарь оргкомитета).

Вступительное слово

Богораз Л.И., руководитель программы,
член Московской Хельсинкской Группы.

Дорогие коллеги, поздравляю вас с открытием нашего семинара, который проводит Московская Хельсинкская группа по программе «Правовое просвещение». Я благодарю харьковчан, которые так гостеприимно встретили нас здесь, в этом прекрасном городе, особенно Евгения Захарова, члена оргкомитета семинара, который много сделал для того, чтобы состоялся наш семинар; городские власти, содействовавшие проведению нашего семинара.

Несколько слов о том, как будет проводиться работа семинара. Семинар будет проводиться 14, 15, 16 и 17 июня, по два заседания в день, утреннее и вечернее, все заседания — пленарные, секций не будет, потому что мы решили, что темы семинара настолько важны, что их надо прослушать всем. На доклад вместе с вопросами и выступлениями по теме доклада отводится 1 час. На выступления и вопросы — по 3 минуты. В последний день будет общая дискуссия, и все, кто не успеет выступить в день доклада, смогут выступить в общей дискуссии. Кроме того, те, кто прислал заявку на выступление, тем более с тезисами, получит несколько больше времени. Так как я боюсь, что не все желающие смогут выступить, я предлагаю продолжить семинарскую работу заочно, т.е., пожалуйста, каждый может прислать нам* материалы по теме семинара. Мы постараемся опубликовать и их в сборнике докладов семинара.

Думаю, сейчас уместно будет вспомнить первый семинар правозащитников, который организовал и провел Лев Михайлович Тимофеев в декабре 1987 г. Тогда мы собирались в частной квартире, и власти приняли специальное решение о том, чтобы не допустить проведения семинара. Но он все-таки состоялся. Не о наших тогдашних трудностях речь. Вспомним, тогда мы обсуждали те же проблемы, о которых ведем речь сейчас: национальные, социальные, проблемы защиты прав человека обществом и законом и другие. Мы поставили нема-

* Наш адрес: 103982 Москва, Лучников пер., д.4, к.5, МХГ.

ло актуальных сегодня вопросов, например, о судьбе крымских татар и других репрессированных народов, о свободе передвижения. Было предложено немало конструктивных идей решения этих проблем на основе правозащитного мировоззрения. Власти тогда не захотели нас услышать. Между тем, если бы к нам прислушались, может быть, сегодня конфликты в обществе были бы менее острыми. Сегодня на наших семинарах мы обращаемся к самому обществу, которое само должно искать пути разрешения тех же и вновь возникающих проблем и пути взаимодействия с управляющими структурами наших стран. Мы убеждены, что проблемы взаимодействия общества и государства, пути согласования разнонаправленных интересов внутри общества могут быть решены на основе принципов Права. Этому и посвящена наша просветительская программа.

На семинаре не место лозунгам, призывам и кличам, оставим эти жанры для митингов и политических собраний.

Приветственное слово

*Кушнарев Е.П., председатель Харьковского городского
Совета народных депутатов*

Уважаемые товарищи! Я с большим удовлетворением на правах «хозяина» города приветствую всех участников семинара и гостей нашего города, и харьковчан, и хочу сказать, что это действительно заметное явление в нашей общественно-политической жизни. При всех тех проблемах, которые сегодня волнуют общество, тот вопрос, который поставлен сегодня на повестку дня, был, есть и остается одним из краеугольных для любого общества, стремящегося жить свободно. Я рад, что этим семинаром определяется уже некая традиция участия Харькова в общественном движении, поскольку этой зимой здесь же состоялся Всесоюзный Конгресс демократических сил, достаточно представительный и солидный форум.

Я думаю, что наше по-прежнему больное общество, которое десятки лет исповедовало один «правовой» принцип, — прав тот, у кого больше прав. — и сегодня с большим трудом, корчась от боли и непонимания, срывает бинты и снимает пелену со своих глаз для того, чтобы осознать, до какой мерзости во многих вопросах мы дошли. Я уверен, что все мы должны быть благодарны тем людям, которые в то время, когда еще вся страна спала и многие, сознательно или бессознательно, жили в уютных идеологических догмах, рискнули подняться на борьбу за права человека. Многие из этих людей сегодня уже нет, нет в стране и нет, к сожалению, в жизни. Но я верю, что мы помним и всегда будем помнить об этих людях, благодаря которым мы научились смотреть на себя не в кривое, а в настоящее зеркало.

Я не буду утомлять вас долгими речами, я просто по-человечески волнуюсь, потому что для меня тоже процесс прозрения проходил непросто, мучительно, и я с благодарен тем, кто своим честным и искренним словом и мне уже помог в этом.

Я еще раз приветствую вас от имени городского Совета, от себя лично, желаю успехов в вашей работе, чтобы здесь царили уважение, взаимопонимание и искренность и чтобы результатом этой работы был очередной вклад в отрезвление, осмысление и понимание нашим обществом того, ради чего мы в конце концов рождаемся и живем. Больших вам успехов!

Русские философы-евразийцы о генезисе и природе фашизма

Очирова Т.Н., Москва. АН СССР, СП СССР

Здесь уже много говорилось о том, что именно национальные проблемы порождают необходимость правовой защиты. И тема нашего семинара — «Национальные проблемы и права человека» возникла не случайно, она порождена драматическими реалиями нашей сегодняшней действительности. Но есть и другая сторона вопроса. Зачастую именно национальные проблемы и связанные с ними гипертрофия национализма, агрессивный всплеск национальных чувств и приводят в конечном итоге к нарушению правовых норм. И здесь, я полагаю, имеет смысл напомнить о таком грозном социальном явлении, которое органично связано с гипертрофией национализма — о фашизме.

Не хотелось бы делать мрачных прогнозов, но я, вероятно, не открою Америки, если скажу, что в нашем обществе сегодня существует реальная угроза фашизма. Однако сугубо эмоциональный подход, который мы наблюдаем в нашей прессе — это не решение проблемы, эмоциями тут ничего не решишь и коричневую чуму желтой краской не замажешь. Проблема фашизма чрезвычайно серьезна и изучение ее немыслимо без анализа социальных структур общества и выяснения степени их участия в создании механизмов авторитарной власти и авторитарной модели государства.

К сожалению, у нас до сих пор нет научного, то есть свободного от идеологических догм, определения фашизма. Принятая у нас формулировка: «фашизм — форма открытой диктатуры империалистической буржуазии, направленная на искоренение демократии, на установление жесткой реакции и подготовку империалистических войн», — ненаучна, так как она насквозь идеологична, как, впрочем, идеологична и вся наша псевдонаучная «лысенковщина» от науки. Помимо всего прочего в этой формулировке два существенных, на мой взгляд, недостатка. Во-первых она обобщает конкретный исторический опыт, опыт германского нацизма. В то время, как опыт последующих десятилетий — установление фашистских режимов в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии — не связан с подготовкой империалистических

войн. Фашизм далеко не всегда равнозначен реваншизму. Хотя стремление реализовать имперский гегемонизм зачастую и становится характерным качеством фашизма, однако не во всех случаях можно провести прямые параллели. В каждой такой исторической реальности необходимо учитывать конкретную специфику возникновения фашистской идеологии. Но наше, увы, безнадежно тоталитарное мышление заставляет нас везде и всюду оперировать исключительно классовыми схемами. Так и здесь: «диктатура империалистической буржуазии», сугубо классовый подход — и это во-вторых. Помилуйте, «диктатура» отнюдь не являлась исключительной принадлежностью «буржуазии», диктатуру впервые открыто провозгласил пролетариат, причем в качестве формы своего государственного правления, провозгласил в самых, казалось бы, гуманных целях, в декларируемых — подлинных или мнимых — интересах народа.

Вообще, замечу к слову, характерна сама эта семантика слова, то и дело выплывающего сегодня вновь и вновь в самых различных словосочетаниях: «диктатура совести», «диктатура закона», «диктатура производителя». Все это не что иное, как рецидивы нашего неисправимо тоталитарного мышления, воспитанного на авторитарной общественной модели, на силовом, сугубо диктаторском решении всех вопросов. Диктатура — это всегда приоритет силы вне зависимости от какого бы то ни было классового содержания, силы — любой, будь то производственные монополии, парламентское большинство и т.д. Это ставка на силу, на жесткое подавление, на любое авторитарное, но только не на демократическое решение, которое призвано учитывать мнения разных сторон, в том числе — в качестве равноправного — и мнение меньшинства.

Этого мы не наблюдаем. И в межнациональных конфликтах мы видим, что не учитывается свободное волеизъявление права на самоопределение именно меньшинства. Именно в сфере межнациональных отношений подавляются права меньшинств. Это и Карабах, и Южная Осетия, и курды, и абхазы, и осетины, и турки-месхетинцы, и многие другие малые народы, чьи права на самоопределение, в том числе и государственное, до сих пор подавляются.

Зерно многих нынешних межнациональных конфликтов — территориальные межгосударственные споры, претензии и разногласия. И коренятся они в том, что изначально, в основу государственного строительства при решении связанных с ним национальных вопросов была заложена сугубо тоталитарная, диктаторская силовая модель деления наций на равноправные —

союзные, менее равноправные — автономии, еще менее равноправные — округа и т.д. У нас была создана иерархия статуса, своего рода пирамида авторитарной власти. И покуда это существует, о демократическом решении национальных проблем говорить не приходится. У нас имеется узаконенная на конституционном уровне неравноправная модель наций и народностей. Модель диктаторская. А это всегда неизбежно будет подпитывать, искусственно создавать почву для всплеска национализма. Например: приказом были переселены крымские татары, турки-месхетинцы, приказом было проведено размежевание Туркестана, границы среднеазиатских республик устанавливались произвольно. Скажем, Каракалпакия много лет кочевала, поочередно приписываясь то к Узбекистану, то к Таджикистану, то к Киргизии. Или была поделена исторически единая территория расселения бурят на автономию и два национальных округа — Ачинский и Усть-Ордынский, а часть ее — Читинская область — вообще отошла к РСФСР. И таких примеров можно привести много. Решение национальных вопросов базировалось на личном волеизъявлении верховной диктаторской власти. Так, в 1922 году часть территории Армении была приписана указом Сталина к Азербайджану, что стало миной замедленного действия, породив в итоге карабахскую трагедию. Именно здесь, в этом социальном волонтаризме решений национально-государственных проблем, заложены многие наши теперешние межнациональные конфликты, и они не разрешатся до тех пор, покуда не будет преобразована сама эта тоталитарная модель — пирамида национально-государственного устройства. И до тех пор решение многих национальных проблем неизбежно обречено идти по такому же авторитарному тоталитарному руслу. Весьма характерен и знаменателен тот факт, что крушение тоталитаризма сопровождается сегодня созданием мини-тоталитарных моделей. Нынешний распад коммунистической империи влечет за собой создание точно таких же диктаторских имперских полуфашистских этнократических режимов в регионах, где мы наблюдаем непарламентское решение национальных проблем, введение военной диктатуры, применение военной силы, создание военизированных образований, открытое обращение к приоритету армии как к «сильной» диктаторской руке. Сегодня то и дело раздаются призывы к введению открытой военной диктатуры, которая якобы сможет «навести порядок» в стране. Последние выборы наглядно показали, что к власти рвутся военные. Необходимость военной диктатуры, или так называемого «прогресс-

сивного военного режима». усиленно навязывается некоторыми органами печати. Сегодня в обществе заметно стремление сформировать определенную идеологию военного режима, военизированной структуры общественного устройства. А это и есть фашизм в чистом виде.

Фашизм — это прежде всего такая форма тоталитарной власти, которая осуществляется военизированными структурами общества. Исследование феномена фашизма XX века во всех его национально-региональных исторических модификациях обнаруживает определенную социальную закономерность. В странах Латинской Америки, Азии, Африки, Европы за последние двадцать послевоенных лет имели место свыше полутора тысяч успешных или безуспешных попыток захвата власти военными и военизированными формированиями. Приход этих военных структур в качестве самостоятельной политической силы на политическую арену привел в конечном итоге к установлению диктаторского режима полуфашистского и фашистского толка. И сегодня у нас это тревожная злоба дня. Стремительное вооружение в национальных регионах еще более усугубляет проблему. Терроризм все более становится массовым явлением. Терроризм кладется в основу государственной политики отдельных республик и регионов. А от такого узаконенного государственного терроризма — лишь шаг к созданию террористической фашистской диктатуры.

Истерия национализма, бушующая сегодня в республиках, сопровождается махровым цветением разного рода «теорий» о генезисе и происхождении собственной нации, от которых отдает духом чисто расистского толка. К примеру, на Украине, которая сейчас решительно и напористо вооружается, в большом ходу ныне теория об «особом» положении украинской нации в ряду других славянских племен. Это якобы не славяне, а особое племя «укров», «особость» и исключительность которых в ряду других доказываются антропологическими данными — строением черепной кости и проч. Чем не расистская, неофашистская теория расовой исключительности. И такого рода чисто фашистские идеи витают в воздухе, они насыщают своей грозовой взрывчатой атмосферой нашу повседневную текущую действительность.

К сожалению, у нас нет сколько-нибудь серьезных научных исследований, могущих дать объективный и глубокий анализ природы этого социального явления. В связи с этим мне хотелось бы обратиться к работам русских философов-евразийцев, написанным еще в 20-е годы, но не утратившим не только своей

научной ценности, но и самой злободневной актуальности. Именно русским философам принадлежит приоритет в исследовании природы фашизма как социального феномена XX столетия, причем начато было это исследование еще тогда, когда фашизм еще не возник во всей своей реальности на политической арене Европы, нацистский режим в Германии еще не пришел к власти. Тем не менее социальные структуры, еще только прогнозируемые, были увидены, раскрыта их социальная природа. «Фашизм еще не сказал своего слова, — пророчески писал в 1928 году Н.Устрялов, — он интересен своими тенденциями»*. Такое политическое и социальное чутье можно было бы объяснить тем, что занимались исследованием природы фашизма профессиональные юристы и правоведы, специалисты в области общей теории права, теории государства и государственного права. Но есть и более глубокая причина — личного, так сказать, характера. Эти люди на себе испытали ужасы пролетарской диктатуры и красного террора. Большинство тогдашних русских философов и правоведов были уволены со своих университетских кафедр и принудительно высланы из России по личному указанию Ленина. Многие из них успели побывать в разгар красного террора в чекистских застенках в качестве заложников в результате введенного в 1918 году Дзержинским института заложничества. Потому понятен и их интерес к тоталитарной фашистской диктатуре, поднимающей голову в Европе, и те параллели, которые проводили они между зарождающимся фашистским движением и тем режимом, который они наблюдали у себя на родине. «Надо изучать фашизм, чтобы лучше понять природу революционного процесса», — писал Карсавин**. Еще в 1926 году Кирилл Вильчковский пишет в «Евразийской хронике»: «Там, в России, нарождается национал-большевизм»***. Эти исторические параллели и определили то обстоятельство, что ряд видных философов, в первую очередь Лев Карсавин, один из идеологов евразийского движения, обращаются к проблеме фашизма. В евразийских изданиях публикуются рецензии Л.Карсавина**** и И.Белецкого***** на книги

* Н.В.Устрялов. Итальянский фашизм. Харбин, 1928, с.77 (здесь и далее в докладе примечания автора).

** Евразийская хроника, Вып. 8. Париж, 1927, с.54.

*** К.Вильчковский. Младороссы. Евразийская хроника, Вып. 6.Париж, 1926, с.15.

**** Л.Карсавин. Рец. на кн. Джованни Джентиле «Истоки и доктрина фашизма». Рим, 1927. Евразийская хроника, Вып. 8. Париж, 1927, с.53-55.

***** И. Белецкий. Рец. на кн. Джузеппе Преццолони «Фашизм». Париж, 1925. Евразийская хроника, Вып 7. Париж, 1927, с. 51-55.

идеологов итальянского фашизма. Отдельные мысли о природе фашизма и структуре фашистского государства можно также найти в работе Н. Трубецкого «О государственном строе и форме правления» (Париж, 1927 г.) Наконец, в Харбине выходит в 20-е годы целая серия книг о фашизме — уже упомянутая книга профессора Устрялова «Итальянский фашизм» (Харбин, 1928), его же сборник статей «Под знаком революции (статьи политические). Национал-большевизм» (Харбин, 1925), книги М.К.Первухина «Мысли о фашизме» (Харбин, 1927) и А.И.Потемина «Итальянский фашизм» (Харбин, 1927).

Эта литература заслуживает пристального внимания прежде всего своей строго научной объективностью. Характерны в этом плане высказывания И. Белецкого. Литературу о фашизме, пишет он, можно разбить на две группы — апологетическую, сторонников фашизма, и полемическую — его врагов. Значение первоисточников должно было бы иметь собрание сочинений Муссолини, но в виду присущего ему эмоционально-афористичного способа мышления и общего крайне эмоционального подхода этот источник весьма недостаточен для изучения фашистской идеологии. Книга Джузеппе Преццолини, одного из идеологов итальянского фашизма привлекла внимание Белецкого тем, что в ней содержится более всего интересующие его как философа и правоведа — идеологическая основа фашизма и принципы устройства фашистского государства. Именно эти стороны фашизма и находятся в поле зрения всех перечисленных выше работ.

Как характерные особенности государственного устройства русскими философами выделяются следующие черты фашизма.

«С самого начала возникновения фашизма его отличительной чертой была военная организованность партии» (Белецкий). Партии фашистов представляли собой военизированные части с единоличным правлением, строжайшей дисциплиной и институтом военной тайны. (Структура весьма сходная с принципами организации ВКП(б) с ее пресловутой резолюцией о единстве). Социальная база фашизма, как выделяет ее Карсавин, это «призванная войной к национальному творчеству молодежь, молодое поколение, соответствующее, к несчастью, в значительной мере коммунистическому поколению в самой России». История фашизма, считает Карсавин, не что иное, как «момент создания нового правящего слоя». Потому любая отвлеченность в подходе к фашизму «искусственно отрывает фашистскую партию от революции, в Италии, как и в России, за-

вершившей войну». «Ставка фашизма — на военную молодежь», — подчеркивает и Устрялов. Это та социальная база, на которую опирается фашизм.

Отмечается такая характерная черта фашизма, как его массовость. «Фашизм — движение масс», пишет Карсавин, « Это идея одушевляющая массы, ставшая страстью и потому способная увлечь многих». «Фашизм — массовое движение», — перекликается с ним Устрялов. Доктрина фашистского государства связана прежде всего с руководством народными массами. «Фашизм говорит о демократии, реальной, а не формальной. Правительство «демократично», ибо живет интересами народа. Но интересы народа не создают абсолютной истины — государство может и не считаться со свободой личности», — пишет Устрялов. Задача фашистской государственной политики — «создать органический блок и его идеал — фашистская нация». Как видим, с зеркальной точностью предугаданы и массовый энтузиазм 30-х годов с его физкультурными парадами, культмассовой работой и проч., и вся эта демагогическая апелляция «к народу», начиная от «диктатуры пролетариата», кончая производственными романами о «рабочем классе» и идеологизированным фетишем «советского народа».

«Фашизм отвергает понятие индивидуума, характерное для старой культуры», — продолжает далее Карсавин. А вместе с низвержением понятия индивидуума уничтожается понятие — «права человека». Индивидуум фашизм понимает как «единство множества», подчеркивает Карсавин. «Все что в индивидууме ценно, обладает универсальным значением и выражает волю и интерес высшие, чем воля и интерес отдельного человека. Этической сущностью отдельного человека становится общая личность. Такова личность нации». Здесь зашел разговор о том, что выше — права личности или права нации. Как видим, Карсавин здесь дает косвенный ответ на этот вопрос. «Фашистская идеология — это культ Нации», — подчеркивает Устрялов, — «огненный патриотизм, вскрывающий подлинное содержание государства. Служение нации провозглашается долгом. Фашистам внушается идея орденского служения. Начинается героический период «револьвера». (Сравним у нас: «Ваше слово, товарищ маузер» — Маяковский.) Что же касается националистов, Муссолини сказал им: мы вам дали число, вы нам дайте доктрину», — пишет Устрялов об итальянском фашизме. «Фашизм не признает значение абсолютных идей, ограничивая себя идеей национальной», — подчеркивает Карсавин. Он характеризует «мистическую сторону фашизма», определяя ее как «культ нации». «Фашистская милиция начинает

присягать Богу и Отечеству», — пишет Устрялов. «Нация — это не просто географический и исторический факт, но программа и миссия, а потому жертва. Форма же нации — государство. Государство требует от индивида жертвы собою, индивид существует лишь в меру этой жертвы.» (Карсавин)

Таким образом, фашизм провозглашает превыше всего этическую ценность нации. Фашизм — это тоталитаризм, основанный на национальной идее. Фетиш нации, попираание прав человека правами нации — вот что лежит в основе фашизма.

Поскольку фашизм связан с руководством массами и опирается прежде всего на «средние классы»(Устрялов), то есть на психологию массового обывателя, он взывает к личности. «Фашизм признает вождя как ни одна другая партия, вождя который является живым учением», — подчеркивает Карсавин. Это сказано еще до того, как начал создаваться культ Сталина с непременным цитированием во всех «научных» трудах главного специалиста по всем без исключения вопросам, и за много лет до того культа минивождей нации в будущих регионах разваливающейся коммунистической империи. «Реально фашизм — диктатура вождя, — пишет Устрялов, — сформированное правительство лишь прикрывает власть Муссолини, личную и бесконтрольную». «Культ личности играл в фашизме решающую роль, ибо фашизм воспитывал умение повиноваться, жертвовать собой во имя нации и во имя личности, олицетворяющей нацию», — пишет Белецкий. (Сравним: лозунг: «За Родину, за Сталина»). Исключительную роль личности, и отсюда культ ее, отмечает и Устрялов: «Муссолини и фашизм — одно». «Муссолини — это сила, это сила независимо от партии, которой он руководит, независимо от идей, которые он поддерживает, — продолжает Белецкий. — Иными словами это личная власть диктатора».

Чтобы возникла такая ничем не ограниченная власть, нужна определенная социальная почва. И такая почва возникает, размышляет Устрялов, когда «свобода перестала быть непорочной, люди устали от свободы и для молодежи, вступающей в путь, есть другие слова — порядок, иерархия, дисциплина. Муссолини отверг либерализм и формальную демократию. Он отрицает свободу (как и большевики) он утверждает первенство государства. Он строит партию на дисциплине, наряду с принципом сотрудничества всех классов во имя Италии». С ним перекликается Белецкий: «Перед лицом неизвестности и хаосом все почувствовали необходимость твердой руки хотя бы ценой умаления свободы. Лозунг фашизма — действие, а не мысль. Он

связан с войной, которая не представляет благоприятных условий для работы мысли, и с молодостью, которая не является временем, наиболее подходящим для размышлений».

Белецкий характеризует ту социальную среду, на которую опирался Муссолини, и которая пришла к власти после знаменитого «похода на Рим». Это прежде всего военизированная молодежь, которую дуче использовал, сделав ставку на «ее способность к организации и действию, ее практическую слабость в делах общественных, ее смелость и воинственность, ориентацию на воинский престиж, слабые интеллектуальные способности и недостаточные сведения о жизни других народов». Перед нами характерные черты той социальной среды, которая становится благоприятной почвой для прививки фашистских идей. Эти отмеченные черты сильно перекликаются с нашей сегодняшней общественной ситуацией — с призывами «твердой руки», с военизированными отрядами молодежи в лице боевиков, а также рекетиров и других вооруженных мафиозных структур, с катастрофической общей деградацией и упадком культуры, что носит уже характер всеобщей политики тотального обескультуривания общества.

Люмпенизация населения — серьезная социальная база для создания экстремистских группировок и правого, и левого толка. Обнищание населения рождает, по выражению Устрялова, «империализм бедняков»: «Внутренние силы выводят страну из состояния нейтралитета. Растет национализм. Необходима территория. Внешняя политика фашизма — апология экспансии».

Сегодня именно так ведет себя правительство Грузии по отношению к своим автономиям. И такие призывы к переделу территорий раздаются сегодня везде, где бушует национализм. Экспансия по отношению к другим нациям может быть и внутренней — требование территорий внутри собственной нации, в виде процентного представительства и проч.

Говоря об идеологической бедности фашизма, компилятивности многих его теоретических установок, Белецкий подчеркивает, что фашизм родился в постоянной борьбе с антинациональными силами, научившись действовать во имя нации, и поначалу вообще не имел никакой идеологически разработанной программы, кроме интересов борьбы с врагами нации. Поиск врагов нации здесь очень симптоматичен и характерен. В этом зерно и идеологическая платформа фашизма. Собственно говоря, вся его идеология, замечает Белецкий, вырастает из этого практического тезиса — поиск врагов нации и борьба с ними. (Сравним со сталинскими лозунгами: «враги народа», «если враг не сдается — его

уничтожают» и т.д.) Наконец, Белецкий также отмечает органичную связь фашизма с национализмом. Фашизм неизбежно питается национализмом и неизбежно подчиняет себе его идеи как средство, с помощью которого очень легко манипулировать сознанием масс. Национальные чувства — вещь наиболее легко воспламеняемая, а фашизм как диктатура тоталитарного толка, то есть полностью подчиняющая себе и контролирующая всю систему общественного сознания, ставит задачей своей политики — манипуляцию массами. И фашизм неизбежно ищет такие инструменты идеологии, чтобы ими легко можно было бы воодушевить массы в едином порыве. Национальные чувства дают здесь благодатную почву, в особенности когда права нации превалируют над правами личности.

Обсуждение доклада

Вопрос: Считаете ли вы, что идея превосходства одной нации над другой является фашизмом?

Т.Очирова: Безусловно.

Вопрос: А пропаганда превосходства одной идеологии над другими, скажем, марксистско-ленинской, — это что-то другое? Лучше ли это, чем фашизм? И второй вопрос. Вы говорили по поводу движущегося фашизма. Не считаете ли вы, что за время т.н. перестройки мы сделали шаг от фашизма, потому что раньше у нас режим больше приближался к фашистскому — и на уровне политическом, и на уровне идеологии, и на экономическом?

Т.Очирова: Вы сами вторым вопросом, собственно, ответили на первый. Марксистская идеология — это фашизм в чистом виде. На протяжении своего доклада я и проводила постоянно параллели с ней, говоря о природе фашизма. Как сказал один поэт, XX век создал два мифа — о расе и о классе. Что изменила здесь перестройка? Пока что взамен реальной демократии мы видим всплески национализма разного толка в том числе и крайне агрессивного национализма, смыкающегося с фашизмом. Нам говорят, что крушение тоталитаризма неизбежно сопровождается его конвульсиями. Вероятно. Но пока что трудно сказать насколько длительным будет этот процесс и во что он в конечном итоге выльется. Пока что мы имеем налицо взамен демократии создание этнократических полуфашистских режимов в ряде регионов страны.

Вопрос: Я просил бы вас, отрешившись от слова «фашизм» как от ругательства, определить, что это такое.

Т.Очирова: Любое слово имеет прежде всего семантическую ценность. Я же подчеркнула, что эмоциональные выкрики «фашизм, фашизм!» — это не решение вопроса. Фашизм не ругательство, а понятие, выражающее определенную систему общественных ценностей. Каких — этому и был посвящен весь мой доклад.

Вопрос: Я не согласен вот с чем. Вы сказали, что национализм ведет к фашизму. Или это просто оговорка?

Т.Очирова: Гипертрофия национализма. И использование его в политических целях.

Реплика: Национализм — это возрождение нации, угнетенной нации, а фашизм — это то, что ущемляет интересы другой нации.

Т.Очирова: Можете ли вы привести примеры здорового национализма?

Вопрос: Могли бы вы объяснить разницу между фашизмом и тоталитаризмом? Что является частным случаем чего?

Т.Очирова: Очень трудно провести границу. Миф о классе идентичен мифу о расе. Давайте возьмем искусство. Искусство Германии 30-х годов. Это те же приемы, те же распахнутые шинели, тот же жест вытянутой руки вперед, та же апелляция к народности, к идейности, — все то же, что и у нас, все сходно. Литература Германии 30-х годов — это тот же соцреализм. Я уже не говорю, что система лагерей была одна. Лагеря возникли сначала в государстве пролетарской диктатуры, потом их переняли фашисты. Я не вижу разницы между структурами тоталитаризма и фашизма. Это общая черта XX века — создание тоталитарных диктаторских режимов.

Г.Мамулия: Доклад был исключительно интересен. Я хотел бы дополнить его материалами грузинского нацизма или грузинского фашизма, который формируется в Грузии сейчас. Как ни парадоксально, автором грузинского фашизма выступает Грузинский Хельсинкский союз, и обосновывает это в цикле лекций, прочитанных самим председателем этого союза. Конечно, сейчас в Грузии как такового фашизма нет, но в идеологическом плане он уже складывается. И он непосредственно связан с историческим мифотворчеством. Пример такого мифотворчества — содержание этих лекций. Смысл в том, что 4000 лет назад, до рождения Иисуса Христа, существовала чистая протогрузинская раса, которая охватывала территорию от Са-

рыкульчая, современную Индию, распространялась на Запад и Англию. Эта раса говорила на языке богов, т.е. общение с богами происходило не через жрецов, а непосредственно. В 3-м тысячелетии наступает катастрофа, индоевропейские племена вторгаются, членят эту расу, и на сегодняшний день эта раса сохраняется лишь на Кавказе, т.е. она представлена грузинами. Затем используется средневековая легенда 10 века, хотя авторами она датируется по-разному, Согласно этой легенде скоро должен наступить день Страшного суда — в конце XX века, нам осталось примерно 9 лет. Иисус Христос на грузинском языке будет судить народы. Грузинский народ будет высшим судьей. Этика грузин будет поставлена в пример англичанам, французам, и те будут осуждены. Новым Мессией будет избран грузинский народ, чтобы преподнести всему человечеству свою этическую норму, и после этого произойдет восстановление чистой грузинской расы, которая вновь охватит территорию, начиная от современной Индии и включая Англию. Эта территория предназначена для толпы, грубо выражаясь — для быдла. Легенда является идеологическим обоснованием преимущества грузинской расы. Эта идеология идет на смену марксизму. Она подается в христианской форме. По программе, когда Грузия становится независимым государством, христианство превращается в государственную религию. Совмещение этих принципов, якобы, определяет великую миссию грузинского народа. Сегодняшнюю грузинскую практику мы видим: это силовые приемы, характерные для нашего общества, как и нарушения прав человека. Тоталитаризм в Грузии сегодня носит несколько карикатурный характер, но тем не менее такая сублимация марксизма существует, она охватывает темные массы в порыве того энтузиазма, который нам часто напоминает 30-е годы в Германии. Книга «Историческая миссия Грузии» издана 50 тыс. тиражом. Было предложение перевести ее на другие языки, но даже в Грузии ее стараются не переиздавать, считая это постыдным для грузинского народа.

Реплика: Мне кажется, тоталитаризм и фашизм соотносятся в том плане, что всякий фашизм — это тоталитаризм, основанный на национальной идее. Однако тоталитаризм может быть основан и на другой идее.

В.Гогуадзе: В отличие от Мамулия, у меня другой подход, другой взгляд на власть Гамсахурдия. Я не собираюсь сваливать всю вину на него. Гамсахурдия не автор той тоталитарной структуры, которую он возглавляет, он инструмент в руках того

же Кремля, который он обзывает последними словами. И вот парадокс: профессора Мамулия, и меня, и других, более известных людей, он называет кремлевской интеллигенцией, агентами Кремля, и тех людей, которые выступают за освобождение политзаключенных; среди них Тенгиз Абуладзе, Роберт Стура, тоже в таком положении. Поэтому у нас культура мертва. Я не знаю, когда она оживится, но по всем официальным каналам — запрет на выступления. Мы не официальные лица, а люди такой категории не могут выступать в официальной прессе. Мы неоднократно просили диалога, ибо без него не найдешь общего языка с народом. Поговорка «Каждый народ имеет то правительство, которого заслуживает» относится к тем народам, которые могут влиять на свое правительство. У нас этого нет. Поэтому я никак не могу обвинять в международных конфликтах ни грузинский народ, ни осетинский, ни какой другой. В данном случае народ инструмент тех черных политических сил, которые имеются в нашей стране. Дай Бог, чтобы мы могли мобилизовать все демократические силы. Не думайте, что грузинская интеллигенция сломлена, нет, мы держимся. Мы хотим, чтобы и мы, и наши противники спасали друг друга, и чтобы среди нас не было побежденных.

Вопрос: Скажите, сколько газет выпускает Конгресс Грузии?

В. Гугуадзе: Ни одной.

А. Даниэль: Не берусь сейчас делать дефиниционные различия между фашизмом, тоталитаризмом, авторитаризмом. На эту тему написаны сотни томов. Я хочу только сделать замечание, что термины «военный режим» и «фашизм», строго говоря не равнозначны. Это разные вещи. Пример тому — военный режим в Португалии, имевший место первые несколько лет после «Революции гвоздик»*. И в дополнение я хотел сказать вот что: говоря об агитации в пользу военного режима в сегодняшней советской прессе, нельзя не добавить, что такого рода агитация давно существует в прессе эмигрантской. Еще в 30-е годы выходил ряд работ о возможности военного переворота в СССР, наиболее известна среди них книга Д. Анина, вышедшая в 1939 году и называющая в качестве доказанного факта заговор Тухачевского и других. В новейшей эмигрантской

* Революция гвоздик — первая бескровная демократическая революция в Европе 1976-77 г.г. в Португалии, точнее военный переворот, свергший в апреле 1974 г. режим Каэтано, преемника Салазара. В дула винтовок, как символ ненасильственного характера переворота, военные втыкали алые гвоздики. Взяв власть и сформировав новое демократическое правительство, военные самоустранились от власти. (Ред.)

прессе — тоже. Апология авторитаризма происходит и в советской инакомыслящей оппозиции, например, «Письмо вождям» Солженицына. В самое последнее время мысль о благотворности военной диктатуры в нашей стране высказывал такой известный деятель эмиграции, как Владимир Буковский. Таким образом, советский генштаб и его публицисты не могут претендовать на приоритет.

И.Мелашвили. Я член той самой организации, которую обвиняют в фашизме, в тоталитаризме, руководителя которой обвиняют в том, что он установил фашистский режим в Грузии. Мы не хотели выступать, но против нас выдвинуты обвинения, и мы вынуждены ответить, хотя и не готовились. Мое выступление будет сбивчиво, но я постараюсь ответить на все, о чем говорили господин Мамулия и господин Гогуадзе. Книга, о которой говорил Мамулия, сейчас переводится и скоро выйдет на русском языке, так что никто ее переводить не боится. Я не люблю вести дискуссию о том, с чем вы не знакомы. Эта книга — не постулат политического развития Грузии, а анализ и обзор материалов, которые издавались о Грузии в разное время. Кстати, теория о протогозуинах распространена на гораздо большей территории, чем Грузия сейчас занимает. Эта теория создана не грузинами, а немецкими учеными. А их заподозрить в грузинском шовинизме невозможно. О миссии грузинского народа написано в одной из духовных книг X века. Писалось это в то время, когда православия на Руси еще не было, и речь шла именно о миссии грузинского народа в распространении православия. Еще раз повторю: в книге дан обзор всей этой литературы. Но ни Гамсахурдия, ни кто иной не говорил публично, в выступлениях, что это политический постулат нашего развития, или что развитие человечества должно идти по такому сценарию, по такому пути. Что касается вопроса о политзаключенных, то не буду сейчас говорить, есть политзаключенные в Грузии или нет, потому что мы разного мнения по этому поводу. Я уполномочен заявить, что процесс по делу тех людей, которых вы называете политзаключенными, а мы называем криминальными элементами из-за той деятельности, которую они ведут, будет открытый. Будут приглашены разные хельсинкские группы, и на этом процессе будут представлены все материалы, касающиеся деятельности подсудимых. Что же касается того, что обвиняемые слишком долго находятся под стражей, то по делу проходит очень много людей, процесс сложный, а должен он быть исчерпывающим, т.е. должны быть

задействованы все лица, которые в нем участвуют. Это было главной причиной задержки. Гласность и открытость этого процесса мы гарантируем. Любой из вас, кто захочет побывать на этом процессе, сможет это сделать. Любой из вас сможет ознакомиться с материалами процесса, но только после того, как следствие будет закончено. Я знаю, что господин Даниэль хотел ознакомиться с этими материалами, но правоохранительные органы заявили, что пока идет следствие, материалы представлены быть не могут.

А. Даниэль. Для справки: когда я ездил к Дж.Иоселиани, я не просил предоставить мне материалы следствия, цель была увидеть Иоселиани, уговорить его снять голодовку, которую он держал тридцать седьмой день. Впрочем, мой коллега Леонов, который ездил в Грузию раньше, материалы следствия получил.

И. Мелашвили. Что касается оценки политической ситуации в Грузии, то мы тоже можем предоставить ряд публикаций, противоречащих вашей точке зрения. И все же я думаю, что ссылаться на различные публикации и вводить в заблуждение людей, которые не были в Грузии, это нечестно. В Грузии выходят шестьдесят пять изданий, из них всего семь принадлежат правительству. У Конгресса не может быть своего издания, потому что Конгресс — не официальный орган. Любой орган, который выпускает свою газету, несет юридическую ответственность. Несмотря на это, в Грузии выпускаются газеты и национал-христианские, и многих оппозиционных партий.

Вопрос: Правильно ли я вас понял, что правительство Грузии может предоставить возможность приехать комиссии, в которую входят члены МХГ, МХФ, в которую могут быть включены представители «Мемориала», депутатского корпуса Верховного Совета Украины, к примеру, которая могла бы на месте ознакомиться с материалами уже закончившегося следствия по делу Дж.Иоселиани, встретиться с различными общественными организациями Грузии и сделать свои выводы по данному вопросу?

И. Мелашвили. Пожалуйста. Мы не только поможем это сделать, но мы сами намерены просить об этом. Я говорю это официально. Мы все сделаем для того, чтобы вы приехали. И не только вы, но и иностранные наблюдатели тоже. Спасибо за внимание.

Психологические аспекты национальных проблем

Фет А.И. , Новосибирск, Сибирское отделение АН России

Как сказал Декарт, люди избавились бы от половины своих заблуждений, точно определив значение слов. Поэтому первым предметом обсуждения должно быть название моего доклада. Полагаю, всем понятно, что означает прилагательное «психологические», хотя в нашей стране с тридцатых годов не существует научной психологии. Иначе обстоит дело с «национальными проблемами», поскольку нуждается в определении самое понятие «нации». Это понятие связывается обычно с некоторыми признаками, общими той или иной группе людей; в число таких признаков включаются общий язык, общее происхождение, проживание на общей территории, общее государство и, наконец, общая культурная традиция. Мы должны проследить, чтобы наше определение соответствовало интуитивному представлению о нации, поскольку ученые не выдумывают свои определения, а лишь уточняют уже имеющиеся в обращении понятия.

Прежде всего, общность территории, государства и даже языка, хотя и существенны для определения нации, не обязательно согласуются с обычным употреблением этого слова. Канадские французы, упорно сохраняющие свой язык и культуру, лишь в очень искусственном смысле могут быть включены в некую «канадскую нацию», точно так же, как два миллиона французских колонистов, еще недавно живших в Алжире, были бы очень удивлены, узнав, что они не французы. В том же положении находятся английские колонисты в африканских странах, и понадобились столетия, чтобы голландцы в Южной Африке ощутили себя особой нацией и придумали себе искусственное имя. Весьма сплоченная, обладающая прочной исторической традицией швейцарская нация говорит на трех, или даже на четырех языках, бельгийцы — на двух языках; евреи и армяне, сохраняющие в диаспоре свои традиции, говорят на языках стран, где они живут. Что касается общего государства, то поляки прожили несколько столетий, разде-

ленные между тремя империями, а злополучные курды и до сих пор находятся в таком положении.

Для группы людей, которую мы называем «нацией», не обязательно также общее происхождение. Народы немецкого происхождения — австрийцы, говорящие по-немецки, швейцарцы и жители Эльзаса и Лотарингии — не входят в немецкую нацию; англоязычные народы бывших английских колоний не принадлежат к английской нации. Я не говорю уже о том, что все нации — смешанного происхождения: например, весьма отчетливо выделенная, существующая около семи столетий английская нация образовалась из смешения кельтов и германцев, с примесью более древнего, доиндоевропейского населения, а резко своеобразный английский язык, ставший теперь языком международного общения, содержит около 40% слов германского происхождения и около 60% — французского. Американцы, по праву считающие себя единой нацией, образовались из смешения различных национальных и племенных групп, русские же, одна из самых смешанных по происхождению наций, сохраняют на огромной территории свою языковую и культурную однородность. Таким образом, указанные признаки наций — общность языка, территории, государства и происхождения — отнюдь не обязательны для тех человеческих сообществ, которые мы называем нациями, хотя имеют к этому понятию очевидное отношение.

Иногда приходится слышать, что «нации» вообще появились лишь в семнадцатом или восемнадцатом веке, а прежде были только «племена» или, может быть, «народы». По-видимому, такое представление сложилось на материале европейской истории, где очень поздно образовались некоторые «национальные государства», но и в Европе мы сталкиваемся с такими сообществами, как англичане, обладавшие всеми признаками нации уже с 14-го века. Вне Европы мы обнаруживаем древних египтян, несомненно бывших нацией больше трех тысячелетий, и китайцев, остающихся нацией столь же долго. Новым оказывается только слово «нация», в некоторых его современных сочетаниях, сами же нации были очень давно, и очень давно существовал, под разными названиями, «национальный вопрос». Мы переживаем теперь вовсе не начало наций, а начало их конца.

Единственным признаком, неизменно сопутствующим нации, является культурная традиция. Поэтому для наших целей можно заменить понятие нации понятием культуры, в том смысле, как его применяют этнографы. В самом деле, мы не ставим себе целью исследование понятия нации, а занимаемся «национальными проблемами», точнее, национальными конфликтами, по-

тому что внутренние проблемы наций и положительные аспекты отношений между ними также остаются вне нашего рассмотрения. Но тогда можно говорить о столкновении культур, используя методы этнографии и, в особенности, этологии*. Как мы увидим, этологический подход к «национальным проблемам» приводит к новым точкам зрения и подходам, вряд ли доступным обычным историческим и философским рассуждениям. Возможно, вызовет возражения привлечение к этим вопросам этологии — науки о биологических основах поведения, общих животным и человеку. Но великие ученые нашего времени не стеснялись применять этологию к человеку, и чрезмерная гордость нашим особым положением не свидетельствовала бы о нашей мудрости, как и во времена Дарвина. Поистине, нам нечем гордиться перед нашими животными родственниками после всего, что мы видели в этом веке.

Конечно, можно заметить, что, заменив конфликты между нациями конфликтами культур, мы расширяем наш предмет исследования, поскольку многие племена, еще не ставшие нациями в обычном смысле этого слова, обладают, разумеется, своими культурами, каковы, например, культуры ряда племен Африки и Полинезии. Но столкновения этих культур с европейской культурой, а нередко и между собой, демонстрируют все признаки «национальных проблем», о которых здесь идет речь. Кстати, термин «европейская культура», только что употребленный, есть собирательное понятие, подходящее для таких конфликтов, где все европейцы могут быть объединены в одну культурную группу. Но, как правило, я буду понимать термин «культура» в более узком смысле, соответствующем обычному представлению о «нации», так что в дальнейшем речь будет идти о таких культурах, как английская, русская или китайская, а не о таких, как европейская, индийская и дальневосточная.

Чтобы понять, что такое «культура», мы нуждаемся в некотором научном описании этого явления. Научное описание, в отличие от поэтического изображения или философской конструкции, всегда прибегает к функциональным схемам, или моделям. Для самых простых систем можно строить математические модели, но в более сложных случаях приходится использовать в качестве моделей другие естественные системы. Общие закономерности моделирования были изложены в книге Ю.А.Гастева**. (Изгнание из

* Этология — наука, изучающая поведение животных в естественных условиях. (Ред.)

** Гастев Ю.А. (р. 1927 г.) — математик, философ, логик. ныне живет и работает в Бостоне. (Ред.)

отечества помешало этому замечательному логике продолжить свою работу).

Психоаналитик Эрик Эриксон* предложил в качестве модели человеческой культуры биологический вид. (Он даже назвал культуру «псевдовидом»). Конрад Лоренц, австрийский зоолог, создатель эволюционной этологии, подробно изучил эту модель в своей последней книге «Оборотная сторона зеркала», которой я буду руководствоваться в дальнейшем. Разумеется, за применения модели к конкретным вопросам несую ответственность я один.

Культура, в интересующем нас смысле национальной культуры, и в более общем смысле передающейся по традиции структуры поведения в человеческой группе, сходна с видом в том, что основные черты ее воспроизводятся из поколения в поколение. Но способ передачи культурной традиции совершенно отличен от способа передачи видовых признаков. Признаки вида всегда передаются генетическим путем, в том числе и свойственные каждому виду способы обучения потомства. Между тем, признаки, отличающие одну культуру от другой, передаются путем культурной традиции, в том числе и новые свойства, приобретенные на личном опыте носителем традиции. Лоренц называет это «передачей приобретенных признаков», безусловно невозможной в дочеловеческом мире. Этот новый механизм наследственности привел к чрезвычайному ускорению эволюции культур. Вид животных возникает в течение миллионов лет, культура же складывается в несколько столетий. Отсюда понятно огромное разнообразие культур, заполнивших 50 или 60 тысяч лет существования гомо сапиенс.

Подобно виду, культура борется за свое существование в некоторых условиях окружающей среды. природной или человеческой, и в этой борьбе изменяется, приобретая целесообразные приспособления. Такими приспособлениями могут быть способы собирательства, охоты, животноводства и земледелия, позволяющие выжить в данной природной среде, или средства ведения войны и воинственные установки, позволяющие выжить в данном человеческом окружении. Для сохранения культуры очень важна коллективная деятельность составляющих ее индивидов — еще важнее, чем в животном мире, где стадные способы поведения присущи не всем видам, а в самом интересном случае

* Эриксон Эрик Хомбергер (р. в 1902 г.ду) — американский психолог, представитель так называемой гуманистической психологии — направления в западной психологии, которое признает своим предметом личность как уникальную целостную систему. (Ред.)

хищников, с наиболее развитыми формами общения и эмоциями, никогда не проявляются круглый год. Коллективное поведение стадных животных требует узнавания признаков собственного вида, и генетическая наследственность обеспечивает все особи одного вида нужными для этого сходными признаками. В случае культуры дело обстоит сложнее. Сплоченность и солидарность между представителями одной культуры, необходимые для коллективных действий, также требует узнавания и различения «своих» и «чужих». Деление людей на «своих» и «чужих», на причастных данной культуре и посторонних ей, настолько фундаментально, что без такого, достаточно отчетливого, деления никакая культура не может существовать. Но, в отличие от генетически определенных видовых признаков, признаки «своей» культуры не всегда выражаются в достаточно отчетливой физической форме. Поэтому эволюция культур вырабатывает служащие ей для той же цели символы. Поскольку эти символы важны для сохранения культуры, им обычно приписывается сакральное значение. Сюда относятся флаги, значки, национальные одежды и т. д.

Роль символов в человеческой жизни детально изучена психологами. Эрих Фромм* считал употребление символов самым важным, принципиальным отличием нашего вида от всех видов животных. Конечно, наша повседневная речь, не говоря уж о литературе и искусстве, была бы невозможна без постоянного употребления символов, от условных обозначений и сокращений до философских построений. Символы культуры, в частности национальной культуры, современное мышление не склонно принимать всерьез. Но еще недавно какой-нибудь стилизованный лев или орел, изображенный на государственном гербе, вызывал у людей достаточно серьезные чувства, нередко заставляя их умирать за дело, не имевшее прямого отношения к их существенным интересам. Иррациональные в этом смысле символы культуры выполняют, однако, свою немаловажную охранительную функцию, и как раз нынешнее ироническое отношение к ним доказывает падение престижа традиционных культур, стирание границ между ними. Обсуждение в Соединенных Штатах вопроса об оскорблении национального флага недвусмысленно свидетельствует об этом факте. Хорошо это или плохо — другой вопрос, к которому я дальше вернусь.

Эволюция символов культуры поразительно напоминает эволюцию видовых признаков, как это вытекает из подробных

* Фромм Эрих (1900-1980) — немецко-американский психолог и социолог, один из главных представителей неофрейдизма. (Ред.)

исследований. Если отнестись с доверием к нашей модели, из нее можно вывести некоторые заключения. Как известно, чем ближе виды или разновидности, тем отчетливее и ярче различающие их сигнальные знаки, например, окраска или форма ритуальных движений. Можно ожидать, что чем ближе две культуры, тем сильнее в них проявляется склонность подчеркивать их различия, особенно в символической форме. Там, где уже почти не осталось культурного своеобразия, символы приходится заимствовать из прошлого или просто изобретать. Поскольку их смысл зачастую непонятен, их носят с вызывающей нарочитостью, как русские мальчишки расхаживают со свастикой или неверующие интеллигенты — с крестом.

Отношение индивида к своей культуре — или к той культуре, которую он считает своей — отличается особым демонстративным энтузиазмом, напоминающим соответствующие реакции стадных животных, например, так называемый триумфальный крик гусей. Проявления патриотизма, национального самолюбования и элитарного снобизма по своим формам поразительно сходны с зоологическими механизмами, имеющими целью поддержание тонуса и сплоченности группы. Имеются тщательно изученные ряды примеров этого рода, убийственные для модного в наши дни дешевого энтузиазма; к сожалению, для ощущения таких аналогий требуется чувство юмора, а юмор, как обнаружили этологи, есть одно из позднейших приобретений человеческой эволюции, неравномерно распространенное в популяции и отсутствующее как раз у тех, кому он больше всего нужен.

Точно так же, как животное не может жить вне своего вида, человек не может существовать вне культуры и, по-видимому, испытывает сильнейшее, генетически обусловленное стремление отождествить себя с некоторой культурной группой. В этологии такое инстинктивно обусловленное поведение называется «аппетентным»; вероятно, это и есть то, что имел в виду отец биологии Аристотель, когда назвал человека «зоон политикан», что обычно переводится как «общественное животное». Муравей может прожить в одиночку около шести часов; человек, конечно, может обходиться без людей значительно дольше, но дело не сводится к тому, что человек нуждается в обществе себе подобных, как это особенно заметно в крайних условиях, на необитаемом острове или в одиночном заключении. Обычно же человек не довольствуется обществом первых попавшихся ближних, а ищет отождествления с некоторой культурной группой; на языке индивидуальной психологии это означает, что он должен

решить для себя вопрос, кто он такой. По-английски эта предполагаемая сущность человека обозначается словом *identity*. Поскольку у нас в стране нет психологии и не выходит психологическая литература, я не знаю, как перевести это слово, и пользуюсь неуклюжим буквальным переводом: «тожество». Следует иметь в виду, что это технический термин.

У животных проблемы тожества вовсе нет, потому что животное не имеет выбора между видами и, более того, рождается в определенном стаде. Для человека с древних времен естественной культурной группой было племя, для древнего грека, разумеется, его полис. В средние века человек воспитывался в давно сложившейся, устойчивой культуре, в определенном сословии, и ощущал себя членом этого сословия почти так же спокойно, как если бы крестьяне, ремесленники и дворяне, живущие бок-о-бок, были бы разные виды животных, населяющие один ареал. Конечно, человеческие свойства иногда вступали в противоречие с этой системой, но, в общем, каждый знал о себе, кто он такой.

В наше время проблема тожества крайне обострилась. В поисках ответа на этот проклятый вопрос люди лихорадочно ищут себе какую-нибудь психологически приемлемую для них группу, откуда происходят шайки малолетних преступников и растущие как грибы после дождя фанатические секты. Сюда же относятся так называемый «национализм» и попытки гальванизировать труп давно умершей религии.

Уяснив себе, что такое культура, мы можем перейти к вопросу об отношениях между культурами. Несмотря на различие в способах передачи признаков, модель Эриксона-Лоренца позволяет понять многие особенности взаимодействия культур. Следует подчеркнуть, что речь идет не о простой аналогии, а именно о модели, поскольку наблюдается не простое сходство одной или нескольких характеристик, а повторение целого ряда закономерностей и зависимостей. Можно не сомневаться, что такая модель обладает и некоторой предсказательной силой.

Чрезвычайное разнообразие культур, с очень различными языками, обычаями и образом жизни можно было бы сопоставить с разнообразием видов животных; сторонний наблюдатель (пресловутый марсианин), изучая культуры как отдельные объекты, нашел бы мало сходства между какой-нибудь западной нацией и племенем, обитающим в джунглях Новой Гвинеи. Но наша модель приводит к противоположному выводу: она обнаруживает близкое родство всех этих, столь непохожих на первый взгляд, культур. В самом деле, на одной территории могут мирно сосуществовать да-

лекие виды, не находящиеся в конкурентных отношениях между собой; конфликт возникает лишь между близкими видами или разновидностями, претендующими на одни и те же ресурсы. Известно, что человеческие племена, проживающие на одной и той же территории, с незапамятных времен враждовали между собой. С точки зрения нашей модели, это следует рассматривать как признак близости всех человеческих культур, соответствующим, таким образом, не отдельным видам, а скорее разновидностям одного и того же вида. Следует подчеркнуть, что здесь речь идет не о генетической принадлежности всех людей к одному виду, не вызывающей сомнений и проявляющейся, в частности, в близости индивидуальных признаков. Мы рассматриваем здесь, в рамках нашей модели, не отношения между индивидами, а отношения между культурами, которые обладают резко различающимися внешними признаками и могли бы восприниматься как очень различно устроенные системы. То обстоятельство, что эти системы построены из мало различающихся элементов, — индивидов гомо сапиенс, само по себе ничего не говорит об их функциональном сходстве: вспомним, сколько разных машин можно построить из одного и того же металла. Но, оказывается, машины, построенные из человеческих личностей, не так уж сильно отличаются друг от друга; здесь трудно не вспомнить старинную иллюстрацию к Гоббсу*, изображающую фигуру Левиафана, сложенную из человеческих тел. Так вот, есть, по-видимому, некоторые неизбежные формы, которые должен иметь Левиафан.

Глубокое родство между всеми человеческими культурами подтверждается тремя исследованиями, независимыми от нашей модели. Первое из них, выполненное Эйбл-Эйбесфельдом** и его сотрудниками, состояло в изучении способов выражения эмоций в разных культурах, проявляемых выражениями лица, жестами и телодвижениями. Это самый древний вид общения между людьми, заведомо предшествующий членораздельному языку, и еще Дарвин утверждал, что способы выражения эмоций у всех людей по существу тождественны. Группа Эйбл-Эйбесфельда пользовалась особым видом кино съемки, при которой на объектив насаживалась призма, так что

* Гоббс Томас (1588-1679) — английский философ, создатель первой законченной системы механического материализма. Государство Гоббс уподоблял мифическому библейскому чудовищу Левнафану и считал результатом договора между людьми. (Ред.).

** Эйбл-Эйбесфельд Иренаус — современный биолог, автор книг «В царстве тысячи атоллов», М., «Мысль», 1973, «Загарованные острова», М., «Прогресс», 1971. (Ред.).

снимался не человек перед аппаратом, а люди сбоку от аппарата, не подозревавшие, что на них обращают внимание. Это позволило регистрировать поведение людей в естественном виде. Выводы Дарвина были полностью подтверждены: все непосредственные проявления человеческих эмоций оказались не зависящими от культуры.

Второе исследование, выполненное лингвистами школы Хомского*, показало, что основные структуры языка обнаруживают во всех культурах одни и те же структуры мышления. Оказалось, что в основе этих структур во всех случаях лежат геометрические конструкции, изображающие пространственные отношения окружающего мира в некотором воображаемом «психолингвистическом» пространстве: относительное положение внешних объектов описывается в нем словами «спереди», «сзади», «справа», «слева», «рядом», «ближе», «дальше» и т. п., везде одинаково встроенными в структуру языка. Эта же школа лингвистов доказывает, что язык неотделим от мышления и, в некотором смысле, составляет его осто; поэтому описанные явления свидетельствуют об одинаковой во всех культурах «пространственной» основе мышления.

Третье исследование, составившее проект Корнельского университета под названием «Ядро правовых систем», обнаружило, что при всех видимых различиях правовые системы всех времен и народов имеют в своей основе одни и те же понятия: если освободить их от случайных наслоений и локальных способов выражения, то оказывается, что во всех культурах выработались одинаковые представления о том, что хорошо и что плохо. Кстати, это исследование и другие, приведшие к тем же результатам, вернули к жизни наивное, но глубокое интуитивное построение, носившее два века назад название «естественного права»**.

Таким образом, конфликты между культурами вовсе не свидетельствуют об их чуждости, а, напротив, означают, что они очень близки, аналогично разновидностям одного вида. Если две культуры существуют на одной территории, то они используют одни и те же ресурсы — именно потому, что они близки и имеют близкие потребности. Отсюда неизбежно возникают конфликты, но этим дело не ограничивается: в случае челове-

* Хомский Авраам Ноом (р. в 1928 году) — американский языковед, крупный представитель прикладной лингвистики. (Ред.).

** «Естественное право» — понятие политической и правовой мысли, означающее совокупность прав, вытекающих из природы человека. Восходит к Аристотелю, а особое распространение получает в 18-19 веке. (Ред.).

ческих культур проявляется еще один фактор, не имеющий аналога в нашей модели.

Конкуренция между особями разных видов обычно не принимает характера физического столкновения, даже если они используют одни и те же ресурсы. Дикая собака динго, ввезенная в Австралию и встретившая там сумчатых животных, охотившихся на ту же добычу, вряд ли могла выдержать схватку с этими более сильными хищниками, но вытеснила их, потому что была умнее: она попросту оставила их без пищи. Агрессия в животном мире проявляется только между особями одного вида: это открытый Лоренцом инстинкт внутривидовой агрессии, первоначальной функцией которого является защита охотничьего участка. Этот инстинкт, существующий только у хищников, стимулирует их к нападению и изгнанию любого индивида своего вида и сдерживается корректирующими механизмами, защищающими потомство и партнеров во время размножения. Отметим, что между хищником и его добычей нет никаких агрессивных отношений, как между человеком и его пищей (это сравнение Лоренца). Человек, разумеется, является хищником, а потому инстинкт внутривидовой агрессии неизменно действует между каждым двумя человеческими существами; и поскольку у человека эволюция в значительной степени разрушила естественные механизмы, сдерживающие агрессию, их заменяют культурные ограничения, обычно действующие лишь в пределах данной культуры.

Между тем, все люди, независимо от их культурной принадлежности, образуют один биологический вид, и, следовательно, между членами разных культур инстинкт внутривидовой агрессии может действовать без ограничений. Это не только усиливает столкновения между культурами, но и придает им характер прямой физической конфронтации, очень редкий в соперничестве животных видов. Надо заметить, что в этих рассуждениях понятие «вид» выступает в двоякой роли: с одной стороны, вид животных служит моделью некоторой человеческой культуры, так что отношения между видами моделируют отношения между культурами; с другой же стороны, особи, принадлежащие всем культурам, составляют один вид в биологическом смысле, без отношения к модели. При использовании нашей модели надо внимательно следить за семантикой слова «вид».

Конфликты между культурами происходят, таким образом, вследствие конкуренции в использовании ресурсов и внутривидовой агрессии.

В природе близкие разновидности могут сохраниться лишь при географической изоляции: на одной территории они попросту смешиваются. Человеческие культуры, как мы видели, имеют тенденцию к самосохранению, сопротивляясь смешению и ассимиляции, и вступают между собой в борьбу за используемые ими ресурсы. При этом у индивидов каждой культуры проявляется специфическое аппетентное поведение, привязывающее их к обычаям и символам своей группы, а между индивидами разных культур действует инстинкт внутривидовой агрессии, не сдерживаемый культурными запретами. Каким образом можно надеяться устранить или хотя бы ослабить конфликты между культурными группами?

Когда-то их столкновения смягчались географической изоляцией, хотя и в самые отдаленные времена люди были непоседливы и не держались строго своих территорий. В наше время население земли интенсивно смешивается, и никакие меры изоляции, совместимые с общепринятыми нормами цивилизации, не могут этому помешать.

Когда две культуры начинают совместную жизнь на одной территории, между ними неизбежно начинается конкуренция, поскольку они используют одни и те же ресурсы. В самом деле, отмеченная выше близость всех человеческих культур означает прежде всего близость потребностей. Могло бы показаться, что в южных штатах Америки когда-то мирно сосуществовали культура белых рабовладельцев и культура черных невольников, резко отличавшихся по своему образу жизни и потому не имевших причины враждовать. В этом и состояла идеология белых хозяев, понимавших, как важно для них удерживать черных в их не конкурирующих общественных ролях. Но такое положение не могло долго продолжаться, потому что черные не могли и не хотели создать из своей роли культурную традицию. Я не говорю уже об инстинкте агрессии, безудержно вызывавшем конфликты между группами.

Точно так же, не могут составить отдельные культуры эмигранты из Африки, Азии и Восточной Индии, осевшие в странах Западной Европы в последние десятилетия. Они не всегда готовы довольствоваться самыми невыгодными заработками и наименее престижной работой, между тем как известная часть коренного населения, не способная к лучшим видам труда, часто довольствуется ими. Возникает типичная ситуация, аналогичная конкуренции двух разновидностей, зависящих от одних и тех же ресурсов. Кстати, биологическую сторону конфликта умело используют расисты, всячески внушая некачественным слоям

рабочих, что «цветные» отбивают у них заработок. Такого рода «защиту национальной культуры» можно сопоставить с тем, как «защищали» немецкую культуру нацисты; ее невозможно оправдать ни с моральной, ни с экономической точки зрения. Но биологически обусловленные силы — конкуренция в использовании однородных ресурсов и внутривидовая агрессия — продолжают действовать, пока сохраняются культурная изоляция со специфической аппетенцией и высвобождением агрессии на границе культур.

Очевидный выход из такого положения состоит в повышении общей культуры населения — где слово «культура» понимается уже не в этнографическом смысле, а в смысле гуманистической культуры, которую мы надеемся сохранить и возродить. В этой области имеются некоторые успехи, хотя и очень скромные, но заслуживающие внимания. На наших глазах заметно уменьшилась культурная изоляция национальных и расовых групп в Соединенных Штатах, хотя это коснулось преимущественно белых, в то время как черные еще не вышли из своего психологического гетто. Те же процессы идут в Западной Европе, где почти исчезли традиционные «национальные» конфликты, хотя и сохранился барьер, отделяющий европейцев от «цветных». Понятно, что интеграция более далеких, экзотических культур остается делом будущего, но перспективы ее в западном мире выглядят теперь гораздо более благоприятно, чем в годы последней войны, пятьдесят лет назад. Через несколько лет лозунг Соединенных Штатов Европы, еще недавно казавшийся утопическим, может воплотиться в жизнь. Могло бы показаться, что эти процессы противоречат сделанным выше выводам из модели Эриксона-Лоренца, согласно которой близость культур несовместима с бесконфликтным существованием на одной территории. Но в действительности то, что сейчас происходит в Европе и Соединенных Штатах, есть просто разложение национальных культур, стирание граней между ними. Вспомним, что всякая культура может существовать лишь изоливаясь от других культур обычаями, запретами и священными символами. Когда обычаи усредняются до общеевропейских или общеамериканских, запреты не вызывают даже насмешки, а священные символы охраняются лишь теми, кому за это платят, тогда культура понемногу отмирает, в частности отмирают национальные культуры Запада. Без сомнения, за ними последуют все другие. А это значит, что приходит конец нациям.

Итак, мирное сосуществование людей предполагает стирание границ между национальными культурами, их взаимное проникновение и в конечном счете, ведет к исчезновению наций.

Парадоксальным образом мы наблюдаем в нашей стране вспышки национального энтузиазма, как будто противоречащие этой тенденции. Дело здесь не только в нашей вечной отсталости, хотя и в этом отношении мы донашиваем моды начала столетия. Люди нашей страны переживают теперь необычайно обострившуюся проблему identity. Разрушение традиционных культур лишило советского человека уверенности: в принадлежности к какой-либо группе и, тем самым, уверенности в себе. Революция уничтожила сословия и религию, «перестройка» уничтожила коммунизм. Так называемый «кризис идеологий», давно прошедший на Западе, дошел, наконец, и до нас. Человек не может больше определять себя как пролетарий, коммунист или, даже в чисто отрицательном смысле, как контрреволюционер: все это стало смешно. По-видимому, эти вещи перестали восприниматься всерьез еще в шестидесятые годы.

Проблема принадлежности, или тождества, не ограничивается нашей страной, это одна из главных проблем современного человечества. Я попытаюсь объяснить, каким образом она возникла в истории. Историю делят обычно на три эпохи: древность, средние века и новое время. Как мне кажется, эти эпохи различаются вполне реальным признаком: способом деления людей на культурные группы. В древности люди делились на племена; в средние века они стали делиться на религии; а в новое время возник еще один, новый способ деления людей — по идейным убеждениям. Каждый новый принцип деления не отменял, разумеется, предшествующие, но в некотором смысле оттеснял их на второй план. Эта схема мировой истории, в сущности, не нова. Ее изобрел еретик двенадцатого века Джоакино да Фьоре. По его учению, сначала было царство Отца, затем его сменило царство Сына, а теперь наступает царство Святого Духа. На языке нашего времени это значит, что мы до недавнего времени жили под властью идеологий. Слово это приобрело дурную репутацию: идеологии вроде либерализма и марксизма в начале века были дискредитированы — я принимаю здесь исторически обоснованное определение, — завершающее прошлый век началом первой мировой войны. Потрясение, испытанное человечеством в этой войне, привело к развитию социальных явлений, аналогичных тому, что в индивидуальной психологии называется регрессией.

Регрессия личности состоит в том, что человек, переживший тяжелое потрясение, теряет психическое равновесие взрослого и возвращается к чувствам и понятиям своего детства. Так вот, двадцатый век можно назвать веком племенной регрессии или,

если угодно, веком национализма. Человечество на время вернулось к племенному способу деления, в ветхозаветное царство Отца. Несомненно, наш век — это время глубокого упадка культуры, и хотя в нашей стране этот процесс принял особенно катастрофические формы, явления упадка наблюдаются повсюду и вызывают реакции у мыслителей, способных все это осознать. Не буду повторять всем известные имена.

Белый джентельмен из штата Алабама, потерявший веру в Бога, разоряется и не может больше считать себя преуспевающим дельцом. Тогда он вспоминает, что у него осталась белая кожа — сокровище, которое никто не может отнять. В этом весь национализм.

Мы живем в эпоху распада национальных культур. Их нельзя искусственно построить из оставшихся от них фрагментов, из расовых признаков, музейного фольклора и уличного языка. Точно так же, нельзя построить на пустом месте религию. Разрушение племен и религий как раз и привело к нынешней фазе национальных, т. е. культурных конфронтаций.

Обсуждение доклада

А.Даниэль: Вы очень пессимистическое будущее для нас нарисовали. Как в связи с этим вы относитесь к теории пассионарности Гумилева?

А.Фет: Любитель-историк Гумилев создал теорию пассионарности, которая сводится к введению в обращение еще одного слова. Он написал об этом исследование (его исследование об этносе давно имеет хождение в виде ротапринта института научной информатики). Теория Гумилева не заслуживает обсуждения на научном уровне, но заслуживает упоминания следующее. Гумилев в течение продолжительного времени был рупором и сторонником русских шовинистических взглядов.

В.Речицкий: Сейчас усиливается дифференциация общества на основе появления новых идеологий, или плюрализма идеологий. Как вы думаете, что является пружиной появления новых идеологий и возможной дифференциации в свете того, что вы рассказали? В чем глубинный смысл этого? Поскольку каждая из новых идеологий, видимо, не имеет самодовлеющего значения, а интересна тем, чем она отличается от других.

А.Фет: Это очень трудный, глубокий вопрос. Я не готов ответить на него во всей полноте. Дело в том, что мы переживаем

не время расцвета идеологии, а время регресса. Но я хотел бы верить в ту идеологию, которую условно называю гуманизмом. Гуманизм имеет свою историю. Не правы те, кто преждевременно провозгласил его кончину. Вы видели недавно, как фашистские режимы в Европе один за другим рухнули и были заменены представительным правлением и гораздо более человеческими нравами. Я надеюсь на идеологию гуманизма, которая из всего этого должна родиться.

Е.Миначев: Ваш доклад — это попытка создания новой идеологии? И второй вопрос: следует ли из вашего доклада, что человечество обречено на национальные конфликты?

А.Фет: Что касается первого вопроса, то никакой идеологии я не предлагаю. Я изложил только содержание некоторых исследований, проведенных в последнее десятилетие. Конечно, очень трудно отделиться от какой-либо идеологии. Например, когда Эйбл Эйбесфельд говорил недавно, что может быть, неразумно ввозить в Германию большое число иностранных рабочих, которые там плохо адаптируются, и создавать этим неизбежные конфликты, то он наткнулся на непонимание. Обычно взгляды такого рода расцениваются как расизм. Я, конечно, дальше всего от этого мнения. Если в моем докладе можно увидеть некоторую идеологию, то это отвращение к национальной розни. Что касается пессимизма доклада, то тут опять же очень трудно ответить, пессимизм это или оптимизм. Посмотрите на Европу. Совсем недавно лозунг Соединенных Штатов Европы казался утопией. Через несколько лет он, по видимому, осуществится. Хорошо это или плохо? Очень много людей скажут, что это безусловно хорошо. Я готов подробно объяснить, в чем и почему это будет плохо. Мой пессимизм философский. Он объясняется тем, что в каждом явлении я хочу видеть две стороны.

Е.Миначев: В том, что вы сейчас прочитали, было некоторое противопоставление культуры европейской и азиатской, исламской. Как эти культуры будут уживаться? Будут постоянные конфликты, или будет найден какой-то компромисс? Я не согласен с концепцией, что культуры должны отмирать, скажем, что европейская культура должна остаться, а восточная отмереть. Они обе должны развиваться. Но как — в конфликте, или в каком-то достойном компромиссе?

А.Фет: Необходимость компромисса давно осознана, и мы имеем документ ООН на этот счет. Есть «Декларация о правах человека» ООН, которая говорит о правах личности и ставит

их во главу угла. То, что права личности важнее, чем права какой-либо группировки людей — это основной принцип гуманизма. Те, кто это отрицает, не гуманисты. Как вы будете рассматривать «Декларацию о правах человека»? Она, конечно, европейская, т. е. понятия, которые в ней записаны, возникли из европейской культуры. Но не только из европейской, потому что сама европейская культура является продуктом взаимодействия разных культур. Об этом не следует забывать еще и потому, что в самых разных культурах возникают одинаковые понятия. Помните, я говорил об одинаковом правовом ядре в разных культурах. Поэтому никакого европоцентризма в моей точке зрения нет. Вырабатывается общее представление о правах человека, и это не совсем пессимистическая точка зрения. Я не согласен с теми, кто утверждает, что азиатские народы еще долго будут сохранять другие понятия. Что значит другие понятия? Конечно, их культура иная, но будет ли она настаивать на другой концепции прав человека? Это было бы очень плохо, и я в это не верю. А уж о том, насколько концепция прав человека европейская или нет, предоставим судить специалистам, это трудный вопрос.

Вопрос: Как вы определите временные рамки превращения Земли из многонациональной в многоидейную?

А.Фет: Вы требуете от меня пророчества, из скромности я должен уклониться от ответа. Могу только сказать, что это процессы очень медленные. Но то, что происходит теперь в Европе, удивляет всех.

Л.Богораз: Правильно ли я поняла, что вы утверждаете преимущества одной культуры перед другой? Считаете ли вы, что европейская идея прав человека настолько хороша, что она несомненно станет главенствующей, доминантной?

А.Фет: Не совсем. Я позволю себе несколько вульгарное сравнение: в европейской культуре изобретен автомобиль. Несомненно, что он происходит из этой культуры. Однако, он употребляется везде, потому что это изобретение полезное, потому что ему нет конкуренции. Разумеется, современная формулировка прав человека — она европейского происхождения. Сами понятия эти — совсем нет. Все мы помним, что права человека коренятся в учении великих учителей, в религии. Они учили одним и тем же принципам этики. Эти учителя религии совсем не были европейцами. Но окончательная формулировка, данная в документах ООН, которая сейчас общепринята, дана на языке европейского парламентаризма и демократии.

Те, кто может дать лучшую формулировку, пусть трудятся. Я совсем не причисляю себя к европоцентристам. Хотя, конечно, язык, на котором я говорю, возник из европейской традиции, что поделаешь.

Вопрос: Я хочу вернуться к вашему тезису, что нации идут к своему концу. И в качестве примера — Европа, где это происходит в настоящее время. Не думаете ли вы, что в Европе этот процесс принял более цивилизованную форму?

А.Фет: Считать, что это только европейское явление, трудно. Во всем мире идут аналогичные процессы. Я считаю, что это закономерность. То, что происходит в Европе, имеет свои особые казусы. Возьмите, скажем, Корсику или Северную Ирландию, и вы найдете некоторые резерваты национальных конфликтов, но это же и есть места, наименее затронутые европейской цивилизацией. Здесь было употреблено слово «цивилизация». Это более сложный термин, я же говорю о культурах. Цивилизация обычно понимается, как искусство технического обустройства жизни. Европейская жизнь технически обустроена. Этому надо подражать, это надо перенимать, но дело не в этом. Дело в гораздо более глубоких тенденциях. А слово цивилизация пахнет техникой, и я его, признаться, не очень люблю.

Вопрос: Могут ли быть защищены права индивидуума, если подаются права коллектива, в котором он находится? И второе: не кажется ли вам, что в различии культур есть различия психологического образа, психологического состава народов, которые эти культуры порождают, т. е. следствие биологического различия?

А.Фет: Права коллектива неотделимы от прав индивида. Любой закон, защищающий права коллектива, тем самым защищает права индивида, входящего в этот коллектив. Приоритет национальных прав над индивидуальными означает переход к совсем иной идеологии и несовместим с гуманизмом. Второе: нет, все исследования, которые проводились, свидетельствуют, что нет никаких принципиальных расхождений в психологии у всех людей. Все расхождения межкультурные, а не биологические. Все попытки найти биологические основы психологических расхождений между людьми ни к чему не привели. Нет таких научных данных.

А.Даниэль: Источники национальных конфликтов вы видите в инстинктах внутривидовой агрессии?

А.Фет: Не только.

А.Даниэль: Если инстинкт видовой агрессии присущ человеку как роду, не значит ли это, что идеологический мир будет реализовывать этот инстинкт уже не в межнациональных, а в межиидеологических конфликтах?

А.Фет: Что касается причин конфликтов между культурами, то я привел их две. Главная из них — это стремление культуры к самсохранению и вследствие этого — к четкой характеристике отдельных признаков. А вторая, сопутствующая, это высвобождение на границах между культурами общего, универсального инстинкта внутривидовой агрессии. Неизбежны ли конфликты между идеологиями — это трудный вопрос, я не берусь на него ответить. Могу только сказать, что, когда появляются лучшие идеологии, то появляются и лучшие шансы им ужиться друг с другом, и может быть, удастся создать механизмы, предотвращающие проявления внутривидовой агрессии. Ведь эта агрессия у людей корректируется.

Б.Петелин: С точки зрения философской постановки вопроса я совершенно согласен с докладчиком. Я сторонник биологической модели развития национальных сообществ. Но ведь исчезает конкретный момент, вот мы, представители «Мемориала», на местах занимаемся практическими вопросами. Сейчас мы переживаем период авторитаризма в развитии демократии, кстати, этот период был предсказан А. Солженицыным, отцом идеи и практики противостояния тоталитаризму, империи КГБ. Как писатель, он отличался пророческими способностями в описании человека и всех его проблем, в том числе, и наших сейчас. За эту идею он и получил ярлык сторонника чуть ли не самодержавной власти. Итак, наши проблемы. Чем травмируется сознание отдельного русского человека? Я буду говорить о вине, о русской вине. Во-первых, с чем мы имеем дело? С советским патриотизмом или с великодержавным русским шовинизмом? Далее, была у нас руссификация или советизация? Чтобы была яснее проблема спрощу: а распространенность англоязычного населения на планете — как здесь стоит вопрос?

Партократии необходим был универсальный инструмент контроля, общения с захваченным в плен населением. Русский народ — самый многочисленный, естественно, его язык и был выбран. Сталин объявил себя даже поклонником русской культуры. Воистину, это был дьявольский подарок судьбы для русских. Идеологизированные сообщества создавались на основе идеи изоляционизма и тоталитаризма. Так удалось ли системе

отрубить прошлое, в том числе и русскую идею, обособить от мира и цивилизации? Я думаю, что в значительной мере — да. И теперешнее западничество — это не то, что противопоставлялось славянофильству в прошлом веке. И «Память» — не только продолжение «Черной сотни». Здесь ведь видно и змеиное жало партократии. Вот они говорят о засилении партий, а кончают чем? Необходимостью сохранения Союза, имперской России, и тут же вводится старая идеология обвинения сионизма и т. д. А в Прибалтике и других регионах? Проблема русскоязычного населения — проблема советизации человека, видящего спасение в системе. Эта проблема, думается мне, идеологическая, а не национальная. Русскоязычность — формальный признак. И самое трудное: к сожалению, в основном русские парни убивали в Афганистане. Каинова печать будет на нас в памяти венгров, чехов, прибалтов до скончания века. Русских не любят — я не делаю открытия. Мы испытываем это также в Тбилиси и в других местах. Вот проблема психологическая, перед которой мы стоим всегда, когда общаемся с другими национальностями. Ведь русский народ в первую очередь пострадал от тоталитарной системы. Этот дьявольский эксперимент проводился на его живом теле, оболгана история, загажен народный дух, он пострадал от системы больше всего. Именно на чувстве личного достоинства все и замешано. Но — увы, исторический момент сейчас такой, для нас русских, что без чувства национального достоинства нам не обойтись. Это временная болезнь. Мы должны, как и другие нации, ею переболеть. Европа переболела, слава Богу. Без чувства национального достоинства мы будем отравлены ядом шовинизма. И как же каждому отдельному русскому человеку пережить эту вину? Я человек верующий, я вижу здесь только один путь — религиозный. Одна из величайших истин христианских — принять на себя бремя грехов человеческих. Ни мы, ни наши дети не отрестятся от нашей вины. Итак, единственный путь — очищение и покаяние, принять на себя бремя грехов наших предшественников. Мы не должны забывать своей вины перед теми, кого система именем русских поработала и убивала. Сталин — явление не только антихристово, но и национальное.

Е.Миначев: Доклад коллеги Фета был очень содержателен. Это попытка заглянуть в завтра, в развитие человеческого общества и цивилизации. Но, как я понял, это было объяснение сегодняшнего состояния. Эта концепция нам более приемлема. В последнее время есть много попыток предугадывания раз-

вития человеческой цивилизации в будущем. Что же ожидает человечество, скажем, в XXI веке? Конечно, есть необходимость рассмотреть взаимодействия различных культур, их идеологий. На человечество давит его тысячелетняя история. Это корни каждого этноса, большого или малого, и я думаю, что ни один народ не согласится с концепцией, что в будущем прекратит существовать тот или иной народ, та или иная культура, та или иная нация. Человечество обречено жить вместе, в едином обществе, потому что такова дальнейшая демографическая картина общества, — планета, как известно, не расширяется, — естественно, человечество будет интегрироваться. Сейчас возникла идея общеевропейского дома. Человечеству нужно будет создать общий мировой дом, прообразом будущего является уже сейчас ООН, но при этом не обязательно умирание тех или иных культур, или преобладание других. Культуры сохранятся, мало того — сохраняются даже национальные территории, даже при отсутствии границы и при отсутствии вооружения и армии. Но дальнейшее развитие предполагает, что если будет единый мировой парламент, то там будут какие-то силы для регулирования общей ситуации.

Круглый стол: языковой аспект национальных проблем

Ведущий **А.В. Гладкий**,

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

А.Гладкий: Я хотел бы увести дискуссию немного в сторону от того направления, в котором мы пошли на этом семинаре. Кто-то сказал, что здесь собрались интеллектуалы. Я надеюсь, что собрались не просто интеллектуалы, а интеллигенты. Интеллектуал думает о том, как устроена какая-либо вещь; интеллигент тоже об этом думает, но еще и о том, не вредна ли она для людей, а если вредна, то как ее сделать менее вредной. И я хотел бы, чтобы мы разговаривали о языке с этой точки зрения, с точки зрения его роли в национальных проблемах. Интеллигент должен понимать, что всякий язык — прекраснейшее творение человеческого духа, заслуживающее уважения и изучения. Владение любым языком — это бесценное приобретение. Если мы будем смотреть на язык с такой точки зрения, многие проблемы станут менее острыми. Совсем недавно в Кишиневе я разговаривал со своей старой знакомой, у которой два родных языка — русский и молдавский. Она рассказала, что у нее был студент из Африки, который резко выделялся хорошим знанием русского языка. Когда она спросила, откуда тот так хорошо знает язык, он ответил, что его отец три года был в Советском Союзе и научил сына. Потом она услышала, как этот студент разговаривает по-молдавски. — «А это откуда?» — «У однокурсников научился.» — «Зачем?» — «Если есть возможность, то как ею не воспользоваться?» И тут я вспомнил разговор, который был у меня когда-то в Риге с одним «русскоязычным» кандидатом наук, прожившим к тому времени в Латвии уже лет двадцать. Он уверял меня, что латышский язык «очень примитивный». На самом деле, конечно, примитивным было его представление об этом языке. И такая инертность поощрялась. Пренебрежение к чужому языку оборачивается пренебрежением к своему родному. Гете недаром говорил, что тот, кто знает только один язык, его тоже не знает. Когда нам довелось слушать по телевидению защитников русскоязычного населения, скажем, в Эстонии, прежде всего бросилась в глаза примитивность и бедность их русского языка. Разумеется, этим грешат не только русские или, как теперь говорят, русско-

язычные. В той же Латвии прошлой весной был опубликован проект положения о «ступенях овладения» латышским языком как государственным. Проект бурно обсуждался в тамошней прессе, и газета «Советская молодежь» опубликовала статью, в которой говорилось: найдутся такие экзаменаторы, которые будут взятки брать! Последовала гневная отповедь авторов — сотрудников института языка Академии Наук: мы, латыши, не будем торговать нашим языком! А ведь интеллигенты не должны говорить: «мы, латыши» или «мы, русские». Они должны говорить: «мы, интеллигенты». С тем положением, которое сложилось в Латвии (разумеется, не только там), когда тамошние русские не знают по-латышски ни слова, должна была бороться русская интеллигенция. Именно она должна была заботиться, чтобы русские знали латышский язык. Тогда было бы гораздо меньше национальных конфликтов, и не дошло бы до очень многих неприятных вещей, которые сейчас происходят. Самое важное — не относиться ни к какому языку высокомерно. Если на каком-то языке не успела развиваться литература, это не вина его носителей: так сложилась история. А в некоторых случаях это наша вина. Если, скажем, на чукотском языке нет литературы, то это вина тех, кто, мягко говоря, не содействовал развитию этого языка. Ведь есть же литература на эскимосском языке в Гренландии. И не надо говорить о тсм, чей язык древнее. Такого рода утверждения, — а их часто приходится встречать в печати, — не имеют никакого смысла.

Е.Миначев: Я хотел бы несколько оправдать русскоязычных людей в национальных республиках, которые не изучали языка коренной национальности, потому что была установка: все языки бесперспективны, кроме русского. Из-за этого возникла не только проблема русского населения в республиках, но и проблема изучения «националами» своего родного языка. Во многих регионах национальные школы были упразднены на том основании, что все высшие школы — на русском языке. Национальный язык унижался, терял свой авторитет. Если государственный язык — русский, то татарским можно пользоваться только в быту, поэтому изучать его не нужно. Народ был фактически лишен языка. Были закрыты почти все татарские школы, остались разве что в деревнях. А раз нет национальной школы — значит, нет изучения национальной культуры, нет притока писателей, языковедов. Мы, татары, сегодня остро ощущаем нехватку специалистов по татарскому языку. В Москве около 300 тыс. татар, но нет школ и детских садов с татар-

ским языком. До войны они были, и это никогда не приводило к национальным трениям. А когда сегодня обсуждается вопрос о создании татарского класса в московской школе, некоторые учителя выступают против: «а вдруг начнутся между детьми ссоры?»

И.Таштандинов: Я представляю Ассоциацию коренных народов южной Сибири; наша ассоциация была организована весной этого года. Может быть, в будущем мир и перейдет от полиэтничности к полиидеологизму, но сейчас, я думаю, надо отталкиваться от реальности. А реальность такова, что инстинкт национального сохранения малочисленных народов реализуется в народе и в интеллигенции — в поисках условий для своего сохранения, для развития своей культуры и, самое главное, для сохранения и развития языка. В этом главная проблема коренных народов южной Сибири. Это алтайцы, тувинцы, шорцы, хакасы, кумандинцы, телеуты, тофалары. Проблема возникла по двум причинам. Первая — миграция иноязычного, в основном, русскоязычного населения — на территорию проживания этих народов. Вторая причина — политика власти, ликвидировавшей школы и преподавание языка. Сегодня из шестидесяти тысяч хакасов, которые составляют 11% населения Хакасии, язык знает примерно половина или даже меньше, главным образом, люди старшего поколения. Серьезная проблема с языком стала одной из причин возникновения национального движения в этом регионе, что и привело к созданию нашей Ассоциации. Проблема сохранения языка у нас рассматривается очень широко, существует широкий спектр взглядов от правых до левых. Есть такой взгляд: поскольку Хакасия — это территория, имевшая свою государственность, мы имеем право на самоопределение; нам необходимо добиваться своей республики, и в ней мы хотим сделать государственным языком хакасский. В таких условиях будет практически обеспечено сохранение языка. Но это было бы так же печально и абсурдно, как и сохранение нынешнего положения, когда хакасский язык исчезает из обихода, вымывается. Второй путь — создание в местах компактного проживания хакасов национальных районов, резерваций, чтобы хакасский язык использовался на этих территориях в полной мере. Но как быть тогда с людьми, которые не являются хакасами, но живут в этих районах? Их довольно много — и немцы, и мордва, и чуваша... И как быть с теми хакасами, которые живут в других местах? Мы считаем, что в решении языковых вопросов, как и всяких иных, следует исходить из норм междуна-

родного права, с учетом прав каждого человека, независимо от его национальности. Главный вывод, к которому мы пришли: все проблемы упираются в средства. Будь наша область независимой, обладай она своими денежными средствами, она могла бы обеспечить право использования национального языка во многих сферах жизни для тех национальностей, этнических групп, которые проживают на территории Хакасской автономной области, для всех без исключения национальных меньшинств — каждое из них составляет мизерный процент от всего населения. В данный момент ведутся переговоры, чтобы выделенные средства — и от руководства области, и от Верховного Совета РСФСР — распределить так, чтобы не вызывать никаких конфликтов.

Н.Руденский: Характерной чертой советской политики было стимулирование не всегда естественной консолидации народов, которые состояли из многих родо-племенных групп, за счет чего упрощалась этническая картина населения. Что можно сказать в этом аспекте об алтайцах и хакасах? Насколько я знаю, эти этнонимы возникали уже в советское время. Не могли бы вы сказать несколько слов о языковых особенностях многочисленных этнических групп южной Сибири?

И.Ташгандинов: Хакасы состоят из нескольких племен; их диалекты за советское время превратились в единый литературный язык. Что касается алтайцев, телеутов и других, то в нашей Ассоциации представлены объединения кумандинцев и телеутов как этносов, ощущающих себя отдельными от алтайцев.

А.Фет: Есть ли у вас научные учреждения, занимающиеся языковыми проблемами, а если нет, то понимаете ли вы необходимость их создания?

И.Ташгандинов: Такие учреждения есть; в пединституте есть факультет хакасского языка и литературы. У нас есть отдел филологии. Но имеющиеся у нас возможности мы считаем недостаточными. Необходимо всячески содействовать подготовке кадров.

Л.Богораз: Понимают ли друг друга хакасы из разных племен?

И.Ташгандинов: Зная хакасский язык, я понимаю всех без исключения. Есть различия в произношении некоторых гласных и согласных, в употреблении некоторых слов, но общий смысл понятен. За семьдесят лет языковые различия между племенами очень размылись.

о. Г.Эдельштейн: Язык как средство объединения людей. Я бы хотел обратить ваше внимание на то, что язык часто бывает средством разъединения людей. Кого называли «варвары»? Людей, которые не умеют говорить, которые бормочут, т.е. не греков и не римлян. В России немцы — это люди немые. И французов называли немцами, и голландцев, и приехавших из Германии тоже; вообще всех иностранцев. Няня моего ребенка объясняла, что туркмены — это люди, которые говорить не умеют, больше объясняются руками, чем языком. Ее родители были раскулачены и высланы в Туркмению; она там провела более десяти лет, жила среди таких же, как она, выходцев из России, ни слова не знала по-туркменски и была убеждена, что это не язык и на нем говорить нельзя.

Чрезвычайно интересно преломление языковой проблемы в религиях вообще и в христианстве в частности. В Библии первая глава гласит: «И сказал Бог». Как прикажете объяснить эти слова? Еще ничего не было, ни дня, ни ночи, ни растений, ни животных, а Бог уже говорил. Зачем? Кому? Богословам, и иудейским, и христианским, пришлось задуматься над этой фразой. А далее: «И назвал Бог свет — День, а тьму — Ночь.» Во-первых, для кого он назвал, а во-вторых, на каком языке? Адам и Ева сотворены, и Бог с ними говорит. Змий говорит с Евой. А откуда Змий знает язык человеческий? Ведь другие звери по-человечески не говорят. Адам изгнан из рая, телом он переменился, ментальность Адама изменилась, а язык сохранился? А потом появляется Вавилонская башня, и кто-то из людей сохранил тот язык, при котором приступили к строительству башни? Все эти вопросы стояли очень остро, но была более злободневная проблема — перевод Священного Писания. Если оно боговдохновенно, то очевидно, что в создании Писания принимал участие Дух Святой. Значит, он является автором, а человек просто записывал. А если Писание боговдохновенно, то можно предположить, что боговдохновенна и каждая буква. Значит, если Священное Писание написано на каком-то языке, то принципиально невозможен перевод, потому что это будет только переложение, интерпретация и не более того. Отсюда вывод, что богослужение возможно только на одном каком-то языке, а другие языки варварские, и на них богослужение невозможно.

Если кто-то изучает Священное Писание не на еврейском языке, то он не знает Священного Писания. Он должен сначала изучить язык, а потом уже изучать Священное Писание.

Вопрос о переводе и языке богослужения очень остро стоит и сегодня. Язык может соединять, но может и разъединять.

Когда-то, в средние века, был единый язык науки, латынь обеспечивала взаимопонимание между учеными всех цивилизованных стран; латынь их объединяла. Если мы будем говорить сегодня о языках богослужения, то многие святители, как их называет церковь, были переводчиками Священного Писания. Месроп Маштоц* перевел Библию на армянский язык. Не случайно Папа Римский, приезжая в любую страну, произносит свои первые фразы на языке этого народа. Тем самым он показывает — я свой; и подчеркивает, что он составляет единое целое с народом этой страны — потому что для католика национальных границ нет. Для католика итальянец, украинец, поляк в первую очередь единоверец, а потом уже человек другой национальности.

А вот обратный пример, когда язык использовался, как способ отделения своих от чужих; в Библии есть такая сцена: враги обложили город, и военачальник штурмующих войск предлагает переговоры. Пришел и заговорил на языке осажденных. Ему тут же приказали говорить на своем языке. Почему? Потому что, если он говорит на языке осажденных, то он свой, и осажденные, слыша, что кто-то говорит на их языке, могут подумать, что это свой. Нет, ты говори на своем языке, а наши переводчики будут тебя переводить.

А.Гладкий: Прошу прощения, но мне кажется, что смысл рассказанного эпизода иной. Там ведь так написано: говори по-арамейски, чтобы не поняли простые люди, а мы начальники, понимаем. Акцент совсем другой.

о. Г.Эдельштейн: Я даю этот эпизод в своей интерпретации. Православная служба на церковнославянском языке — это язык, призванный объединять всех православных. Русская православная церковь не ведет службу на русском языке. В моей церкви служба идет на славянском языке, и, скажем, я, будучи в Болгарии, служил с болгаринном по единому служебнику, в Норвегии я служил с норвежским православным священником, и здесь, на Украине, я со своими братьями, украинскими православными священниками, становлюсь у одного престола, и мы служим на одном и том же языке. Ведь это не русский язык, а церковнославянский. Я могу назвать по мень-

* Месроп Маштоц (361-440) — армянский ученый, монах, просветитель, создатель армянского алфавита. (Ред.)

шей мере десять поместных церквей, которые служат на этом языке.

Вопрос: Мог ли бы неподготовленный православный верующий понять проповедь в православной церкви?

о. Г.Эдельштейн: Конечно. Проповедь на территории России всегда произносится по-русски. Я не знаю ни одного священника в России, который мог бы произнести проповедь по-славянски. Служба идет на одном языке, проповедь — на другом.

М.Рахлина: Как вы расцениваете то, что сейчас распространяется Библия на разных языках, в том числе на татарском языке? Как вы считаете, не нарушение ли это церковного устава?

о. Г.Эдельштейн: Никакого нарушения церковного устава здесь нет. Византийская традиция способствовала переводу богослужения на национальные языки. Когда Кирилл и Мефодий перевели богослужение и Библию на славянский язык и привезли в Рим, то Папа Римский положил эти книги на престол, и сам Папа Римский служил литургию на славянском языке. Это была высшая степень одобрения перевода. Можно задать вопрос: на каком языке Бог не поймет тебя? На каком языке нужно говорить, чтобы он тебя не понял? Есть такой язык? Нет.

А.Хейстер: Вы, наверное, знаете, что в прошлом году в Кишиневе во время службы митрополита Серапиона против него была предпринята такая акция: его выдворили из церкви, перевернули машину, устроили бесчинства в церкви и за ее пределами, потому что он вел службу на старославянском языке. И после этого произошла смена иерархов, и практически по всей Молдавии была введена служба на молдавском языке. Это несмотря на то, что отец Серапион за время своего служения столько сделал для верующих, сколько не сделали все его предшественники вместе взятые, особенно в деле открытия и восстановления монастырей. Мне кажется, что проблема языка чаще всего используется не в чистых, а скорее в политических целях, для того, чтобы будить в человеке не самые светлые чувства. И в противовес мнению уважаемого коллеги, Гладкого, я хочу сказать, что не все так просто: люди знают язык — все хорошо, не знают языка — возникают проблемы. Да, действительно, отчасти это так. Но, к сожалению, сегодня многие писатели и публицисты, кто стоял у источников национального возрождения, пришли к горькому выводу: что их про-

сто поймали в сети те люди, которые преследуют совсем иные цели, чем они.

о. Г.Эдельштейн: Я полностью согласен с вами, что язык очень часто является средством разъединения людей и средством возбуждения национальной ненависти. Мне не хотелось бы давать личную оценку никому из иерархов, что же касается митрополита Серапиона — то его не уважали священнослужители ни в одной епархии, где он служил. Мне неоднократно приходилось писать о митрополите Серапионе в своих статьях.

Но, повторяю, за свои грехи каждый человек сам даст ответ. А бесчинства, которые были в Молдавии, когда громили церковь и переворачивали его машину, — это национальные бесчинства. С одной только оговоркой: когда это делают люди, которые называют себя христианами и пришли в церковь, то это еще гораздо хуже по безобразию и степени нравственного падения.

Е.Хелимский: О статусе языков. Я скорее обозначу в заостренной форме какие-то проблемы, чем предложу рецепты их решения. Речь идет о сложных вещах, которых, может быть, не было бы, если бы все люди были устроены так, как тот замечательный негр, о котором рассказывал во вступительном слове профессор Гладкий, если бы все люди стремились овладеть максимальным количеством языков, тянулись к максимальному количеству культур, что всегда благо. Реально мы имеем дело с обычной человеческой ленью, когда человек стремится выучить минимальное количество языков, которое необходимо ему для обеспечения своего круга общения, в идеале — один язык, если этого достаточно. И тут естественно возникает проблема, неизбежная даже в самом архидемократическом обществе: проблема определенного неравенства людей по положению в обществе в зависимости от того, какими языками они владеют, какой язык для них родной. В этом отношении абсолютного равенства языков нет и быть не может. Не потому, что какой-то язык хуже или лучше. Речь идет от наличия каких-то институций, обеспеченных соответствующим языком. В некотором смысле мы можем сказать, что человек, говорящий только по-русски, имеет определенные минусы по сравнению с говорящим на английском и японском языках, поскольку он не может получить образования по некоторым специальностям, связанным, скажем, с тонкой электронной технологией. Украинский язык не обеспечивает всех тех возможностей получения высшего образования, которые обеспечивает русский, еще меньше возможностей дает удмуртский, и т.д.

Можно высказать пожелание, чтобы в максимальной мере проявляла свои творческие потенции интеллигенция, для которой все языки равны. Чтобы в максимальной мере развивались все возможности получения высшего образования и дальнейшей работы с использованием родного языка. Но в любом случае развить все языки и все культуры в равной степени никогда не удастся. Это останется благим пожеланием, и какие-то приоритеты всегда, несомненно, будут. Возникает сложная и конфликтная проблема, связанная со свободой выбора и реализацией определенных индивидуальных прав. Отказ человека от использования своего родного языка, от обучения детей своему родному языку — это его личное право. Но отсутствие таких возможностей является одним из нарушений прав. В международных документах указывается, что принадлежность к национальному меньшинству является делом личного выбора человека. Лица, относящиеся к национальному меньшинству, могут использовать свои права индивидуально или в сообществе с другими членами групп, и при этом для них не должно возникать никаких негативных последствий. Нормальное демократическое общество должно содействовать, с одной стороны, сохранению максимального многообразия языкового ландшафта, с другой — реализации права каждого индивидуума, каждой семьи на свободный выбор языка обучения для своего ребенка. Существенный момент в решении этой дилеммы состоит в том, чтобы в случаях, например, когда малочисленные народы вынужденно подталкиваются к ассимиляции, чтобы эта ассимиляция не формировалась искусственно.

Мне приходилось уже несколько раз выступать с предложением, чтобы государственный чиновник, осуществляющий свои полномочия на определенной территории и имеющий непосредственное общение с населением данного региона, был обязан владеть языком, который является родным не менее чем для 50% населения данной территории. Если бы в международное законодательство был внесен такой принцип, это позволило бы избежать многих коллизий, с которыми мы сталкиваемся каждый день.

В.Гогуадзе: Как вы относитесь к двуязычию?

Е.Хелимский: Вообще владение вторым языком — благо, но полное, идеальное двуязычие всего языкового коллектива — это сегодняшний шаг к завтрашней ассимиляции.

А.Тарасенко: Не кажется ли вам, что «процентовка» — 50% или 30% ведет к тупиковой ситуации? Необходимо акцентировать

внимание при назначении должностных лиц не на том, кого больше или меньше, а на интеллигентном понимании того, что, живя на какой-то территории, ее язык знать необходимо, и не по приказу, а в силу каких-то моральных норм.

Е.Хелимский: Если вы предлагаете заменить такой критерий требованием высокой интеллигентности, то я готов с этим согласиться.

Г.Мамулия: Имеется ли генетическая предрасположенность человека к какому-либо языку?

Е.Хелимский: Мне неизвестны случаи, которые указывали бы на это. Вот ситуация в современном Израиле, где приезжающие учат иврит. Если бы имелась генетическая предрасположенность, то, учитывая, что предки евреев, приезжающих в Израиль, когда-то говорили на древнееврейском языке, тогда репатрианты, согласно вашему предположению, лучше осваивали бы иврит, чем не евреи, того же образовательного уровня, проживающие в Израиле. Подобных данных нет, значит, нет генетической предрасположенности евреев к ивриту. Очевидно, высказанная вами гипотеза неверна.

А.Даниэль: Когда вы говорили о конкуренции языков, вы имели в виду два разных языка. А как обстоит дело с вариантами одного языка?

Е.Хелимский: В принципе здесь могут действовать такие же механизмы, как в случае с совершенно разными языками. Функциональные соображения, тенденция к минимизации усилий действуют в том направлении, чтобы сфера употребления одного из языков сокращалась до минимума. В таких случаях действуют механизмы функциональной дистрибуции двух языков, так что они, будучи достаточно близки, обслуживают различные сферы жизни людей. Так отчасти обстоит дело в арабских странах, где литературный арабский язык (как средство межарабского общения) существует с достаточно сильно изменившимися его вариантами. Вполне возможно, что это сосуществование может продлиться достаточно долго. Оно, конечно, сильно поддерживается обстоятельством, что литературный арабский язык является языком Корана. Если бы не это конфессиональное обстоятельство, то, возможно, литературный арабский язык мог бы уступить место новым литературным языкам на базе современных разговорных диалектов.

Н.Руденский: Я попробую связать те проблемы, которые сегодня обсуждались, с основной темой нашего семинара: «Права

человека и национальный вопрос». Я взял на себя, как в средневековых диспутах, роль «адвоката дьявола» — подчеркивать те случаи и проблемы, когда при всем нашем уважении к правам личности, приходится принимать во внимание права коллектива. Мне кажется, что в языковых проблемах такие моменты наиболее очевидны. Можно вспомнить выступление украинского коллеги, где доказывалось, что этническая идентификация должна быть сугубо личным, частным делом, что государство никоим образом не должно в эти вопросы вмешиваться. Это, наверное, не вызывает возражений. Часто мысль эта высказывается в более широкой форме: например, что в целом этнонациональные и культурные проблемы следует отделить от государства (как когда-то поступили с церковью), провозгласить, что государство не вмешивается в эту область человеческой жизни, а в обмен на это люди устраивают какие угодно ассоциации (культурные общества и т.п.), чтобы регулировать свою национальную жизнь. На первый взгляд против этого возразить трудно. Но когда мы вспомним, что в многонациональном обществе существуют языковые проблемы, что государство обязано вести какую-то языковую политику, становится очевидно, что подобная постановка вопроса нереальна. Государству приходится иметь дело с массой языковых вопросов и национальными проблемами. Наверное, выдвигать требование языкового равноправия — не всегда реалистично. Более того, в языковой политике нередки случаи, когда возникает необходимость даже в том, что может явиться нарушением прав человека, причем в самых неожиданных формах. В качестве примера оптимального, международно признанного способа разрешения национального вопроса можно привести автономию Аландских островов в Финляндии со шведскоязычным населением. При внимательном чтении недавно изданной у нас брошюры о языковой политике на Аландских островах*, многие из нас ужаснулись бы, потому что ничего похожего на равноправие шведского и финского языков нет и в помине. Это совершенно одноязычная территория. Школы с финским языком обучения не финансируются правительством, финские административные учреждения при сношениях с учреждениями на материке и даже между собой обязаны пользоваться шведским языком. Прослежена эволюция этого законодательства: оно все более и более устрожалось, что вполне могло бы показать-

* Аландские острова. Образец территориальной автономии. Москва, 1990. — 78 с.

ся дискриминацией. Скажем, ограничение для неостровных граждан права покупки земли на островах и т.п. Была поставлена цель сохранения языковой и национальной самобытности шведского населения Аландских островов, и финское государство сознательно пошло на такие законодательные меры. И, насколько я знаю, эта система считается образцовой, никто не констатировал каких-либо нарушений прав человека. Применительно к нашему положению надо, наверное, более широко смотреть на ситуации, когда в тех или иных республиках государственными провозглашаются языки коренных наций, что, естественно, наносит ущерб другим языковым группам. Тем более, что надо учитывать: в результате предыдущей языковой политики государства национальные языки находятся в угрожающем положении, и интересы их выживания требуют мер, которые могут показаться небезупречными с позиции прав человека. Особенно когда речь идет о вымирающих языках — скажем, языках народов Севера. Нам необходимо поставить проблему сохранения языков (а следовательно, и культуры) во главу угла.

Е.Хелимский: Действительно ли то положение, которое действует на Аландских островах, в какой-то мере противоречит нормам прав человека? В частности, предписание использовать шведский язык для официальной переписки, чем оно хуже, скажем, предписания использовать только шведский язык в Швеции? Такое предписание действует и, вроде бы, нарушением прав человека не является.

Н.Руденский: Совершенно справедливо; я привел этот пример просто для того, чтобы поразить воображение аудитории. На самом деле тут никакого нарушения прав человека нет, но, скажем, в том, что отсутствует обучение на финском языке в школах, нарушение прав человека более очевидно. Свободное владение шведским языком является неременным условием жизни.

А.Гладкий: Я хотел бы добавить, что закон должен защищать слабого. Те языки, которые до недавнего времени подавлялись, должны пользоваться особым покровительством закона. И, конечно, в цивилизованном обществе должно быть нормой, чтобы чиновник, который в любом качестве управляет территорией, на которой не меньше 50% говорят на каком-либо языке, а на самом деле и меньше 50%, этим языком владел. А у нас человек зачастую вообще ничего не знает о территории, которой его присылают управлять. У нас очень много делается совер-

шенно недопустимого. И мы очень трудно со всем этим расстаемся. В том положении о ступенях овладения латышским языком, о котором я упоминал, говорится, каким уровнем языка должны владеть дворяне, каким — врачи и т.д., и есть такой пункт: «Работнику разрешается овладеть более высоким уровнем языка, чем требуется для соответствующей работы». Так и написано, совершенно серьезно. А самое замечательное — в бурной дискуссии на этот пункт никто не обратил внимания. Вот так воспитаны советские люди.

И.Мелашвили: Взаимоотношения государственного и негосударственного языков. Я думал, что наша дискуссия развернется в несколько ином ключе, потому что сейчас возникли очень серьезные практические проблемы, особенно после провозглашения суверенитетов и принятия законов о государственных языках. Эти проблемы в первую очередь касаются взаимоотношений государственного и негосударственного языков и использования негосударственных языков в структурах власти и других учреждениях. И вторая, я думаю, очень тяжелая проблема — язык межнационального общения внутри республики. Если взять ту же Грузию, то ее меньше всего затронула русификация. 99% грузин считают своим родным языком грузинский, и для нас счастье, что в Грузии не создалась такая общность, как русскоязычное население. В Грузии живут армяне, азербайджанцы, русские, которые говорят на своих родных языках, и поэтому проблема государственного языка у нас приобретает очень большую актуальность. Если в других республиках эту проблему можно решить, объявив государственными язык коренной национальности и русский, то в Грузии проблему так не решить, поскольку государственными тогда надо объявлять семь-восемь языков, если не больше. Как быть с использованием негосударственных языков? В Грузии газеты издаются на десяти-двенадцати языках, на семи-восьми языках ведется обучение в высших учебных заведениях, но все это может оказаться напрасным, если не будет статуса употребления этих языков в государственных учреждениях. Потому что по другим республикам хорошо видно: где язык не использовался как государственный, он стал отмирать. В Грузии живут народы, которые не имеют своей государственности — греки, курды, айсоры и другие. Употребление языка в государственных учреждениях — это, может быть, самый актуальный вопрос и в республиках, и в автономных округах, и у народов, которые не имеют своих государственных образований; таких

в России довольно много. Нам пришлось решать вопрос о гражданстве; в некоторых республиках это было тесно связано с языковыми вопросами. Если не сложилось в общественном сознании понятие, что если ты живешь в каком-либо государстве, ты должен владеть его языком, это требование встречает большое противодействие. Некоторые жестко требуют, чтобы гражданство было непосредственно связано со знанием государственного языка, другие приводят доводы в пользу обратного. Думаю, что дискуссия по языковому вопросу должна идти в этом направлении. Мы могли бы сделать какие-то заключения, и, может быть, дать какие-то рекомендации, потому что эти вопросы очень жестко встанут, если будет продолжаться процесс суверенизации республик и других государственных образований. И это может быть одним из детонаторов взрыва в республиках, как произошло, отчасти, в Молдове и в республиках Балтии.

А.Даниэль: Нельзя ли поставить вопрос так: для вступления в гражданство требуется владение языком, но для пребывания в гражданстве такое требование не выдвигается? Так делается во многих странах, например, в США.

И.Мелашвили: Несчастье состоит в том, что мы сейчас только вступаем в гражданство, раньше у нас его не было. Но сейчас у нас принимается такой вариант: дать гражданство всем, кто уже проживает в Грузии. А для тех, кто захочет приехать в Грузию жить позже, должен быть поставлен вопрос о владении языком. Есть еще вариант — об изучении грузинского языка в течение пяти лет, если государство обеспечит для этого условия. Это тоже проблема: если человеку семьдесят-восемьдесят лет, или даже под шестьдесят, он не может уже хорошо изучить язык. Это создает большие трудности и для республики, особенно для функционирования государственных учреждений, потому что у нас есть районы, где негрузинское население составляет 99%-100%, 70%, 80%. Там остро стоит проблема государственного языка и проблема языка общения с центром. Эти вопросы приходится решать на ходу.

А.Тарасенко: Мы находимся на Украине, но почему-то харьковские участники семинара не поднимают вопрос, как обстоят дела с украинским языком в нашей республике. В отличие, например, от Грузии, Прибалтики, Молдовы, на Украине сложилась парадоксальная ситуация. Если англичане не представляют своей жизни без английского языка, гражданин Франции говорит по-французски, литовец по-литовски, то украинец, отъехав от своей

деревни на 10 километров, уже говорит на ломаном русском языке, или на испорченном украинском — суржике. Как помочь украинцам снова стать украинцами?

Е.Хелимский: Никакое государство не может быть мононациональным. Весьма удачно, когда в языке, наряду с обозначением человека основной нации, образующей данное государство, существует еще и специальное обозначение жителя данной территории. Например, очень удачна пара слов «русский» и «россиянин». У меня ощущение, что по меньшей мере части тех проблем, что возникли в Литве, можно было бы избежать, если бы слово «литовец» не было бы так однозначно связано с этнической принадлежностью к литовской нации, а обозначало бы любого человека любой национальности, живущего в Литве.

о. Г.Эдельштейн: Насколько грамотно употреблять, скажем, название Молдова вместо Молдавия? Если мы перейдем на самоназвания, то Индию, скажем, как надо называть?

Е.Хелимский: Я совершенно с вами согласен. Я считаю очень неудачным те насильственные изменения, которые были сделаны в русском языке в 30-е годы, когда исчезли такие названия, как «тунгусы», «остяки» и т.п. Так же, как некоторые сегодняшние нововведения, вроде Таллинна с двумя «н». Не переименовываем же мы немцев в дойчи.

А.Гладкий: Вопрос, по-моему, был задан не очень четко. Спрашивать, насколько это грамотно, не имеет смысла. Если эстонцы хотят, чтобы по-русски «Таллинн» писался с двумя «н», то ничего страшного в этом нет. Мы привыкли говорить «Молдавия», теперь нужно говорить «Молдова»; я не вижу в этом ничего принципиального, хотя, честно говоря, мне трудно к этому привыкнуть. Особенно когда пишут «молдоване» через «о». Когда-нибудь это устоится, но, по-моему, это не тот вопрос, который стоит обсуждать.

Система ценностей в идеологии национальных движений

Осипов А.Г. , Москва, Институт этнологической антропологии АН СССР

В последние годы мы наблюдаем расцвет множества так называемых «национальных движений» (точнее было бы их назвать этническими). При всей разношерстности их объединяют две общие черты. Каждое движение претендует (прямо или косвенно) на то, чтобы представлять определенную этническую общность (национальность). Каждое безусловно привержено двум лозунгам или идеям: национального самоопределения и национальной государственности. Оба понятия трактуются в «этнонационалистическом» или «этнократическом» духе, т.е. соответственно в качестве субъекта самоопределения рассматривается определенная этническая общность. Как известно, подобная интерпретация принципа самоопределения или идеи «национального государства» пользуется определенной популярностью не только в СССР, но и за его пределами. Этот (этнонационалистический) подход вызывает целый ряд разного рода нареканий и возражений.

Наиболее известны возражения юридического и этнологического характера, в общем итоге сводимые к признанию практической невозможности реализации, декларируемых этнонационалистами целей, законными и допустимыми в цивилизованном обществе средствами.

При рассмотрении первого — правового — аспекта можно указать на то, что ни одно положение общепризнанных международно-правовых документов не может быть истолковано в «этнократическом» духе, поскольку не содержит и намека на то, что в качестве субъекта права может рассматриваться этническая общность. Нет и прецедентов подобного рода «самоопределения» — невозможно ставить знак равенства между этнической общностью как таковой и движением, когда-либо захватившим власть под «этнонационалистическими» лозунгами. Последнее возражение можно сформулировать и следующим образом: методологически ошибочно вообще рассматривать в качестве субъекта социальных и политических процессов неинституированную статистическую совокупность, каковой и является любая этническая общность.

Возражения этнологического плана связаны с отсутствием универсальных и общепризнанных критериев для дефинирования и выделения этнических общностей. Причины — в сложности, многовариантности и относительно слабой изученности феномена этничности. Определение этнической общности и ее границ в большинстве потенциально возможных случаев представляется практически неразрешимой задачей. Претензии, оценки, дефиниции, исторические версии национальных движений, добивающихся «самоопределения», неизбежно будут носить субъективный характер. Столь же субъективными будут также оценки и противостоящих «самоопределенцам» сил и сторонних наблюдателей. Процесс «самоопределения», ориентируемый столь зыбкими критериями, может быть резульативным в итоге либо силового вмешательства постороннего «арбитра», либо конфликта контактирующих и расходящихся в оценках общностей. В обоих случаях говорить всерьез о «самоопределении народа» не приходится.

Иной подход, почти неприменяемый при анализе затронутой проблематики, — определение ценностной ориентации той или иной идеологии, выявление системы ценностей, на которой она основана.

Подобный анализ тем более полезен, что многие современные нам идеологические конструкции (в особенности, идеологии перестроечного периода) могут рассматриваться не в качестве рационально продуманных политических доктрин, а как мифологемы, химерические идеи, призванные служить, с одной стороны, инструментом социальной мобилизации, с другой — средством легитимации тех или иных общественных отношений и принципов, лежащих в их основе.

Может быть предложен следующий критерий оценки — соответствие какой-либо идеологемы принципам, ставшим основой современного цивилизованного существования. К таковым могут быть отнесены: идея универсальной субъектности человека, нравственный императив, отвергающий отношение к человеку как к объекту, и фундаментальная регулятивная идея — идея общественного договора, из которой вытекает ряд нормативных требований.

Можно провести своеобразный этический «водораздел», по одну сторону которого окажется признание субъектности, по другую — объектности человека. Можно показать, что «положение» той или иной идеологемы по отношению к этой разделительной черте является не только формальным признаком, представляющим академический интерес, но важным индикатором.

тором, позволяющим определять иные аспекты идеологии, в том числе — ее социальные функции и последствия практического применения. Но это — предмет отдельного разговора.

Нетрудно увидеть и наглядно показать по какую сторону «водораздела» располагаются идеи этнонационализма. Допустим, субъектом политического самоопределения признается этническая общность. Любое современное общество полиэтнично. Политическое самоопределение какой-либо группы безотносительно к территории (т.е., экстерриториальное) — само по себе абсурдно и в комментариях не нуждается. Во всех возможных ситуациях речь шла и идет об определении политического статуса территории. Состав населения практически во всех случаях этнически неоднороден. Как известно, во многих административных образованиях в СССР и в других странах совместно проживающие этнические группы вполне сопоставимы по численности. Если самоопределение и право на самоопределение (какой-либо общности) признается в качестве императива, то содержательная сторона процесса неизбежно сводится к «нейтрализации» «инородцев», которые по-иному могут относиться к ситуации. В любом случае при подобной постановке проблемы люди рассматриваются как своего рода «движимое имущество» - «чужие» — как инородное тело, «свои» — как придаток «самоопределяющейся» общности.

«Мягкий» подход к решению проблемы не меняет самой ценностной ориентации. Не так уж важно, относятся ли к людям как к объекту дискриминации или как к объекту заботы: существенно то, что — как к объекту. Национальные движения в СССР любят говорить о своей готовности «учитывать интересы представителей других национальностей», «решать спорные вопросы путем переговоров». Во всех случаях очень нетрудно определить, что предполагается диалог, в котором одной стороне заведомо дается только совещательный голос, т.е. изменений по существу не происходит. И никогда национальные движения не могут согласиться со сценарием, в рамках которого самоопределение рассматривается как широкий договорный процесс, в котором участвует не один, а несколько равноправных общественных субъектов (и при котором теряет смысл сама вывеска «национальное самоопределение»).

То же самое прослеживается при рассмотрении социального идеала нацдвижений — т.н. «национальной государственности». Подразумевается, что субъектом власти, субъектом государственности выступает этническая общность. Идеал логически противоречив. Если только часть общества является

субъектом власти (то же самое — самоопределения), то должен существовать механизм дискриминации оставшейся части и ее отстранения от процесса выработки и принятия решений (а по большому счету — лишения «нетитульных» национальностей социальных перспектив). Это, как известно, в современном мире сопряжено с известными трудностями. Если субъект — все общество, то в этом случае этнократические лозунги выглядят функционально излишними, кроме того, их выдвижение с юридической точки зрения оборачивается мелкой уголовной шалостью — подстрекательством к дискриминации.

Но вне зависимости от форм и степени реализации (или только декларирования) «этногосударственной» идеи неизменным остается подтекст — в качестве «своего» государство может рассматривать только часть граждан, и наоборот — оставшаяся часть воспринимается в лучшем случае как «опекаемое имущество», в худшем — как враждебный элемент внешней среды.

Ценностную ориентацию этнонационалистической идеологии наглядно показывает исторический опыт тех стран Восточной Европы, где эта идеология становилась господствующей на какой-то период. Этнократические лозунги выдвигаются на государственном уровне в тех случаях, когда государство либо ведет борьбу с меньшинствами (стремясь лишить их социальных перспектив), либо пытается проводить экспансионистскую политику. В этих и аналогичных случаях народ (в любом определении) не является субъектом власти, в иных ситуациях не возникает потребности в этнонационализме.

И вновь — «мягкий» подход не меняет ценностей ориентации, не меняет системы ценностей. В программных установках советских национальных движений идея «национальной государственности» почти всегда дополняется «присягой на верность» демократическим лозунгам и демократическим идеям. Обычно выясняется, что в формулировке типа «права человека», «защита прав человека» вкладывается следующий смысл: права человека есть обязанность патерналистского государства заботиться о людях — своего рода опекаемом государственном имуществе — то есть неявное признание объективности ценности человека и в этой понятийной области.

Как объяснить подобные сочетания при несовместимости системы ценностей с тем, что декларируется на уровне этикетки? Очень просто. «Двоемыслие», известный феномен тоталитарного сознания описан еще Дж. Оруэллом. Сочетание националистических идей с демократическими лозунгами (а послед-

ние в настоящее время — непрменный атрибут почти всего спектра политических партий и движений) — одна из наиболее наглядных иллюстраций. Двоемыслие — тезис и антитезис через запятую; без паузы, одновременно высказываются и воспринимаются как равно истинные. В рассматриваемых нами ситуациях речь, как правило, идет о тоталитарном классическом двоемыслии, а не о сознательном лицемерии отдельных людей, хотя последнее, вероятно, также иногда имеет место. Наглядный пример из нашей истории: «диктатура пролетариата есть ... передовая форма народовластия». Прямой аналог — соседство в одном документе или выступлении идеи «самоопределения коренной нации», или «национального государства» и тезиса о «необходимости обеспечения национального равноправия», в том числе «равных прав людей на получение гражданства». Так что подобные вещи никого не должны вводить в заблуждение.

Мы имеем дело с идеологией; по своей системе ценностей аналогичной тоталитарным идеологиям*, основанным на признании объектности человека. Хотелось бы вновь подчеркнуть — характер системы ценностей определяет и другие черты основанной на ней доктрины, что имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение, в данном случае, в право-защитном аспекте.

В настоящее время, несмотря на внешнюю эффектность многих перестроечных мероприятий, мы не можем утверждать, что происходит ликвидация основ тоталитарной системы. Советская система базируется на тотальной монополии государства на распределение ресурсов жизнеобеспечения, следовательно, — на полной зависимости индивида от структур власти. Следствие этого — своеобразная тотальная люмпенизация общества, и еще следствие — соответствующее тоталитарное сознание, оформляющее и легитимирующее социальный контекст. В силу ряда особенностей тоталитарного сознания, в частности, того же двоемыслия, общество использует своеобразный понятийный аппарат («новояз»), и многие вещи называются не своими именами. Всеобщая увлеченность

* Данное выражение — «тоталитарные идеологии» — не следует рассматривать как полемическое заострение; формулировка встречается и в документах международноправового характера. См. напр. Резолюцию № 41/160 Генеральной ассамблеи ООН (4 декабря 1986 г.) «Меры, которые должны быть приняты против нацистской, фашистской и неонацистской деятельности и всех других форм тоталитарной идеологии и практики, основанных на расовой нетерпимости, ненависти и терроре». Этнический национализм полностью подпадает под определение, данное в этом документе. (Авт.)

словами типа «демократия», «свобода», «парламентаризм», «права человека» не дает оснований говорить о том, что происходит изменение и сознания, и основ отношений в обществе. Также не видно причин для утверждений о радикальной трансформации этих реалий в обозримом будущем.

Мы вправе говорить о том, что наблюдается отказ власти от грубых, деспотических форм управления и — глубокая децентрализация системы (и властных полномочий, и функций распределения ресурсов). Основы системы остаются неизменными — народ не стал субъектом власти, сохраняется тотальная «люмпенизация» населения, сохраняется государственная монополия в основных сферах. При неизменности основ вполне уместно подозрение, что мы являемся свидетелями обновления системы и её стабилизации в новом качестве. При этом происходит «сбрасывание балласта», избавление от старой атрибутики и старых, никому уже не интересных символов. Вместо коммунизма и марксизма-ленинизма появляются новые этикетки, главным образом, национал-популистского толка, которые оказываются вполне адекватными отношениям в обществе.

Проблема заключается не в руководящих персонах и не в плохих законах, вообще — не в оформлении. Законы могут быть очень хорошими и даже красивыми. Ситуацию определяет неистребимая комбинация социального контекста, тоталитарного сознания и новой «генеральной линии», определяющей действия активной части общества. Человечески-идеи не обязательно должны быть высказаны «открытым текстом» и записаны в законах, достаточно того, что имплицитно* заложено в популярных лозунгах. Общество живет по тоталитарным законам, оказывается настроенным на нужную «волну» — и воспринимает то, что нужно. Перед глазами пример Грузии, Армении, Молдовы. Старые структуры во главе с Коммунистической партией развалились и разбежались, а на их месте как бы сами собой появились новые, не менее жесткие пирамиды, причем с четко выраженным коричневым оттенком.

Нас также не должны вводить в заблуждение различные формы массовой активности. Колыхания массы люмпенов в период ослабления деспотических скреп сами по себе не могут означать ни укрепления суверенитета личности, ни формирования гражданского общества.

* Имплицитный — подразумеваемый, невыраженный. (Ред.)

Наблюдаемая активность очень часто похожа на борьбу больших масс людей за изменение своего статуса в социуме — по отношению к структурам власти. Наиболее яркие примеры подобного рода — деятельность национальных движений. Ко многим проявлениям хорошо подходит название «гапоновщина» — апелляция к структурам власти. Многие разновидности общественной и политической деятельности носят достаточно четкий компенсаторный характер — т.е. они мотивированы стремлением людей какой-либо деятельностью преодолеть состояния фрустрации*, ощущение своей фактической неспособности и стремлением добиться психологической компенсации. Рациональная мотивация, четкое осознание целей и задач при этом отсутствует. Наглядная иллюстрация — «защитная стойка» интерфронтов и ряда движений в автономиях. В Абхазии, Юго-Осетии и Гагаузии ходят взад-вперед с красным флагом и портретами Ленина, в НКАО борются за восстановление обкома КПСС ...

Расхожесть лексики из демократическо-правозащитного словаря может означать и сдвиг в общественном сознании на глубинном уровне, и включение этих понятий в тоталитарную систему ценностей, что вполне допустимо. Тоталитарные отношения (субъект — государство, объект — индивид) оформляются новыми, в частности этнонационалистическими идеологиями, основанными на той же, что и коммунизм, системе ценностей, одновременно эти отношения приобретают более легитимный вид.

Идет двуединый процесс. С одной стороны, такие понятия, как «демократия», «права человека» инвертируются и приобретают новое, даже противоположное исходному значение (например, «права» — не как признание и регулирование субъектности человека, а как необходимость заботы об объекте). С другой — происходит постепенная легитимация тоталитарных идей и тоталитарной системы ценностей. Иными словами, эти идеи (в сущности — человеконенавистнические) признаются людьми как общезначимые ценности, как равнозначная альтернатива идеям демократическим или как их развитие и дополнение. То есть происходит постепенное смещение нравственных ориентиров в ключевых областях общественных отношений. Это смещение может проявиться и в международном, глобальном масштабе. Нет необходимости объяснять, на-

* Фрустрация — психологическое состояние, которое возникает в ситуации разочарования, неосуществления значимой для человека цели. (Ред.)

сколько это опасно, и какого рода процессы провоцируются благодаря этому.

Напрашиваются определенные выводы. Существуют реальные проблемы связанные с межэтническими отношениями, деколонизацией, изменением политического статуса тех или иных обществ. Эти проблемы могут разрешаться по-разному. Первый подход — безусловное признание и последовательное развитие фундаментальных регулятивных идей — универсальной субъектности человека и общественного договора. Из этого вытекает однозначное толкование понятия «самоопределение» — как выработки «общественного договора» и его институциональных гарантий, т.е. — как учредительного процесса, процесса становления гражданского сообщества. В этом смысле «право на самоопределение» — это отрицание колониализма и, если угодно, право на участие в учредительном процессе — людей и групп. Это — идеал, и невозможно думать, что только так события могут развиваться и будут развиваться. Но другой аспект этого подхода — непризнание иных вариантов, поскольку в основе идеи учредительного процесса лежит строгий моральный императив. Иные варианты, составляющие, условно говоря, «инструментальный подход», несомненно, находят и будут находить применение. Важно признать, что эти варианты — не являются равноценной, равнозначной и равно приемлемой альтернативой демократическому и учредительному процессу («по ситуации»), — а напротив — криминальной самодеятельностью, базирующейся на антигуманных идеях.

Обрисовывается определенная область конструктивной деятельности для интеллигенции и правозащитников в частности. Это работа в сфере общественного сознания — выработка соответствующего отношения общества к этим идеям, в том числе, к их наиболее изоциренным формам («национал-демократия» и т.п.). Разумеется, абсурдна «идеологическая борьба» как таковая. Но можно дсбиваться определенного статуса для этих идей. Статус очень важен как степень их легитимности (или как признание ее наличия или отсутствия). В современном мире существуют не общепризнанные легальные идеологии. Есть общепризнанные идеи, получившие сверхценный статус (идеи прав человека, самоценности человеческой личности и т.п.). Есть, наконец, криминальные идеологии, подлежащие преследованию (расизм, фашизм и пр.). Сторонники националистических идей стремятся сделать так, чтобы эти идеи приобрели сверхценный статус, были признаны людьми

и мировым сообществом в качестве таковых. Важно, напротив, чтобы эти идеи занимали в общественном сознании надлежащее и наиболее подходящее для них место — осознавались в как лежащие на грани легальности и криминала. Важно, чтобы этнонационалистическая трактовка самоопределения признавалась только как точка зрения группы лиц, никого ни к чему не обязывающая. Само собой ничего произойти не может. Нужна целенаправленная работа для того, чтобы остановить «тихую» экспансию тоталитарных идей. Хотелось бы закончить призывом к работе по делегитимации тоталитарных идей и тоталитарных ценностей.

Обсуждение доклада

И.Мелашвили: У меня один вопрос к докладчику. Из вашего вчерашнего выступления стало ясно, что вы считаете ошибочными права народа на самоопределение и считаете, что субъектом самоопределения должен быть человек. В этом плане какой выход вы видите из той ситуации, которая сложилась в Советском Союзе, в частности в республиках, где народы борются за восстановление своей независимости. И какой, по-вашему, должен быть механизм в этом случае, чтобы соблюдались и права народа, и права людей, которые хотят жить в независимом государстве. И чтобы не ущемлялись права других.

А.Осипов: Представляется очень странной формулировка «право кого-то на что-то», если не определен бенефициарий (субъект) этого права. Возникают различные коллизии. Как можно представить себе механизм политического самоопределения общества или группы? Повторю — как логичную и последовательную реализацию идеи общественного договора. Самоопределение в этом случае можно назвать «учредительным процессом» — процессом конструирования сообщества граждан. Подобный подход прослеживается и в международноправовых документах, он вытекает если не из буквы (при отсутствии четких дефиниций), то из духа основных положений. Очень хороший пример — решение проблемы Новой Каледонии. Большинство населения острова — не канаки, а европейцы, движение же канаков добивается независимости. В 1987 году французская администрация провела референдум, и большинство высказалось против независимости. В декабре 1987 года ГА ООН приняла по этому вопросу специальную резолюцию, и в ней в самых общих чертах проведена

идея учредительного процесса и показан механизм. Поставлена проблема: имеется самоуправляющаяся территория, соответственно стоит вопрос деколонизации и получения народом суверенных прав. Возможны подходы, нарушающие принцип субъектности человека. Один из них — к референдуму допускаются т.н. «коренные национальности» — в данном случае — меньшинство. Другая часть (большинство) выступает как некое движимое имущество, о котором потом в лучшем случае позаботятся. Другой вариант — опять же на референдуме вопрос решается механическим большинством всего населения. В этом случае фактически игнорируется меньшинство, которое имеет обычно очень серьезные основания для выдвижения своей проблемы. В резолюции же сказано, что необходим широкий диалог всех слоев и групп населения при их широком информировании об их правах и перспективах. Итогом должен стать взаимоприемлемый акт самоопределения, в котором приняли бы участие все слои населения. То есть, целью переходного процесса является нахождение результирующего вектора, достижение некоего консенсуса. Можно перефразировать высказывание Черчилля: «Учредительный процесс, конечно, очень тяжелая, может быть, очень мерзкая штука, возможны разные утраты, но ничего лучшего предложить невозможно». Главное, чтобы процедура не противоречила фундаментальным, либеральным и демократическим принципам и ценностям. Их практическое осуществление — сложнейшая задача. Складываются тяжелейшие ситуации, когда на одной территории проживают разные этнические группы, причем каждая имеет свои интересы, ценности, устремления, и возникает необходимость создать стабильное гражданское сообщество. Можно решать проблему демократическим путем — тогда отмечаются за ненадобностью всякие этнографические лозунги, а сам процесс неизбежно идет очень тяжело, долго и нудно, происходят тяжелые «разборки» между различными организациями и общинами. Но нет ни более легкого, ни вообще иного приемлемого пути. Можно, конечно, отказаться от демократических и гуманистических идей, использовать национализм, этнические конфликты, насилие. Но это, по сути, не решение проблемы, это способ загнать проблему вглубь, либо завести ее в тупик. Кроме того, это угрожает общей безопасности в мире. Сама по себе четко выраженная идея этнической государственности ведет к конфликтам, что и наблюдается. Например, в Молдове резкое выдвижение На-

родным фронтом этнографических лозунгов вызвало острую негативную реакцию значительной части населения — не только т.н. «некоренного», но и многих молдован, не согласных с идеей «румынизации» — у них иное самосознание. Возникли конфликты, и ситуация оказалась практически заблокированной. Этнические конфликты могут заблокировать ситуацию практически везде.

Н.Руденский: Во-первых, если отвергается принцип права народов на самоопределение, народов как этнических общностей, то какая же все-таки общность рассматривается в качестве субъекта самоопределения, хотя бы не самоопределения, а того процесса, о котором сейчас говорилось? Новая Каледония — остров, вокруг нее море. Но, скажем, в нашей стране, в условиях развала империи, в условиях нечеткости, неопределенности границ, несовпадения границ административных с национальными и т.п. — как здесь определить те территориальные единицы, в рамках которых будет налаживаться процесс, о котором вы говорите. Необходим переговорный процесс, но он должен идти в каких-то рамках, как-то эти рамки должны быть заданы. И если это общность территориальная, положим, разве не относится к ней тоже самое, что и к этнической — что это — статистическая совокупность, внутри которой человек не является субъектом? Он и в рамках этнической общности не является субъектом, и в рамках территориальной общности.

И второй вопрос, наверное, связанный с этим. Вот этот самый переговорный процесс, диалог, который, как я понимаю, утверждается как позитивная альтернатива принципу права народов на самоопределение — при котором, по вашему мнению, насилие, кровопролитие есть как бы нечто само собой разумеющееся. Но ведь и в другом случае субъектом в этом процессе тоже ведь будут выступать не отдельные люди, а группы, те же этнические группы, то есть никуда мы от этого не уйдем?

А.Осипов: Вероятно, удачнее говорить не о субъекте (одном) самоопределения, а об участниках процесса самоопределения — учредительного процесса. Самоопределение — процесс формирования гражданского сообщества, процесс превращения арифметической суммы, механической смеси, массы в сообщество граждан. Поскольку это процесс перехода из одного качества в другое, то в каком-то смысле субъектом можно назвать и все постоянное население (как это и фиксируется в документах ООН), и согражданство.

О границах. Есть прецеденты, есть мировой опыт деколонизации. Есть принцип раздела по фактическому владению. Колониальные империи в Латинской Америке, Африке, частично в Азии распались с сохранением старых, в том числе внутренних административных границ. Это принцип минимального зла. Везде пришли к выводу, что как бы ни были плохи эти границы, попытки их изменить приведут к слишком тяжелым последствиям. И действительно, например, в Африке государственные границы не совпадают с границами этнических ареалов. Тем не менее прошло тридцать лет независимости, а на континенте не отмечено, за небольшими исключениями, серьезных и масштабных этнических и межгосударственных конфликтов — серьезных настолько, чтобы они поставили под угрозу стабильность границ. Хотя, конечно, консервация границ любой ценой не идеальное решение, и это не значит, конечно, что они никогда не смогут быть изменены в будущем. Вопрос — как?

Как может решаться вопрос изменения границ? Прежде всего, надо разобраться — кем поставлен такой вопрос, как поставлен, насколько серьезно поставлен. Если нет серьезной постановки — нет и проблемы. Например, мы не можем пока сказать, что разговоры среди казачества Северного Казахстана могут быть названы территориальными претензиями. Слишком все это несерьезно. Если же вопрос ставится основательно, то опять-таки необходим переговорный процесс с участием заинтересованных сторон — как минимум двух контактирующих государств и населения спорной территории. То есть все проблемы должны решаться — по ситуации.

Постом — граница не самоценна, как правило — это часть единого клубка проблем, которые можно разделить и по отдельности разрешить. Как решались территориальные вопросы в ряде случаев в Европе? Хороший пример — установление границы между Данией и Германией после Второй Мировой войны. Сохранялась старая граница, а обе стороны удовлетворяли взаимные претензии, в частности давали гарантии меньшинствам, проживающим на их территории. Вопрос был исчерпан. Но, конечно, возможны самые разные ситуации.

Теперь — в какой мере человек (индивид) выступает субъектом процесса? Вообще-то субъектность человека в принципе не должна подвергаться сомнению. Субъектность человека реализуется посредством различных социальных и политических институтов или институтированных сообществ (партий, ассоциаций, движений, организованных групп и т.п.). Они и формируются, в сущности, в процессе и в результате индивидуально-

го самоопределения людей. Какие механизмы социальной мобилизации они будут запускать, это их дело, но мне кажется, в любом случае методологически некорректно считать, что реальным субъектом общественных процессов могут выступать статистические совокупности, например, этнические общности.

Следующий вопрос — об альтернативности самоопределения и решения вопроса недемократическим, насильственным путем. Представляется, что это два качественно разных и несовместимых подхода. Или переговоры, где все стороны — равноправные субъекты, или отношения «субъект — объект». К сожалению, в истории рассматриваемые нами проблемы решались, как правило, насильственным и вооруженным путем. Наверняка, во многих случаях они будут решаться подобным образом и в будущем. Главное — не называть вещи не своими именами. Есть самоопределение (учредительный процесс) — и есть насилие, драка за власть, за территорию, за уничтожение или изгнание каких-то групп — все это к самоопределению отношения не имеет. Иногда захват власти под националистическими лозунгами называют «самоопределением народа», тем самым легитимируется национализм. Недопустимо, чтобы к таким вещам приклеивались этикетки вроде «демократического движения», «освободительной борьбы», «борьбы за права человека» и т.п. В русском языке одним словом «узаконить» передаются два совершенно разных понятия — «легализовать» и «легитимировать». К примеру, допустим на минуту, что армянское движение взяло и силой отбило Нагорный Карабах. На это мировое сообщество может посмотреть сквозь пальцы — как на исторически сложившуюся реальность. Это — в порядке вещей. Но если это будет легитимировано, названо «национальным самоопределением», «восстановлением исторической справедливости» и т.п., то подобное нельзя будет назвать иначе как «беспределом». Все равно что признать нормальным явлением резню, национальную дискриминацию и всю ту мифологию («историческая справедливость»), которой подобные деяния обычно прикрываются. И потом — это будет мощнейшим стимулом для сепаратистов и в других странах.

И. Дядькин: Я хотел бы задать следующий вопрос правового характера. Мы знаем, что в тех местах, где происходят острые национальные конфликты, нарушаются права человека. Они нарушаются в Южной Осетии, в Карабахе и в других местах. С другой стороны, мне кажется, эти права нарушают другие положения, а именно, то, что понимается под национальным са-

моопределением. Все народы имеют право на самоопределение: в международных пактах уточняется: они свободно устанавливают свой политический статус. Тут не сказано, что они свободно выделяют свою территорию из территории государства. Из закона об автономии Аландских островов следует, например, что жителям этих островов должна быть обеспечена возможность устраивать свое существование настолько свободно, насколько это возможно для жителей территории, не являющейся независимым государством. То есть получается, что автономные образования не могут повышать свой статус выше политического статуса того государства, от которого они зависят. С этой точки зрения, скажем, требование Южной Осетии о выходе из Грузии, прямые переговоры с РСФСР противоречат этому принципу. Требование Карабаха о выходе тоже с апелляцией к СССР, а не прямо к Азербайджану, противоречит этому положению, и требование повышения статуса Татарии до уровня союзной республики, в то время, когда она входит в РСФСР, также противоречит этому положению. Как вы считаете, стоило бы в международный пакт ввести положение, как в законе об автономии Аландских островов?

А. Осипов: Мировое сообщество и международное право очень отрицательно относятся к сепаратизму и, напротив, довольно благосклонны к так называемому «внутреннему самоопределению». Вообще-то то, что я пытался изложить в докладе, в одинаковой степени может быть отнесено и к т.н. «внутреннему самоопределению» (в рамках государства), и к «внешнему» (отделение). Что касается Аландских островов, то никто никогда не говорил, что их жители являются самостоятельным народом, тем более — самостоятельной этнической общностью. Никто не утверждал, что субъектом автономии выступает некая «титულიная» национальность, в данном случае — населяющие острова шведы. И потом — жителям островов предоставлены дополнительные возможности самоуправления, не власть. В советском обществе принято путать эти понятия — власть (государственность) и самоуправление.

Так вот, в мире относятся к сепаратизму очень отрицательно. Сепаратизм и деколонизация — принципиально разные вещи, различия здесь — на уровне системы ценностей. Что касается отношений между союзными советскими республиками, то тут складывается своеобразная ситуация. В известных случаях, которые, что называется, на слуху, — в НКАО, в Юго-

Осетии — принципы и подходы советского права (в рамках «коммунистической легитимности») и права международного сообщества. Известные движения — и в НКАО, и в Юго-Осетии — являются сепаратистскими. Там, конечно, есть серьезные проблемы, которые, несомненно, должны решаться и лучше всего путем переговоров. Иные варианты не должны, по идее, признаваться и узакониваться. Очень нехорошо, что борьба с сепаратистами, очистка территории от боевиков проводятся такими методами, что часто стреляют в мирное население. Но это не нарушение права на самоопределение (оно здесь вообще ни при чем), а нарушение Второго Дополнительного Протокола к Женевским Конвенциям, касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера.

Вопрос: Как вы относитесь к идее совместной администрации? Известно, например, что в 1918-1919 г.г. была создана совместная армяно-грузинская администрация в нескольких районах. Может быть, таким образом, сохраняя принадлежность территории соответствующей республике — в Карабахе, Южной Осетии — сделать так, чтобы управление территорией могло включать в себя представителей местного населения?

А.Осипов: Кажется, смешиваются разные вещи. Субъектом государственности или самоопределения выступает гражданское общество. В гражданское сообщество входят представители всех этнических групп, объединенные гражданством государства. В демократическом, цивилизованном государстве все члены сообщества, все этнические группы должны иметь равные возможности для представительства и отстаивания своих интересов в органах власти, да и в других структурах. Отдельный вопрос — как добиться более или менее пропорционального представительства групп, в том числе этнических. Есть разные способы, различные механизмы.

Совершенно другой разговор — о двойном суверенитете над территорией (кондоминиуме). Это уже межгосударственные отношения. Имеются исторические прецеденты, но они относятся к колониальным владениям. Британско-египетский двойной суверенитет над Суданом, франко-британская юрисдикция над Новыми Гебридами. Особый случай — совместная грузино-армянская администрация. Наверное, ситуацию, когда неколониальная и самоуправляющаяся территория входит одновременно в состав двух государств, следует рассматривать как исключительную. Трудно представить, как один и тот же круг избирателей, круг граждан может одновременно делегировать

свои полномочия двум разным структурам власти двух разных государств, и как это сообщество может сосуществовать с этими государственными структурами. Представить трудно, но, наверное, теоретически возможно. Вопрос нуждается в изучении.

В известных же ситуациях — НКАО, Юго-Осетии — ключевой проблемой конфликтов является вопрос об абсолютности и неприкосновенности суверенитета республик над соответствующей территорией: Азербайджана в НКАО, Грузии — в Юго-Осетии. Двойная администрация — это так или иначе ограничение суверенитета этих республик, что для них пока неприемлемо.

А.Фет: С большим интересом выслушал доклад коллеги Осипова, с его юридической аргументацией. Хотя я не юрист, но попытаюсь определить, что же в сущности делают юристы. Некоторые вещи вызывают крайнее удивление. Например: в Советском Союзе есть такие-то республики, которые являются государственными образованиями по договору 1922-го года, и следует держаться границ этих республик, не нарушая их, следует считать эти республики государственными субъектами, и внутри них вести переговоры между различными группами, в том числе и этническими. Но возникает вопрос: почему нужно придерживаться как святыни этого договора 1922-го года? И вообще, какое значение имеют эти государственные рамки? Мне кажется, что в докладе Осипова на это был ответ. Но, может быть, его не все заметили. Я совершенно согласен почти со всем, что говорил Осипов. Но может быть, не все поняли, почему же надо придерживаться этих рамок, возникших в условиях несвободы и административного произвола. Для этого надо принять во внимание то, что делают юристы, а также — что они вообще за люди, и чего они хотят. Юристы — категория людей, которые заботятся, чтобы прожить на свете можно было с минимальным злом, а не о высоких и благородных материях. Например, все знают, что равенство людей перед законом — это фикция. Юридический мир вообще — это мир полезных фикций. То, что сказал коллега Осипов, я понимаю так: в 1922-м году был заключен некий союзный договор. В нем на самом деле никакие субъекты, кроме чегырех, не принимали участия, не было их в договоре. Остальные были присоединены без их согласия, и вообще никакого договора не было. Все это сплошные фикции. И все же лучше держаться этих фикций, и в рамках этих фиктивных государственных образований решать

разные вопросы, нежели не иметь вообще никаких рамок для переговоров, для выборов и т.д. Это принцип наименьшего зла. Я понимаю, какое отвращение может вызвать попытка положить в основу сегодняшних отношений этот фиктивный договор. Но ссылки на колониальные владения Африки показывают, что в этих кусках, на которые колониалисты нарезали Африку, также не было никакого смысла или правды. Но это предотвратило войны. И я прошу прислушаться к голосу здравого смысла, которым говорят честные юристы. Они вам скажут, что ради уменьшения зла нужно считаться с этими фикциями и действовать в рамках существующих границ. Мне очень неприятно это говорить. Я понимаю, что в Карабахе создалась ситуация предельной несправедливости, но вот как-то надо избежать большего зла, худшего. Мне кажется, что я правильно понял, коллегу Осипова. Но пока демократия и гуманность будут находиться в колыбели, в зачаточном состоянии, приходится слушать таких прагматиков, как эти юристы.

Е.Миначев: Почему-то мы забываем, когда начинаем говорить о самоопределении народов, как складывалось наше государство, наша страна. Наша страна складывалась в результате завоеваний, и многие народы — это колонии, позавчерашние, вчерашние, сегодняшние. Проблема самоопределения для татарского народа — это не абстракция, это реальность, необходимость. Татары были завоеваны четыре с лишним века назад — это было насилие, насильственная ликвидация татарского государства. Эта же проблема касается и других народов. Потому что, если вспомнить, кто добровольно присоединился к России, у нас хватит пальцев на одной руке.

Конечно, татары, как и другие завоеванные и колонизированные народы и государства, имеют право на самоопределение, на воссоздание собственного государства. Татары хотят его создать, а другие народы, живущие в Татарстане, не хотят этого. И это можно понять. Но есть объективная реальность: я думаю, если мы гуманисты, то создание татарского государства, как и других, должно быть приемлемо. Но важен вопрос о границах. Однако, это чисто техническая сторона дела. Прежде следует решить проблему самоопределения в принципе.

Я хочу сказать, что куцая Татарская автономия, созданная в 20-е годы, не была государством. И вот сейчас ставится вопрос, имел ли Татарстан право принять декларацию о выходе из РСФСР. Я считаю, что такое право он имел. И что всякий народ имеет право создать свое государство. Тем более, это относит-

ся к татарам; татары — народ древний и имеющий свое древнее государственное устройство. У него есть земля, есть территория, а то, что сейчас татарский народ на этой территории в меньшинстве — это результат колониальной политики. Конечно, народы у нас разновеликие и по численности, и по территории, и по государственному статусу; и подходить к решению этих проблем надо дифференцированно.

Н. Руденский: Доклад, который мы выслушали, был интересен, и естественно, что он прозвучал в аудитории, состоящей из участников правозащитного движения. Мне представляется, что в докладе, те философские предпосылки (безусловная ценность личности, безусловное предпочтение прав и интересов личности перед правами и интересами коллектива), которые свойственны правозащитному движению доведены до логического завершения. Мне психологически трудно в этой аудитории как-то оспаривать эти взгляды, к которым я испытываю глубокое уважение. И тем не менее, я попробую высказать некоторые замечания. Что мне кажется в докладе не конструктивным? Здесь подвергается критике и фактически отвергаются любые социально-политические построения, в которых отдельно взятый человек выступает не как субъект, а как член некоторой общности, делегирующий свои функции и свои полномочия этой общности. Такая постановка вопроса вполне последовательна, но мне она кажется оторванной от жизни. Никогда, может быть, только в очень далеком будущем, история не будет строиться так, что ее субъектами будут выступать отдельные люди, а не коллективы, в том числе народности, этносы, нации. И мне кажется, что возражение против национальной государственности, национального самоопределения тоже не вяжется с реальностью, — во всяком случае, с реальностью современной эпохи. От этого никуда не уйдешь. Волей к созданию государства, особенно после периода несвободы и разрушения империи, наделена прежде всего национальная общность людей. И с этим трудно что-либо поделать. С другой стороны, любой другой принцип построения государственности (например, территориальный) ничем не будет лучше. И нет ли здесь некоторого противоречия, когда, с одной стороны, провозглашается примат интересов личности, с другой стороны — негативно рассматривается такое явление, как сепаратизм? Л.И. Богораз вчера говорила, что подозрительно выглядит движение на высшее место интересов нации, поскольку это часто означает приоритет интересов коллектива. В случае сепаратизма мы как раз наблюдаем явное противоречие: когда го-

ворим о сепаратизме негативно, то совершенно очевидно, мы ставим интересы государства, т.е. большого коллектива, выше интересов народа, нации, (меньших коллективов). И последнее. Докладчик совершенно справедливо призывал нас употреблять слова в их узком значении и избегать расширительного толкования, и я бы сделал ему упрек в слишком расширительном толковании слов тоталитаризм и тоталитарное государство. Да, в нарождающихся государствах есть свои серьезные проблемы, есть нарушения прав человека, но ни одно из них я не назвал бы сейчас тоталитарным в том смысле, в каком мы употребляли это слово по отношению к Советскому государству. Я думаю, что для этого оснований нет.

Е.Хелимский: Я в общем поддерживаю те мысли, которые высказал господин Осипов в своем докладе. Тем не менее я считаю вопрос достаточно важным для того, чтобы и другие его аспекты получили дополнительное освещение. Мы сейчас, расставаясь с тоталитарным прошлым, получили в наследство ряд мин замедленного действия, подведенных строителями нашего государства под его фундамент и готовых взорваться в момент ликвидации системы. Такой миной является иерархическое национально-территориальное устройство страны. Такой же миной, правда, психологического толка, является ленинское толкование права наций на самоопределение. Тезис весьма опасный по целому ряду соображений. С юридической точки зрения вызывает сомнение сама формулировка о правах, которыми обладают такие сообщества, как нации. Все-таки, в международном праве преимущественно пользуются понятиями коллективных прав, как специального вида индивидуальных прав, реализуемых индивидом только в коллективе, в сообществе с другими людьми. Если мы наделяем нацию правами, превращая ее в юридический субъект, то не возникает ли из этого идея, связанная с обязанностью и с ответственностью, в таком случае, следует признать за нацией и ответственность за какие-либо деяния. А это — прямой путь к геноциду. Здесь можно спорить, но все-таки такая угроза здесь есть. Что касается международного права, то в протоколе Хельсинкской декларации говорится о том, что государства-участники будут уважать равноправие и право народа распоряжаться своей судьбой, действуя постоянно в соответствии с уставом и принципами ООН и нормами международного права, включая и те, которые относятся к территориальной целостности государств. Тоже весьма существенный момент. В этой связи

здесь тоже следует учесть, что нет мононациональных этнически совершенно однородных территорий. Единственный выход из создавшегося положения — послевоенные нормы, на которых базируется международное содружество, и те политические решения, которые получают международные права и гарантии. С этой точки зрения имеет абсолютное право на выход из Советского Союза Прибалтика, потому что аннексия стран Прибалтики никогда международным сообществом принята не была. С этой точки зрения не представляет никаких проблем и отделение от Советского Союза отдельных цельных республик, поскольку Советский Союз, подписывая различные международные соглашения, обладал конституцией, предусматривающей возможность отдельных республик выходить из его состава. А вот пересмотр границ, будь то границы между Азербайджаном и Арменией, РСФСР и Грузией, Украиной и Россией, чреваты жуткими осложнениями. Нет никаких сомнений, что такого рода действия международное сообщество не поддержит. С другой стороны, я думаю, что в распоряжении международного сообщества имеются достаточно эффективные механизмы контроля. Думаю, что международное сообщество вряд ли согласится признать независимость тех бывших частей Советского Союза, где будут иметь место нарушения прав человека и прав национальных меньшинств. Мне кажется, что об этом всем следует помнить.

М.Жеребятьев: Мне тоже близка позиция, высказанная коллегой Осиповым. Может быть, стоит рассмотреть в дискуссиях вопрос о том, что мы имеем дело не с нациями, как таковыми, а с национальными движениями, где субъектом является не нация, а некие ассоциации, некие группы, выдвигающие социальные лозунги с национальным оттенком. Мне представляется, что для того, чтобы можно было вести переговоры с этими группами, следовало бы наметить путь их легитимации. Тогда они могли бы быть конституированы, и их притязания можно было бы не игнорировать, а рассматривать и обсуждать. Об этом, мне кажется, стоило бы подумать.

Религиозные объединения как социальные меньшинства

Жеребятьев М., Москва, МГУ

Целью настоящего доклада является демонстрация взаимозависимостей национальной и вероисповедной характеристик, а также обрисовка конфликтных зон, как уже обнаруживших себя, так и могущих обозначиться на этой почве в ближайшее время.

Предлагаемый мной способ реализации заявленной цели, — это рассмотрение социологического и правового аспектов: а) национально-религиозных, б) государственно-религиозных, в) межконфессиональных отношений.

При всем том, что мое видение проблемы оставляет место аспекту мистическому, от его раскрытия я сознательно воздержусь.

В плане иллюстративного материала я намерен ограничиться, во-первых, тем, что лучше всего мне знакомо — сегодняшней ситуацией в сфере указанных отношений в России и, во-вторых, по мере необходимости, предполагаю привлечь материал других исторических эпох и иных современных ситуаций по затрагиваемым в докладе вопросам.

Касательно терминологического аппарата, пояснения считаю целесообразным давать в тех случаях, когда излагаемый материал будет нуждаться в дефинициях или же предлагаемая мной терминология будет расходиться с общепринятой.

Европейская и северо-американская демократическая законодательная традиция последних двух веков в рамках концепции свободы совести признает безусловный приоритет личного вероисповедного выбора. Такое признание предполагает наличие системы институтов, гарантирующих человеку реализацию этого выбора даже вне зависимости от исторически оформившегося статуса конкретного вероисповедания в том или ином государстве. Так, участвующие в хельсинкском процессе европейские государства — Норвегия, Испания, Великобритания или Финляндия *, не спешат отказываться от системы государственных вероисповеданий, сложившейся в этих странах исторически, ибо по уровню

* В Финляндии, к слову, таких государственных юрисдикций две — финляндская лютеранско-евангелическая и финляндская православная церковь. (Авт.)

свободы вероисповедного выбора личности эти страны ничуть не уступают такой вполне классической светской демократии, каковой изначально объявили себя те же США — страна, где законодательство по религиозным вопросам оформило светский характер государства и всех его структур, заложив тем самым эталон правовых норм для современной западной цивилизации. Пользуясь случаем, не могу обойтись без оценочного суждения об Америке как стране чистого религиозного эксперимента. Не будь его, как знать, какими путями и сколь долго продвигалось бы европейское сообщество по пути материализации этих идеалов.

Французский опыт выработки законодательства в религиозном вопросе, хотя и двигался, в итоге, в том же направлении, что и США (в сторону формирования светского государства), все же отмечен колебаниями прямо противоположной направленности: то в сторону радикально-атеистического, то в сторону религиозного государства и общества. Так что, применительно к традиции религиозной свободы во Франции целесообразно говорить о позитивном ее результате как в плане общей постановки вопроса в условиях абсолютного политического режима, так и пручительных итогов разрешения спора о светском или религиозном характере государства.

Однако, реализация неотъемлемого права человека на свободный выбор строго канализирована.

Во-первых, сама религиозная вера предполагает наличие определенных вероисповедных форм.

Во-вторых, структура самого законодательства предусматривает реализацию индивидуальных прав и свобод посредством соотнесения их с правовым статусом социальных групп. В той же Финляндии, например, чтобы не платить религиозный налог, ты обязан письменно заявить о том, что ты неверующий.

В третьих, субъектом права выступает не только наделенная правами личность, но и религиозные объединения (по типу церковных юрисдикций), а также объединяющие верующих низовые звенья — приходы, общины, братства, ордена и другие группы. Все они, как церковные юрисдикции, так и общины, для полноты осуществления своих целей должны пользоваться правами юридического лица, и это положение, наконец-то, было зафиксировано в 1990 году в новых союзном и российском законодательных актах*.

* См. ст. 13 закона Союза ССР о свободе совести и религиозных организациях («Известия», 10/X-1990) и ст. 18 закона РСФСР о свободе вероисповеданий («Советская Россия», 10/XI-1990). (Авт.)

И, в четвертых, что наиболее актуально для нашей сегодняшней встречи, большинство современных наций характеризуется наличием национально-вероисповедного ядра, которое соотносится с вероисповедной периферией традиционной или только что объявившейся.

Формирование самого этого национально-вероисповедного ядра обусловлено комплексом причин, относящимся к политической сфере. Общеизвестно, какое влияние на вероисповедный выбор оказывают пристрастия элитарных группировок, втянутых в орбиту межгосударственного противоборства, об этом свидетельствует, например, тот же вероисповедный выбор древней Руси.

Известный афоризм, что исключение только подтверждает правило, работает и на этом материале: наличие у нации, в качестве особых случаев, вероисповедной биполярности, как это имеет место у латышей (католики и лютеране) или полиполярности, как у украинцев, есть также результат действия политических факторов.

Начало перестройки в религиозной сфере у нас можно отнести лишь к 1989-1990 годам. Она также, как и перестройка в обществе, была дарованной милостью сверху с целью усиления перестроечных процессов. Во многом такое хронологическое отставание — почти на 5 лет — было обусловлено тем, что должностные лица и неформальные лидеры всех существовавших легально, полулегально или вовсе нелегально юрисдикций оказались застигнутыми переменами врасплох *. Причин такого положения мне видится несколько. В первую очередь, (так было в застойные годы, так осталось и сейчас) основные стрелы критики общественности направлены в адрес иерархии Московской Патриархии, игравшей все послевоенные годы роль рекламной «березковской» матрешки на потребу западных воздыхателей по русской экзотике.

Те же, кого принято именовать христианской общественностью в СССР, — это в подавляющем своем большинстве, православные миряне. Так что конфессиональные интересы этой группы верующих и их негодование по поводу безобразий, творимых с благословления партийных властей, их архипастырями, объективно способствуют концентрации внимания на

* К слову, такие, перебивавшие в подполье, юрисдикции, как ИПХ/ИПЦ, Совет церквей ЕХБ, до сих пор не нашли своего места в обновляющемся обществе. (Авт.) (ИПХ — Истинно-православные христиане; ИПЦ — Истинно-православная церковь; ЕХБ — Евангельские христиане баптисты. (Ред.))

таких негативных фактах в лоне Московской Патриархии, как будто в других конфессиях они отсутствуют.

Будет справедливым отметить, что законы функционирования религиозных объединений, не отрицают конфликтов между разными социальными группами.

Годы брежневской эры и андроповско-черненкоовское междоусобице сформировали в общественном сознании устойчивый стереотип неприятия верующих в качестве полноправных членов общества.

1000-летию крещения Руси в 1988 году средства массовой информации, находившиеся еще под контролем партийно-государственной номенклатуры, придали характер общенационального празднования. Это, результат осознанного стремления властей опереться на что-то еще, помимо «немеркнувшего» марксистско-ленинского учения, желание, тем самым, заполнить образующийся идеологический вакуум.

Это событие — празднование 1000-летнего юбилея введения христианства на Руси — совпало с началом бесконечной череды многонациональных конфликтов и противостояния республик общественному центру. В тот год карабахский кризис указал, помимо прочего, на вероисповедную природу конфликта: народы, представляющие обе стороны в конфликте, отличаются друг от друга, не в последнюю очередь, по вероисповедному признаку.

Оформление любого современного общественного движения с национальным оттенком немислимо без его обращения к религиозным традициям народа. Скорее, правда, во всей своей полноте реально и несуществующим, ибо они успели подвергнуться основательной секуляризации. Причем, здесь возможна реанимация самых неожиданных пластов, например, язычества. Конечно же, в наших условиях невозможно всерьез говорить о возрождении, допустим, того же славянского язычества. Поэтому мифотворческо-идеологическое и, где это возможно, ритуалистическое стилизаторство, призваны восполнить пробелы. Безусловно, столь далеко заходят наиболее крайние, наиболее радикальные группировки, большинство же оперирует с наличным материалом.

В условиях кризиса коммунистической идеологии, сопровождающегося ростом национального самосознания, чреватого национальным размежеванием, массовое сознание без ярко выраженных национальных признаков, к примеру, русское, быстрее и легче всего обретает национальную окраску не путем постижения глубинных пластов культуры, духовной в том

числе, но присоединяясь к одному из знаковых индикаторов национальности — вероисповедному.

Следует учесть также, что все это происходит на фоне превращенной культурной, в самом широком смысле этого слова, традиции, и обращение к вере посредством осознания собственных культурных потребностей характерно лишь для интеллигенции. Поведенческая демонстративность (крестики на показ), навязчивость и безапелляционность суждений (русский, значит, — православный, а коли что не так, то от лукавого), кичливость (мы самые добрые, самые чистые в помыслах, самые..., а потому в отношении меньшинства не допустим) — таков самый обычный результат простых решений и прозрений в одночасье. Таким образом, процесс, происходящий в сфере национально-религиозных взаимодействий внутри русского общества, да и не только его (молдавское, грузинское, татарское при всей несхожести как причин, породивших у этих народов аналогичные ситуации, так и самих ситуаций, дают во многом близкие результаты), можно обозначить как процесс национально-вероисповедной унификации.

Не далее как вчера о. Георгий (Эдельштейн) рассказал мне о случаях из своей пастырской практики, которые прекрасно иллюстрируют то, о чем я, может быть, слишком теоретично говорил сейчас. Так вот, о. Георгий, коснувшись вопроса о ставшем неперменным атрибутом жизни многих людей крещении, говорил, что он, как пастырь, всячески пытается втолковать пожелавшим креститься или окрестить своих детей людям, какую они берут на себя ответственность, объяснить, что таинство крещения предполагает участие в церковной жизни: в евхаристическом общении, в жизни общины. В 90% случаев, как сказал о. Георгий, все это люди слышат впервые от священника и, что естественно, воспринимают его наставления далеко не все.

Унифицированные процессы, происходящие de-facto, в то же время ставят под сомнение законодательные положения о свободе вероисповедного выбора и равенства всех конфессий и юрисдикций перед законом. Согласитесь, не каждый может задуматься о каком-то еще вероисповедном выборе, когда общественное мнение только и живет разглагольствованиями о «своих» и «чужих».

Ислам в Индии, на сегодняшний момент, объективно единственная сила, способная похоронить кастовую организацию этого общества, и в то же самое время индийский ислам воспроизвел, как любят называть подобные метаморфозы вслед за

Марксом советские философы, в «превращенной форме» традиционную кастовую структуру.

По моим наблюдениям, этно-конфессиональные общины, — это весьма удачный, если не оптимальный, способ существования религиозных меньшинств в обществе, большая часть которого принадлежит к доминирующему вероисповеданию. Такие группы не воспринимаются большинством как нечто совсем чужеродное.

Молокане, духоборы, субботники и даже старообрядцы — это этно-конфессиональные общности.

Нелишне задуматься над тем фактом, что люди, принадлежащие к таким общностям, ощущают больший психологический комфорт, чем представители протестантских конфессий, так и не сумевшие в условиях России сплотиться в общины такого типа.

Если сравнивать с опытом складывания этно-конфессиональных сообществ в других странах, в российских условиях выделять такие группы строго в соответствии с определением можно лишь с большими поправками: у тех же молокан, оказавшихся на Кавказе в инонациональной среде и бывших объективно осколком России, произошли трансформации в собственном восприятии своей национальной принадлежности. Вообще же, говорить о факторах, консолидирующих этно-конфессиональные группы, крайне затруднительно, еще и ввиду того, что этот процесс насильственно прерывался коллективизацией и деформировался утвержденным в 30-х гг. реестром паспортных национальностей.

Выскажу осторожный прогноз: развиваться в указанном направлении из протестантских конфессий имеют самые серьезные шансы адвентисты, имеющие бытовые отличия от христиан других направлений, хотя бы почитание субботы.

Возвращаясь к сегодняшнему дню этих сообществ (этно-конфессиональных), на основании личных наблюдений хочу поделиться своим видением конфликтных зон. Так, если укрупнение родственных конфессий происходит более или менее безболезненно, например, молокан за счет субботников, поморского согласия у старообрядцев за счет других малочисленных беспоповских толков, что, в общем-то, соответствует общемировой динамике *, то взаимоотношения традиционно русских вероисповеданий, тех же молокан, духоборов, новоиз-

* В наших условиях примером такого удачного, хотя и не совсем добровольного объединения родственных деноминаций является создание в 1944-46 гг. Всесоюзного Совета Евангельских Христиан-Баптистов; последующие расколы в его среде происходили уже не на основе отпадения одних от других (Авт.)

раильтян с протестантскими конфессиями, преимущественно с баптистами и пятидесятниками, носят совершенно иной характер из-за того, что изначально протестанты в России рассматривали представителей т.н. «реформационных» сект в качестве слоя, потенциально предрасположенного к пополнению рядов протестантских общин, а также из-за полной беззащитности традиционных русских вероисповеданий (за вычетом старообрядцев), не имеющих даже выше уровня конкретно взятой общины координационного совещательного органа, способного отстаивать права и интересы иноверцев.

Параллельно процессу национально-вероисповедной унификации в религиозной жизни России происходит стремительный распад религиозных гиперобъединений, характеризовавших религиозную жизнь страны все послевоенные десятилетия. Я имею в виду не только РПЦ* (Московскую Патриархию), но и ВСЕХБ**, из которого в 1987-1989 гг. также выделилась довольно значительная группа, называющая себя «движением автономных общин».

Какими соображениями руководствуются выделяющиеся?

Во-первых, восстановлением справедливости. Как известно, условием власти в отношении легализации религиозной жизни в 1943-1945 годах было объединение родственных конфессий: православных всех юрисдикций с обновленцами, присоединенных туда в два этапа греко-католиков в Галичине в 1946-ом г. и Закарпатье в 1949-ом г.; евангельских христиан и баптистов с меннонитами, пятидесятниками, в начале 60-х гг., (когда прекратилась регистрация религиозных обществ), с молканами.

Формировавшие гиперобъединения, руководствовались вполне прагматическими соображениями: за такими монстрами было сравнительно легко надзирать, к тому же, добровольно-принудительное объединение позволяло перевести любой конфликт, возникающий между группировками, в разряд сугубо внутренних, и, в итоге, сделать его практически неразрешимым.

К тому же, централизованные иерархизированные структуры становятся крайне быстро чересчур обмирщенными, что неизбежно вызывает внутренние распри: резкий протест со стороны стремящихся к спасению ревнителей веры или тех, кто претендует на то, чтобы разделить с иерархией часть ее власти, а то и взять, если удастся, бразды правления в свои ру-

* РПЦ — русская православная церковь. (Ред.)

** ВСЕХБ — всемирный совет евангельских христиан-баптистов. (Ред.)

ки. Желание поменять юрисдикцию со стороны священнослужителей и лидеров религиозных общин носит, зачастую, выходящий за пределы общины характер, то есть является прямым результатом их конфликта с правящими архиереями или органом, коллегиально управляющим религиозным объединением.

Еще совсем недавно иноверующих было принято именовать фанатиками, про них распространялись всякие небылицы. В действительности такие группы есть в любом обществе. Совсем не обязательно они бывают представлены инонациональным, иноконфессиональным меньшинством.

Идеальными условиями для их существования являются максимально изолированные от мира поселения единоверцев, к реализации такого идеала они, кстати, и стремятся.

Лично мне довелось познакомиться с жизнью такого поселения — это город Струнино во Владимирской области, ставший городом в результате административных метаморфоз, — фактически это поселок с вполне традиционным, близким к сельскому, укладом жизни. Основная часть его жителей православные верующие, приехавшие туда из разных мест страны с единственной целью — спастись, — мотив достаточно хорошо осознаваемый всеми.

Осуществление идеала спасающихся может в каких-то случаях требовать комплекса мер по государственной защите подобных обществ и установленного ими способа жизни от посягательств, исходящих от религиозно-политических группировок и местной власти.

По степени сочетания национального и религиозного начал православные религиозно-политические группировки сильно отличаются от описывавшихся выше групп. Их отличает стремление распространить принципы церковной организации на общественную жизнь во всех ее проявлениях. Однако таких пока мало. Преобладают такие партии и группировки от монархистов, консерваторов до демохристиан и т.п., которые уделяют особое внимание духовным ценностям, возросшим на почве христианской православной и культурной традиции. Следует также назвать группировки национал-фашистского толка, использующие элементы христианской (православной) эмблематики. Однако считать их христианскими оснований, думается, нет.

Для большинства течений в рамках христианских политических образований общим является то, что православие выделяется ими в качестве национального вероисповедания.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько программных положений РХДД*, иллюстрирующих мои, как может показаться некоторым, слишком категоричные суждения о так называемой «христианской политике» и об этой партии в том числе.

Для справки: РХДД — движение партийно-политического типа, самое многочисленное в когорте христиански ориентированных — численность его членов благодаря использованию коллективного членства — от 5 до 7 тысяч. В движение зачисляются почти автоматически тех, кто участвует в работе ассоциированных движением мелких партийных образований (типа ХДС**, движения православной молодежи, издательств, кооперативов и т. п.); с момента своего основания (в апреле прошлого года) РХДД выступило одним из инициаторов создания блока демократических сил в республиканском масштабе, — эта идея реализовалась осенью того же года (движение «Демократическая Россия»); движение имеет небольшое представительство в российском парламенте — три депутата.

В программе РХДД задается национально-религиозный эталон государственного устройства, выраженный термином «соборность». По словам сопредседателя РХДД о. Глеба Якунина «соборность» — это наше церковное определение демократии, что, в общем-то, соответствует действительности, но только отчасти. Названный Якуниным признак всего лишь одна сторона медали. В моем понимании «соборность» — это сочетание низовой демократии общин с иерархичностью всей церковной структуры, плюс к этому, с российской государственно-политической традицией, если вспомнить практику Земских Соборов, это еще и принцип сословного представительства. Программа РХДД, кстати, предполагает возрождение этого института, хотя, по всей видимости, у идеологов движения отсутствует четкое представление о том, чем же должен быть Земский Собор — традиционным названием для института представительной демократии или же под этим названием следует возродить политическую практику 15-17 веков. Что касается сословного представительства, заложенного в историческом опыте соборности, то оно демонстрирует, на мой взгляд, лишь желание внедрить в эту программу как можно больше национально и религиозно эффективных, но совершенно не соприкасающихся с

* РХДД — российское христианско-демократическое движение. (Ред.)

** ХДС — христианско-демократический союз. (Ред.)

реальной политикой, положений. По моему разумению, исповедуемый РХДД принцип соборности в качестве основы построения движения (партии), при условии победы на выборах может стать основанием для распространения «соборности» на все сферы государственной и общественной жизни, что противоречит основам конституционного строя.

Государство до сих пор не декларировало собственного светски-демократического характера, от того-то выдвижение таких принципов, как «соборность», «непредрешенность» — в отношении политического строя и формы правления (термин взят из лексикона программы РХДД) могут спокойно встречаться в текстах программных документов. До сих пор в конституции — и в российской, и в союзной существуют лишь нейтральные формулировки, позволявшие КПСС совсем недавно проводить целенаправленную и планомерную атеизацию всех государственных институтов и сфер жизни общества.

В деятельности РХДД, да и всех других религиозно-политических группировок заметно стремление втянуть церковь в политическую деятельность. И это в то время, когда она, похоже, ищет собственное место в обществе, вырабатывает новые принципы взаимоотношения с государством.

Сказывается желание скопировать польский опыт времен противостояния 60-х — 80-х гг., стремление уготовить церкви роль общенационального арбитра, держащего сторону оппозиции.

В расположении церкви сейчас заинтересованы все противоборствующие стороны; в таких условиях, насколько мне представляется, церковь гораздо быстрее обретет свой собственный голос.

В сложившихся условиях мне представляется целесообразным даже до обсуждения проектов новых Конституций СССР и РСФСР и других республик декларировать в той или иной форме в качестве конституционного принципа светски-демократический характер государства. Это необходимо сделать ввиду опасности возникновения еще одной конфликтной зоны, связанной с притязаниями фундаменталистски настроенной части общества.

Ведомства, ответственные за регистрацию соответствующих общественных организаций должны руководствоваться при регистрации соответствием пакета программных документов партии (движения, организации, группы) требованиям, предъявляемым к ним государством. Сами заявления о «непредрешенности», «соборности», «христианской политике»,

«соответствии православной позиции» и т.п. должны в таких условиях означать покушение на основы конституционного строя. Нельзя запретить единомышленникам создавать легально существующие религиозные объединения христианской или иной ориентации, но не следует допускать в нормально функционирующем демократическом конституционном государстве партий, чьи программы противоречат конституции.

В.Аксюциц, член парламентского комитета по свободе совести и сопредседатель РХДД, заявил в одном из своих интервью, что действующее законодательство о свободе вероисповедания будет постоянно подвергаться корректировке; имело бы смысл обсудить в открытой печати вопрос о включении в текст закона формулировки: «государство рассматривает религиозные объединения как социальные меньшинства».

Я отдаю себе отчет, что само понятие «социальное меньшинство» нуждается в довольно строгой дефиниции, но когда церковь, бывшая в стране первенствующей в докоммунистическую эпоху, в лице своего первоиерарха берет на себя функцию третейского судьи в разрешении межконфессиональных конфликтов, провозглашая при этом невмешательство во внутренние дела религиозных сообществ, такая формулировка в тексте преамбулы закона была бы уместна.

II

Разрушение этнических общностей в тоталитарной системе

Ткаченко А.И., Харьков, Институт культуры

Прежде чем перейти к рассмотрению заявленной проблемы, считаю необходимым очень кратко остановиться на оценке состояния межнациональных, межэтнических отношений в нашем городе, ибо здесь присутствует много гостей из других городов.

В своем выступлении в Верховном Совете Украины В.Б.Гринев, заместитель председателя Верховного Совета, сам харьковчанин, определил наш город как город-космополит. В определенной мере эта характеристика отвечает действительности. Здесь живут люди разных национальностей и, к счастью, наш город не подвержен коллизиям межнациональной вражды. К тому же Харьков всегда был оплотом умеренных политических течений. Мы считаем, что это — показатель политического здоровья нашего города: соревнование различных политических сил здесь носит достаточно спокойный характер, не приводит к острой конфронтации. Когда, например, возник вопрос о возрождении национального самосознания, возрождении национального языка, в городе люди, выдвигавшие эту задачу, отнюдь не были склонны к крайностям.

Вместе с тем, в городе наблюдается достаточно определенная ориентация на поддержание избранного республикой курса на утверждение суверенитета Украины. В этой связи те силы, которые представлены в городском Совете, ориентируются прежде всего на решение экономических проблем, рассматривая другие проблемы, в том числе и национальные, в тесной взаимосвязи с формированием новых отношений собственности, нового политического климата.

Тема моего доклада — разрушение этнических общностей тоталитарной системой. В предшествующих докладах и выступлениях, так или иначе, данной проблемы уважаемые коллеги касались. Мне же представляется существенно важным, и я в связи с этим благодарен Ларисе Иосифовне Богораз, подчеркнувшей необходимость в данный момент, сегодня накоп-

ливать теоретический аргументационный потенциал для защиты позиций, которые принято определять как правозащитные.

Сегодня можно выделить три основные подхода к оценке современного состояния и перспектив межнациональных отношений. Первая оценка: СССР — это империя, где «Центр» (при этом часто под «Центром» подразумевается Россия) эксплуатирует национальные окраины, национальные меньшинства. Соответственно, империя должна быть разрушена, и каждое этническое образование должно выйти на свободу, вплоть до создания полностью самостоятельных, независимых государств, вступающих в те или иные отношения с такими же независимыми, суверенными государствами.

Суть второго подхода заключается в том, что допущенные в прошлом ошибки, деформации и преступления не могут перечеркнуть исторических достижений в сфере национальных отношений. Следовательно, на современном этапе необходимо устранить эти перекосы и возвратиться к изначальной ленинской концепции национальных отношений, национальной политики.

И третий подход, также весьма широко распространенный в наше время, состоит в том, что СССР является единым многонациональным государством, а постановка вопроса о национальном государственном суверенитете — злокозненные происки, подлежащие искоренению, и в лучшем случае заслуживает обсуждения лишь проблема национально-культурной автономии.

Представляется, что все три подхода страдают ущербностью. Во-первых, тезис о том, что СССР — империя, где Россией угнетаются другие народы, находится в противоречии с тем фактом, что и сама русская нация оказалась в положении угнетенной. Достаточно вспомнить о деградации Нечерноземья, упадке русской культуры, языка и т.п. Русский этнос подвергся гонениям и гнету в не меньшей степени, нежели другие национальные общности. Это факт, от которого не уйти.

Второе. Когда говорят о достижениях, то за них часто пытаются выдать то, что по меркам современной цивилизации таковыми можно признать с очень большой долей условности. За такими достижениями, как развитие промышленного потенциала, стоит монокультурность сельского хозяйства в Средней Азии, безудержная миграция русскоязычного населения в национальные окраины, формировавшая предпосылки для обострения социально-этнической напряженности, проблем окружающей среды, языка и др. За всем этим стоит провавшаяся ныне в ряде регионов открытая или скрытая нацио-

нальная рознь, трагедия сосланных и репрессированных народов и т.п.

Наконец, следует признать, что единого государства вне системы, принудительно объединившей этнические общности и территории, ими заселенные, не было. Действительно, было создано единое экономическое пространство со сложившейся системой экономических связей, торговли, обмена, кооперации и т.п. Но не сложилось духовное единство; отсутствует ощущение общей родины, во все большей степени проявляется нацеленность на изоляционизм. В чем же дело?

Представляется, что дело заключается в том, что общественное устройство, которое мы называем «советским обществом», зиждется на тотальной детерминации жизнедеятельности индивидов. Иными словами, каждому члену общества от начала и до конца жизни предопределено, что он может и должен делать, а также установлен тотальный контроль за его деятельностью, поведением. Основанием этой тоталитарной системы, ее системообразующим принципом является жестко структурированная система общественных отношений при строго вертикальном их построении. Во главе системы находится персонифицированный субъект власти: генеральный секретарь, император, президент или кто-то еще. Данный носитель власти делегирует свои полномочия вниз по ступеням иерархической лестницы в таких объемах, в каких это представляется ему необходимым или целесообразным. В связи с этим я хотел бы обратить внимание уважаемых коллег на серию статей Е. Старикова в журнале «Знамя», опубликованных в 1989-1991 годах. И в частности, на статью «Маргиналы или размышления на старую тему, что с нами происходит»*. Е. Стариков очень наглядно показывает, что тоталитарная система с необходимостью требует, чтобы личность непосредственно «замыкалась» на вождя. Преданность вождю, слепая вера в него — вот нравственный императив, который насаждается в обществе. Любые другие привязанности, любые другие отношения должны быть разрушены для того, чтобы человек замкнулся на вождя, на этого идола. Только в этих условиях тоталитарная система и может существовать.

Вертикальное структурирование и осуществление тотального контроля с необходимостью предполагают разрушение всех горизонтальных связей: семейных, когда считается не только нормальным, но и естественным доносить на членов семьи; связей поселенческих, когда осуществлялась целенаправленная политика массовых переселений то под предлогом

* «Знамя» 1989, № 10.

организованного набора на комсомольские стройки, то под предлогом «наказания» целых этнических общностей; связей профессиональных и производственных, когда одним махом репрессировали весь руководящий состав отрасли или отдельных предприятий, когда уже факт совместной работы служил основанием для ареста и осуждения.

Особое место в данном процессе занимает разрушение этнических общностей, одного из проявлений горизонтальных связей. Основание, которое делает необходимым для тоталитарной системы разрушение этнических, как и других, общностей, заключается в том, чтобы заставить человека перестать ощущать себя индивидуальностью. Анализ исторического опыта позволяет выявить основные направления и формы деятельности тоталитарной системы в данном направлении. Это:

- объявление любых проявлений национального самосознания «буржуазным национализмом» и борьба с ним любыми доступными средствами, вплоть до уголовного преследования;
- фальсификация истории данной этнической общности с целью доказательства неспособности данной общности к самостоятельному существованию или отсутствия национальной аутентичности;
- принудительное агрегирование экономики территории компактного проживания данного этноса в так называемый единый народнохозяйственный комплекс без учета экономической и вообще какой бы то ни было целесообразности;
- постоянное перемещение руководящих кадров по всей территории государства с целью воспрепятствовать формированию национальной управленческой элиты, которая могла бы составить интеллектуально-управленческое ядро элиты;
- вытеснение национальных языков из сферы управления и производства с целью сделать их «ненужными» для основной массы населения;
- искусственная перекройка границ территориально-административных образований в районах со смешанным населением;
- насаждение идеи возникновения и развития этнически безликой «интернациональной» общности «советский народ»;
- проповедь под лозунгом интернационализма идеологии безнациональной, имеющей в качестве основания отрицание исторического и культурного наследия, единства множеств и т.д.

Возрождение этнической общности начинается с возрождения национального самосознания. К сожалению, этого вопроса предыдущие докладчики не касались, а он имеет принципиальное значение. А ведь национальное самосознание есть философская, мировоззренческая основа определения индивидом своей принадлежности к той или иной этнической общности. Речь идет о том, что сама личность должна определять, к какому этносу она принадлежит. И, видимо, в силу этого запись в паспорте или в других документах национальности лишь препятствует свободному формированию и проявлению национального самосознания, национального самоопределения личности. Графа «национальность» должна быть заменена графой «гражданство».

Что же такое — «национальное самосознание»? Представляется, что это — отождествление личностью себя с данной этнической общностью, восприятие себя как части этой общности вместе с историей, культурой, национальным опытом и традициями, ошибками и достижениями.

Проблема национального самопознания возникает как результат взаимодействия общечеловеческого и этнического или национального. При этом нельзя упускать из виду невозможность абсолютного противопоставления первого и второго. Мир един. В жизни, если говорить о рациональном подходе к решению проблемы, необходимо говорить о сочетании общедемократического, общечеловеческого и национального. Общедемократическое не может реализоваться вне решения проблем этнических, точно так же, как этнические проблемы не могут быть до конца решены на недемократических основаниях. Когда рассуждают о том, что интересы нации выше интересов личности, то сразу начинает ощущаться душок тоталитаризма.

Обсуждение доклада

С.Руденко: У меня вопросы, касающиеся свободы вероисповедания. Не считаете ли вы, что в Харькове существует внешне незначительный, но очень опасный конфликт, противостояние между двумя церквями — украинской православной и украинской автокефальной? Это первый вопрос. И второй вопрос. Достаточно ли сделали городские власти для того, чтобы избежать этого конфликта?

А.Ткаченко: Действительно, такой конфликт может быть, если городские власти не предпримут мер для его разрешения. Полномочия городского Совета и городских властей в разрешении этого конфликта весьма ограничены. Если же говорить в целом о проблеме, то, да простят меня уважаемые коллеги, — может, мои слова покажутся слишком грубыми, — думаю, что в этом межконфессиональном споре больше мирского, чем «божьего». Ведь спор идет о принадлежности храмов, т.е. о доходах, а также о том, на каком языке вести богослужение. Но ведь это к христианской идее, к религии не имеет никакого отношения. Это уже чисто политический вопрос.

Г.Алтунян: Я не согласен с рядом положений, высказанных А.И.Ткаченко. Заявление Б.В.Гринева о том, что Харьков — город-космополит, по-моему одно из самых неудачных высказываний Гринева. По сути своей это не так. И если Ткаченко заговорил об этом, то следовало бы разъяснить, что было в Харькове на самом деле, была ли это русификация или нечто другое. Если до войны на Украине было около 90 % школ украинских, то сегодня их 4,5 %. Проблема в том, что «старший брат», по образному выражению наших предыдущих вождей, русский народ, был начисто лишен национального сознания. А если человек не понимает, что это такое, — то тут не поможет и власть... Была создана совершенно новая общность людей — «гомо советикус»; людей начисто лишенных национальных корней. Харьков — город, где нет национальных конфликтов, здесь спокойно сосуществуют еврейские культурные центры, армянские, азербайджанские. Но до сих пор «Товарищество украинского народа» не имеет своего помещения. Это очень опасно, что мы не думаем всерьез о возрождении украинской культуры и языка. Речь идет, конечно, не о том, чтобы по-сталински делать это. Здесь очень важный момент, что развитие национальных культур возможно только тогда, когда права коренной нации будут на соответствующем уровне.

Е.Миначев: Я хотел бы дополнить перечень бед, которые принес тоталитаризм. Ткаченко замкнулся на разрушении личности. Мне кажется, что шли процессы ассимиляции, т.е. русификация многих народов. Особенно это касалось татар. Ликвидированы были национальные школы. Российское самодержавие тоже было тоталитарным государством, которое замыкалось на царе-императоре. Это государство тоже проводило такую же политику. Национальная политика русского царизма и советского тоталитаризма сомкнулись.

Политика национального разобщения Грани тоталитарной демократии

Огнев Ю.А., Душанбе, Таджикская Хельсинкская группа.

Политика межнационального обособления по принципу «разделяй и властвуй» ведет не только к тому, что теряются межреспубликанские связи, но и в самих республиках происходит расслоение на различные этнические группы. Русскоязычное население становится заложником в союзных республиках, а с другой стороны, для союзного правительства всегда есть повод для вмешательства во внутренние дела республик — защита прав этой части населения; поэтому наличие русскоязычного населения, несмотря на невыносимые условия его проживания, выгодно для правительств как союзной республики, так и для правительств РСФСР и СССР.

В Таджикистане после февральских событий перед русскоязычным населением встал вопрос об отъезде из республики, т.к. националистические идеи, выдвигаемые неформальными организациями, такими, как «Растохез», «Ру-ба-ру», поддерживаются многими представителями таджикской интеллигенции и значительной частью населения. Даже заседания комиссий Верховного Совета Таджикской ССР проводились на таджикском языке, без перевода на русский; трансляция апрельской сессии Верховного Совета по телевидению шла только на таджикском языке, хотя в полную силу закон о государственном языке должен вступить только в 1996 году.

Поскольку властями как в Таджикистане, так и в РСФСР и СССР не предпринято конкретных шагов для упорядочения отъезда русскоязычного населения, этот отъезд происходит стихийно, что, в свою очередь, порождает дестабилизацию обстановки в регионах, куда выезжает русскоязычное население, т.к. на свои нерешенные проблемы для местного населения наслаиваются проблемы приезжающих. Обстановка в некоторых точках становится настолько серьезной, что некоторые семьи бывают вынуждены вернуться обратно.

Усилий общества «Миграция», созданного инициативной группой, явно недостаточно. Власти республики никакого со-

действия ему не оказывают, мало того, общество не регистрирует, ему отказано в помещении, где координационный совет мог бы встречаться с населением.

Проблема миграции актуальна не только для Таджикистана; несмотря на это, до сих пор не принят статус беженцев и вынужденных переселенцев в СССР, а проект составлен таким образом, что, учитывая нашу бюрократическую систему, его можно применять к выезжающим по усмотрению власть держащих.

В Таджикистане усиливается бытовой национализм. Есть случаи избиения русских на улицах городов, самовольного захвата квартир русскоязычного населения. Обстановку накаляет и пресса.

В газетах «Сухан», «Растохез», «Джавони Таджикистан» печатаются призывы, чтобы «все разъезжались по своим домам» — намек на репатриацию русскоязычного населения. «Им сначала дали понять, а потом и почувствовать, что Таджикистан не является для них родиной», — заявляет Ш.Юсупов в газете «Парастор» («Забота») от 1 сентября.

Местничество, связь теневой экономики с органами власти, милицией и т.д. вкупе с игнорированием проблемы русскоязычного населения — порождают неустроенность, неопределенность бытия, что порой хуже плохого положения. Есть случаи самоубийства на этой почве. На 25% увеличилось количество пациентов в психиатрической больнице в Кокташе. Отказ властей всех уровней от решения проблем и вопросов в Таджикистане также является нарушением прав человека.

Много ли в Таджикистане желающих переехать? В 1990 году выехало более 100 тыс. человек. В Душанбе в 1991 году выделяется для отъезжающих 20-25 контейнеров в день, соответственно в месяц — 700 и в год — 8,5 тыс. контейнеров, т.е. 8,5 тыс. семей будут иметь возможность выехать с вещами. Здесь не учтены вагоны, выделяемые для семей, отъезжающих в один город (обычно на 2-3 семьи берут 1 вагон). В таком вагоне, никак не приспособленном для переезда людей, едут сопровождающие — члены этих семей. Представьте себе: зимой, в неотопляемом вагоне, две недели без горячего питания... Есть смертельные случаи.

По статистике, в Таджикистане — наибольший отток русскоязычного населения.

Наказанные народы

Ахильгов С.Х., Владикавказ, Конфедерация «Наказанные народы»

Мы с вами много говорили эти дни, но говорили по заданной режиссуре, как это было в добрые застойные времена. Говорили только об основных проблемах, а у нас в стране очень много таких болей, таких проблем и взрывоопасных ситуаций, о которых мы, может быть, даже и не подозреваем. Именно о таком регионе, т.е. о Северном Кавказе я и хотел бы поговорить. Постараюсь дать вам представление о том, как происходила депортация народов в период Великой Отечественной войны, и по каким канонам сегодня восстанавливаются права депортированных народов. Как известно, депортация народов началась с 1941-го года, когда немцев Поволжья депортировали в районы Северного Казахстана и Сибири. Следом пошли карачаевцы, балкарцы, чечены, ингуши, калмыки, греки и т.д. Эта депортация могла, действительно, привести к своему логическому завершению, если бы, конечно, не помощь добрых людей в тех местах, куда были отправлены эти народы. Я отношусь к одному из этих народов — я ингуш. Я помню, как мне, ребенку 2-3 лет, русская бабушка приносила кусок хлеба, чтобы дети переселенцев не вымерли все с голоду. Таким образом эти этносы на сегодняшний день сохранились, не были уничтожены окончательно. До последнего времени о депортациях народов мы не говорили, мы стыдливо замалчивали эти факты и делали вид, что у нас ничего не происходило. Только в последние несколько лет стало возможным говорить вслух о судьбе этих народов и об их положении на сегодняшний день. Для работы, для борьбы за свои права представители этих депортированных народов объединились, и на прошлом съезде мы выбрали президиум Конфедерации, и утвердили саму Конфедерацию «Наказанные народы», которая ставит своей целью восстановить права всех репрессированных народов без исключения. Сейчас мы имеем только статус Российской Федерации, которая нас регистрировала, но 1 июля этого года, через несколько дней, в Москве состоится съезд репрессиро-

ванных народов, и мы уже получили заявления от всех остальных народов, которые не проживают на территории РСФСР, или живут раздельно, как татары или корейцы, и будем переходить в статус союзный. Мы добиваемся реабилитации для всех. Что такое реабилитация? Например, ингушский народ начали депортировать с 1928-го года. В 1921 г. на Северном Кавказе была образована Горская республика, в которую входили несколько национальных округов: карачаевский, черкесский, адыгейский, кабардинский, балкарский, чеченский, ингушский, североосетинский и часть дагестанского. Через три года эта республика стала распадаться, т.е. каждая национальность стала приобретать собственную автономию и образовывать собственную автономную республику. В Горской республике остались два народа: северо-осетинский и ингушский. Административный центр ингушей был на левом берегу Терека в городе Владикавказе, а на его правом берегу — осетинский. После прихода к власти «отца народов» нас начали вытеснять. Первая попытка была сделана в 1928-м году. Под руководством непосредственного руководителя этой области, члена ВЦИК, мы отстаивали нашу автономию и не дали вытеснить себя. Но в 1934г., когда Сталин укрепился у власти, этих лидеров уничтожили, а их семьи расстреляли. Нас вытеснили на Кавказ, присоединили к Чечне искусственно, создали Чечено-Ингушскую республику, а город передали северо-осетинам. Через десять лет, в 1944-м году, нас всех поголовно депортировали, выслали в Сибирь. Я говорю на примере своего народа, говорю со всей ответственностью, что в дороге и в течение первых двух лет жизни на новых поселениях, наш народ вымер более чем на 50 %, без учета погибших на фронте. После смерти Сталина, на XX съезде КПСС эти народы были как бы реабилитированы, но эта реабилитация была усеченной. Представьте себе, что народы имевшихся тогда автономий депортировались таким образом, чтобы разжечь в дальнейшем национальную вражду. Кабардино-Балкария: кабардинцев оставляют, балкарцев высылают. Карачаево-Черкессия: карачаевцев высылают, черкесов оставляют. Осетинская и Ингушская республика: осетин оставляют, ингушей высылают. Чеченцев высылают, дагестанцев оставляют. И когда после XX съезда возвратили эти народы, то каждый народ получил свою территорию в сильно усеченном виде. И сегодня, кроме чеченского народа, ни один народ Северного Кавказа не имеет неусеченной территории. Нас, ингушей, сегодня очень мало — около 300 тыс. по всей стране, 160-170 тыс. проживают в Чече-

но-Ингушетии, 54 тыс. во Владикавказе и пригородном районе, о котором сегодня идут споры. Это самая горячая точка на Северном Кавказе, уже были столкновения, жертвы, кровь, и я не удивлюсь, если там будет что-то большее. Остальные ингуши проживают на территории Средней Азии, Казахстана и Сибири. Около 110 тыс. взрослого населения, от 18 до 45 лет, скитается по Сибири и Дальнему Востоку в поисках средств существования. Это положение заставляет нас бороться за свое место под солнцем. В 1972 г. мы начали это движение. Старшее поколение начинало его еще раньше. Кто попал в тюрьму, кто был умерщвлен. Нас арестовали на Курском вокзале и возвратили под арестом домой, когда мы хотели пробиться к Брежневу. Я знаю подобные движения у всех депортированных народов, они аналогичны, и говорю об этих проблемах на примере своего народа просто потому, что мне так легче. Но все, что я говорю, относится и к остальным депортированным народам. Мы хотим воссоздать свой этнос вновь, вернуть народ из Казахстана и Сибири, создать свою республику. Мы начали строить правовое государство, и нет инстанции в Советском Союзе, куда бы мы ни стучались, куда бы мы ни доходили. Эти три года мы только и делали, что собирали документы со всей страны, по всем архивам, во всех возможных вариациях, и преподносили томами, кучами в Верховный Совет СССР, Политбюро, ЦК КПСС, Совет Министров, КГБ. Когда нас выслали, нам инкриминировалось, что мы создавали тыловые политбанды и с тыла атаковали Красную Армию. Теперь мы сделали 4-х серийный фильм прямо из архивов КГБ Чечено-Ингушетии и СССР. Но мы уже полтора года не можем протолкнуть его на Центральное или хотя бы на Российское телевидение. Те комментарии, которые даются в фильме сотрудниками КГБ, никем не ставятся под сомнение, но фильм не пропускают. Мы решили пропустить этот фильм по всем национальным округам, чтобы доказать невиновность ингушского народа. Верховным Советом РСФСР принят закон о полном и безоговорочном оправдании, вернее, о реабилитации всех репрессированных народов. Я присутствовал на этом заседании, как многие мои соотечественники, как представители многих других репрессированных народов. Зал заседания, весь депутатский корпус стоя аплодировал результатам голосования. Против было только четыре депутата.

Народы не виноваты. Приведу пример, а за каждое слово я отвечаю. На территории Северной Осетии живет 54 тыс. ингушей. На территории Южной Осетии — 65 тыс. осетин. Южная

Осетия, не говоря уже о своей автономии, имеет около ста собственных школ. В Южной Осетии имеется собственный институт, филиал АН Грузии и прочее, и прочее. На территории же Ингушетии, которая находится сегодня в Северной Осетии, нет не только автономии, не только институтов, но и ни одной собственной школы. Мало того, из 54 тыс. населения, нет ни одного руководителя-ингуша в Северной Осетии, даже в среднем звене. Когда мы начали отстаивать свои права, с работы выгоняют и продавцов, и водителей такси. А теперь, когда появились беженцы, нас сгоняют и с самых простых мест, чтобы освободить место беженцам. Это политика. Мы создали Конфедерацию, чтобы бороться и довести свое правое дело до конца. Все, что сейчас делают на территории Северного Кавказа, — руководители Северной Осетии делают, те же первые секретари, коммунисты, ибо они оккупировали парламент Североосетинской республики. Конечно, проблем очень много, и хочется, чтобы они решались не путем кровопролития, а в парламенте, демократическим, цивилизованным путем. Мы живем в XX веке. У нас нет опыта работы парламента в масштабе всей страны. Считаю, что такие семинары, как сейчас, надо проводить чаще.

Обсуждение доклада

Вопрос: Известно, что в свое время в ваши края, если мне не изменяет память, приезжал Дзасохов. Имеет ли это отношение к той картине, которую мы видим сейчас?

С.Ахильгов: Да. Дзасохов не только приезжал, он был первым секретарем партии Северной Осетии, потом на выборах прошел в Верховный Совет СССР и стал председателем его палаты. Впоследствии он стал членом Политбюро и главным идеологом на сегодняшний день нашей страны, т.е. наследником Суслова.

Вопрос: Не могли бы вы в порядке информации сказать, каково отношение представляемых вами политических движений к существованию чеченцев в рамках единой Чечено-Ингушской республики и есть ли тенденции к выделению отдельной Ингушской республики? Второй вопрос: в центральной прессе проскакивали сообщения о столкновениях на границе со Ставропольским краем ингушей и представителей пограничных казачьих станиц. Прокомментируйте, пожалуйста.

С.Ахильгов: Начну с последнего вопроса. Поправка: не на границе со Ставропольским краем, а в самом центре Чечено-Ингушской республики находится Судженская линия. Мы с вами помним имперские захватнические войны, одной из которых была Кавказская война. Наиболее активными противниками захватов были чеченцы и ингуши. И, чтобы их разделить, между ними на протяжении километров 30-40 и длиной около 100 км была проложена Судженская казачья линия, на которой были заселены казачьи войска и подселены их семьи. Там есть 5-7 станиц, которые находятся условно между Чечней и Ингушетией. И вот одна из этих станиц — Троицкая. Столкновение, о котором вы слышали, было инсценировано заранее. Во время казачьей свадьбы машинами перекрыли дороги и не пропускали посторонних. На этой почве началась ругань, перебранка между ингушской молодежью и казаками. После того, как ингуши сели в машины, вслед им полетели кирпичи, разбили стекло в машине. Возникла драка.

Имеется ли тенденция отсоединения Ингушетии в самостоятельную республику? Она существовала до 1934 года. У нас есть все основания в ближайшее время создать Ингушскую республику по старым топографическим картам и прочим документам. Столица — естественно, правобережная часть города Владикавказа, как это и было.

Межнациональные отношения в условиях перехода от тоталитаризма к демократии

Празаускас А., *Москва*

Демократия отличается от авторитаризма (и его крайней формы — тоталитаризма) тем, что предполагает участие населения в принятии решений во всех важнейших сферах и на всех уровнях общественной жизни. Поскольку население состоит из различных групп — национальных, профессиональных, социально-классовых, возрастных, региональных и т. д., — речь идет об участии в политике различных групп, члены которых отстаивают свои общие интересы и тем самым свои гражданские, социальные и иные права. Поэтому становление групп как субъектов политического действия, или политических сил, составляет суть процесса демократизации, преодоления авторитарной системы, при которой все группы, за исключением правящих, выступают как объекты политики.

В многонациональных странах при переходе к демократии решающими политическими силами могут стать национальные группы, или нации. Этому способствуют три обстоятельства. Во-первых, ущемление национальных интересов авторитарным режимом в сферах политики, культуры, хозяйственной жизни и др. в большей или меньшей степени касается всех слоев данной нации, поэтому они легко могут сплотиться для защиты национальных интересов, на платформе «национализма». Во-вторых, сплочению способствует то обстоятельство, что национальную принадлежность, особенно если ей сопутствуют расовые отличия, сменить отдельному человеку гораздо труднее, чем социальный статус, профессию, партийную принадлежность, место жительства и другие типы групповых связей. В-третьих, политической мобилизации по национальному признаку способствует демократическая система выборов, поскольку, апеллируя к национальным чувствам и выступая с программой защиты прежде всего национальных интересов, политические партии могут рассчитывать на максимальную поддержку избирателей (естественно, при условии, что данный народ обладает развитым национальным самосознанием, что бывает далеко не всегда). Тенденция к политической мобили-

зации на национальной основе и, следовательно, к национальному размежеванию, может расцениваться и действительно расценивается многими политиками и аналитиками как нечто, идущее вразрез с общечеловеческими ценностями, правами человека, универсализмом, но это — реальность, с которой нельзя не считаться. Можно и, видимо, нужно стремиться воздействовать на реальность, но отвергать ее как «неправильную» было бы проявлением социально-политической неграмотности и волюнтаризма, характерным для авторитаризма.

Если же попытаться дать объективную оценку феномену нынешнего национального взрыва в Советском Союзе, то придется признать, что национальные движения, как это ни парадоксально на первый взгляд, имеют демократическое содержание и в то же время несут потенциальную угрозу авторитаризма и даже тоталитаризма, направлены на защиту прав человека и вместе с тем чреваты их ущемлением. Национальные движения, придя к власти, подрывают господство союзной партийно-государственной бюрократии — костяка тоталитарного режима в Союзе, но вполне могут воссоздать и действительно кое-где воссоздают национально-авторитарный режим в пределах отдельной республики. Восстановление права «коренных» народов пользоваться своим языком в общественной жизни и расширить функции родного языка — безусловно, демократично, но оно легко может привести к ущемлению гражданских прав национальных меньшинств и «некоренного» населения данной территории. Защита национальных интересов — нормальное явление для любого демократического общества, но она сплошь да рядом приводит к столкновению интересов различных наций и к таким конфликтам, острота которых делает невозможным диалог и поиски компромиссного решения, т. е. нормальную демократическую процедуру, и усиливает авторитаризм среди всех участников конфликта. Наконец, стремление народов к самоопределению чревато полным или, что более вероятно, частичным распадом Союза, трансформацией его в конфедерацию, а это подрывает основу существования союзной партийно-государственной бюрократии, военно-промышленного комплекса и других союзных структур (т. е. десятков миллионов людей), и эти силы во имя собственного спасения готовы на реставрацию тоталитаризма как единственного гаранта территориальной целостности Союза.

Ничего исключительного и уникального в нынешнем кризисе всей системы межнациональных отношений, включая наци-

онально-государственное устройство, на самом деле нет. Для любого многонационального государства путь от авторитаризма к демократии пролегает через минное поле межнациональных и национально-государственных конфликтов, поскольку везде действуют те же закономерности. Но результаты очень различны: одни страны, осуществив радикальные реформы национально-государственного устройства, упрочили демократическую политическую систему (Индия, Испания, с определенными оговорками Малайзия), другие, столкнувшись с угрозой хаоса и распада, вернулись к той или иной разновидности авторитаризма. Сравнительно-сопоставительное изучение опыта различных стран позволяет определить те факторы, от которых зависят в конечном счете возможности перехода многонациональной страны к демократии и, соответственно, достаточно уверенно прогнозировать в общих чертах пути социально-политического развития таких стран. Подробное изложение каждого из условий, благоприятствующих или, наоборот, препятствующих процессу демократизации в отдельных регионах и тем более в масштабах всего Союза, — это тема для цикла лекций или большого исследования. Поэтому изложу лишь самое существенное из того инструментария, который можно использовать для анализа ситуации в отдельных регионах, республиках, странах.

Первое: решающее значение для перспектив демократического развития имеет характер или качество национального многообразия. Нетрудно убедиться в том, что относительно стабильные демократические общества сложились в странах, народы которых обладают цивилизационным единством и высокой степенью культурной общности. Таковы Швейцария, Бельгия, Великобритания, за исключением некоторых периферийных групп — также Индия, Филиппины и некоторые другие. Советский Союз, наряду с Югославией, Кипром, Суданом, Эфиопией, Мьянмой и прочими, — это, строго говоря, не многонациональное общество, а политическое сообщество, конгломерат народов, реально не имеющих между собой ничего общего, за исключением общей «крыши» авторитарной системы в виде узкого правящего слоя и контрольно-репрессивного аппарата. Например, между латышами и туркменами куда меньше сходства, чем между шведами и австралийцами, но тем не менее «советским народам» вплоть до недавнего времени полагалось жить по единым законам и нормам, вопреки различиям в историческом опыте, системах ценностей и образе жизни. Попытки создания единого гражданского общества, в данном случае — «советского народа», из разнородных и несов-

местимых компонентов путем тотального контроля и мелочной регламентации всех сторон общественной жизни, заранее обречена на провал. Стабильное многонациональное общество возможно только в тех случаях, когда народы близки друг другу, разделяют общие представления и систему ценностей.

Отсюда **второе** — необходимость общей политической культуры. Политическая культура — это стиль политического поведения и сумма представлений и норм, регулирующих пути достижения и использование власти. В политической культуре отражается весь исторический опыт конкретного народа, система ценностей, особенности социальной структуры и, в особенности, цивилизационный и религиозный субстрат культуры. Общей политической культурой обладают различные языковые общности Швейцарии и Бельгии, в случае Индии можно говорить об этнорегиональных политических субкультурах в рамках индийской политической культуры. Общей политической культуры нет в Югославии, через территорию которой проходит историческая граница между Западом и Востоком, и, тем более, в Советском Союзе — стране, разделенной на несколько историко-этнографических провинций. Славянско-православное ядро, мусульманский (преимущественно тюркоязычный) мир, западная периферия, промежуточные и переходные зоны превращают политико-культурную карту СССР в немыслимый конгломерат, по сравнению с которым Латинская Америка или зарубежная Европа, не говоря уже о Северной Америке, выглядят несравненно более однородными.

Многообразие политических культур создает неразрешимые проблемы двух типов. Во-первых, политическая культура представляет собой ту призму, сквозь которую интерпретируются национальные интересы. В значительной степени этим обусловлена разнонаправленность устремлений отдельных народов: достижение независимости, решение территориальных проблем, экономические выгоды, проблема выживания и др. Это сделало невозможным урегулирование межнациональных и национально-государственных конфликтов на основе единых принципов, включая разработку приемлемого для всех народов Союзного договора, и крайне затруднило всякий разумный диалог в конфликтных ситуациях (Нагорный Карабах, Приднестровье, Тува и т. п.). Во-вторых, в силу различий и разнотипности политических культур в разных регионах и республиках по мере либерализации сложились разнотипные политические системы и режимы. Подобное немыслимо в едином государстве: возникновение разнотипных и, тем более,

несовместимых режимов (например, национально-демократических в одних регионах, национал-коммунистических — в других, переходных — в третьих) не оставляет места для общей политической власти, единого законодательства, конституции. После выборов в Верховные Советы республик законотворческая активность союзного парламента, принявшего более сотни законов, потеряла всякий смысл и представляла интерес разве что для самих депутатов. Реальностью же стала «война законов», а точнее — глубокий конституционный кризис, который может быть преодолен либо путем насильственного восстановления единой политической системы, либо путем преобразования Союза в конфедерацию или некое аморфное объединение фактически независимых государств с различными режимами и политическими системами. Иного выхода из этого кризиса нет.

Третье — это внешняя ориентация народов, обусловленная прежде всего историко-культурными факторами. Даже для русской нации, по всем критериям обладающей собственной цивилизацией, не все ясно в системе координат «Запад-Россия-Восток», и дискуссия на эту тему, по существу, не прекращалась со времен Петра Великого. Для большинства периферийных народов, не входящих непосредственно в славянско-православную историко-этнографическую провинцию, тем более сохраняется тяготение к цивилизационным ядрам, расположенным «за бугром»: прибалтам любой ценой нужно «вернуться в Европу», народам Средней Азии меньше всего нужен «общеевропейский дом» и гораздо ближе соседний мусульманский мир, лидеры малых народов Крайнего Севера начинают проявлять интерес к генетически родственным жителям Аляски и Канады... В разной мере, но в целом внешняя ориентация народов периферийных регионов Союза работает в одном направлении — расшатывает единство (если вообще о нем можно говорить) и усиливает центробежные тенденции. В условиях углубляющегося экономического кризиса у союзного центра пряхиксв уже нет и удержать разбегающееся разношерстное стадо можно разве что кнутом (январские события в Вильнюсе). Но широкомасштабное применение силы несовместимо с демократией и — более того — способствует усилению центробежных тенденций.

Четвертое — это этническая стратификация, или национальное неравенство. Формы неравенства в различных сферах обычно не полностью совпадают, поэтому нельзя говорить о неравенстве вообще, не уточняя, о чем идет речь.

Политическое неравенство проявляется в том, что в масштабах Союза или отдельной республики в высших эшелонах исполнительной власти (законодательная в условиях авторитаризма имеет скорее репрезентативный, номинальный характер), в аппарате подавления, в директорском корпусе военно-промышленного комплекса и ключевых отраслей хозяйства находятся представители одной нации. Этнополитическая стратификация порождает отчуждение от государства, в особенности от центральной власти, комплексы меньшинств с характерными для них фобиями (прежде всего — по отношению к русским) у национальных меньшинств и великодержавный менталитет у значительной части доминирующей нации. В условиях либерализации недовольство политическим статусом стало одной из главных причин центробежных тенденций, «парада суверенитетов» и — в виде смещенной реакции — межнациональных конфликтов.

Социальное неравенство, или этносоциальная стратификация проявляется в национальных различиях социальной структуры, степени урбанизации отдельных народов, уровне доходов на душу населения и в других формах как в масштабах Союза, так и в пределах отдельных регионов. В Союзе достаточно четко можно выделить преимущественно славянский урбанизированный и индустриальный Север и мусульманский сельский и аграрный Юг; столь же глубоко этносоциальные различия и в пределах отдельных республик, особенно среднеазиатских. Совмещение социальных и национальных различий — одна из универсальных причин национального недовольства, этнонационализма и межнациональных конфликтов.

Социокультурное неравенство в Советском Союзе наиболее очевидно проявлялось в сужении функций национальных языков, их вытеснении из делопроизводства, сферы высшего образования и (на Украине, в Белоруссии, многих автономиях Российской Федерации) просвещения, издательского дела и общественной сферы. Курс на русификацию как составную часть процесса формирования «советского народа» стал наиболее распространенной причиной возникновения национальных движений, а в ряде случаев — и межнациональных трений.

Степень национального неравенства легко определить при помощи коэффициента, получаемого путем деления процента представителей данной национальности в «элитарных» группах (например, среди руководителей, лиц с высшим образованием, научных работников, городского населения, владельцев

автомобилей и т. п.) на процент этой национальности от всего населения конкретной территории. Прodelав ряд таких операций, можно определить, к примеру, реальный статус узбеков в Союзе, русских в Узбекистане или, при наличии необходимых данных и терпения, составить схемы этносоциальной, этнополитической и этнокультурной стратификации в масштабах Союза, отдельных республик, территорий, городов. Многие «блячки» и фобии тогда стали бы гораздо более понятны.

Существование этнической стратификации, или национального неравенства, создает сложные дилеммы для правозащитного движения. Группы, занимающие нижние ступени в иерархии, стремятся повысить свой статус, отстаивая «национальные права» как путь реализации прав человека. Например, принятие языкового законодательства в ряде республик должно обеспечить реализацию естественного и неотъемлемого права без ограничений пользоваться в «своем доме» родным языком. Однако это непосредственным образом затрагивает интересы той части населения (особенно многочисленной в городах), которая привыкла обходиться без знания местного языка. Эти русскоязычные группы, в особенности директорский корпус, в ряде республик восприняли предоставление местным языкам статуса государственных как дискриминационную меру со стороны «этнократий», как нарушение прав человека. В аналогичных ситуациях причины для недовольства есть у обеих сторон, более того, тем, кто занимает верхние ярусы этнической стратификации, даже труднее смириться с перспективой потери своего особого статуса, чем нижестоящим группам начать добиваться изменения привычного, ставшего нормой положения дел. При практически полном отсутствии демократических традиций взаимные максималистские притязания исключают возможность диалога и поиска компромиссных решений и быстро перерастают в тотальную конфронтацию. Приднестровье и Южная Осетия в этом смысле представляют собой классические примеры эскалации конфликта и сложности проблемы прав человека в многонациональном обществе.

Пятое — это коллективная историческая память народов в виде мифологизированной и «научной» версий своей истории, этнических стереотипов и автостереотипов. Историческая память имеет ключевое значение в процессе кристаллизации национальных интересов, при оценке нынешнего положения нации и определении альтернатив на будущее. При этом важное символическое значение имеет память об обстоятельствах

вхождения этнорегиона в состав многонационального государства и положение народа в момент присоединения (наличие собственной государственности, внешней угрозы, уровень развития и т. д.). Российская империя (как впоследствии и СССР) образовалась преимущественно путем территориальной экспансии российского ядра, и факты насильственной аннексии, независимо от их удаленности во времени, используются национальными движениями для обоснования и легитимации «суверенного» статуса.

Не менее важен второй элемент коллективной памяти — прошлая история межнациональных отношений и последствия национальной политики правящих кругов. На эту тему в последние годы написано очень много, поэтому отмечу лишь, что при всей непоследовательности и противоречивости национальной политики, она оставила у всех без исключения народов глубокие шрамы и предостаточно причин для национального недовольства. Волонтаристскими решениями территориальных вопросов и форсированием миграций режим заманировал практически все поле межнациональных отношений. Поэтому в памяти многих народов зафиксировались как подозрительное отношение к идее «Союза нерушимого», так и предубежденное отношение к тому или иному народу. Эти семена межнационального несогласия дали всходы в процессе либерализации, и теперь перспектива формирования демократического гражданского общества в пределах всего Союза практически равна нулю.

Шестое — это этнодемографическая ситуация, или особенности национального состава в масштабах страны, отдельных регионов, республик и административных единиц.

Вопреки утверждениям пропаганды и официального обществоведения о благе смешения национальностей, формирования «интернациональных» городов и коллективов, практика многонациональных стран Старого света однозначно показывает, что разрушение этнической гомогенности имеет преимущественно отрицательные последствия. Главные среди них — формирование этнической стратификации по мере того, как мигранты и коренное население занимают различные социальные ниши, подрыв социальной экологии коренных народов вследствие разрушения традиционной системы связей и социальных норм, перспектива ассимиляции коренного населения и превращения его в меньшинство на своей территории. Во всех этих случаях ситуация чревата серьезными конфликтами, особенно по мере обострения соперничества за социальные

блага, ресурсы и власть. Не случайно в большинстве союзных и автономных республик политическая мобилизация в последние годы проходила по линии преимущественно национально-го, а не социально-политического размежевания, характерного для гражданского общества.

Анализируя роль этнодемографического фактора в политическом процессе и возникновении конфликтов, особо следует отметить, что решающее значение имеют особенности расселения этнических меньшинств. Расселенные дисперсно, главным образом, в крупных городах, национальные меньшинства, в особенности так называемые русскоязычные, заинтересованы прежде всего в обеспечении социальных прав и гарантиях культурной автономии. Но совершенно иная ситуация складывается в районах компактного проживания меньшинств, в особенности там, где они составляют большинство населения: в таких случаях возникают проблема самоуправления, автономии, стремление повысить статус территории вплоть до ее выхода из состава республики. Примеры Приднестровья и Гагаузии в Молдове, Южной Осетии и Абхазии в Грузии наглядно подтверждают эту закономерность. Сложные проблемы возникают даже в тех случаях, когда в зоне компактного проживания сосредоточена незначительная часть национального меньшинства той или иной республики: «русская проблема» на Украине — это прежде всего Крым, в Эстонии — северо-восток республики, в Литве — поселок атомщиков Снечкус, по абсолютной численности русского населения далеко уступающие городам Левобережной Украины, Таллинну и Вильнюсу. Очевидно, в таких случаях неправомерно говорить о межнациональных трениях между русскими и коренными народами, поскольку в такие конфликты вовлечена крайне незначительная часть русских, проживающих в данной республике, а «коренное» население чаще всего вообще не причастно, если оно специально не привлекается правительством республики. Строго говоря, проблема компактно проживающих национальных меньшинств ведет не к межнациональным, а к национально-государственным конфликтам, т. е. к столкновению интересов этнолокальной группы и государства (республики). Соответственно, механизм и пути урегулирования таких конфликтов должны быть иными, чем в случае межнациональных конфликтов.

Седьмое — это проблема межрегиональных социально-экономических различий. Я не случайно передвинул эту проблему к концу списка факторов, определяющих состояние межнаци-

ональных отношений. Дело в том, что универсальная «марксистская» отмычка, гласящая, что так называемый национальный вопрос непременно имеет социально-экономическую основу, не подтверждается фактами и мало-мальски убедительными доводами. Только политработники и профессиональные марксисты-ленинцы могут утверждать, что национальные движения, устремления и конфликты, наблюдаемые в Ольстере, Стране Басков, на Кипре, в Прибалтике, Молдове, Грузии, Нагорном Карабахе, Пенджабе, Шри Ланке и т. д. и т. д., вызваны социально-экономическими причинами. Это не значит, что социально-экономические проблемы вообще не имеют отношения к проблематике национальной — речь идет о том, что в каждом конкретном случае этот фактор занимает свое место, обычно где-то посередине ряда других причин, в крайне редких случаях — одно из первых. В любом многонациональном государстве так или иначе стоит проблема распределения «общего пирога» между этнорегионами, преодоления разрыва между богатыми и бедными (и то, и другое относительно) территориями, эквивалентного обмена; во многих странах не сходит с повестки дня вопрос о том, кто кого «кормит» или, наоборот, эксплуатирует. Но острые конфликтные ситуации возникают обычно в двух случаях: во-первых, когда вследствие интенсивного притока мигрантов резко обостряется соперничество за ресурсы в пределах этнорегиона, в особенности, если коренное население при этом лишается основных традиционных источников существования, прежде всего земли; во-вторых, когда экономические проблемы («эксплуатация», «ограбление», «утечка богатства» и т. п.) приобретают символическое значение и внедряются в массовое сознание. Возникающий в таких случаях «экономический национализм» становится составной частью идеологии национальных и национально-освободительных движений. Так было в колониях западных держав, нечто подобное наблюдается теперь в некоторых республиках Союза, прежде всего, балтийских. Но это — прежде всего идеологический феномен. Самостоятельную роль социально-экономические факторы могут играть преимущественно в условиях резкого экономического спада или кризиса. В таких случаях сырьевые этнорегионы пытаются добиться резкого повышения цен на сырье, более развитые индустриальные — стремятся к большей экономической самостоятельности, диверсификации* и переориентации своих внешних связей, а регионы, обладающие как ресурсами, так и собственным производственным потенциалом

* Диверсификация — распространение хозяйственной деятельности на новые сферы. (Ред.)

проявляют склонность к определенной экономической автаркии. Все эти тенденции сегодня проявляются в Советском Союзе и существенным образом подпитывают центробежные устремления.

Восьмое — это общая идеология, включая важные элементы системы ценностей. В более или менее выраженной форме определенная идеология и комплекс ценностных ориентаций присущи всем многонациональным странам. В Советском Союзе до недавнего времени на официальном уровне и — благодаря интенсивной индоктринации, или «идейно-воспитательной работе», — в массовом сознании эти функции в значительной мере выполняла коммунистическая идеология со своим набором мессианских идей, ветхозаветных представлений о богоизбранности и прочих мифологем иррационального, в основе своей средневекового, видения мира. Признание провала социалистического эксперимента и отход от коммунистической идеологии создали идеологический вакуум, который теперь более или менее интенсивно (в зависимости от этнорегиона) заполняется традиционными, прежде всего этническими и религиозными элементами системы ценностей. В условиях многонациональной и поликонфессиональной страны это означает полную фрагментацию и дезинтеграцию общей идеологии и любого подобия единой системы ценностей. Частные аргументы вроде «общего экономического (и уж тем более — культурного) пространства», неделимости вооруженных сил, «общего дома», «общности судеб», заботы о положении меньшинств и тому подобные соображения — в лучшем случае выражают интересы некоторой части населения Союза и вполне конкретных союзных структур. Поэтому они не воспринимаются всерьез в республиках и не могут стать существенными элементами, основой идеологии советского патриотизма. Мощным толчком к идейному разбеганию служит и активизация деятельности православной церкви, позволяющая заподозрить ее в стремлении превратить православие, если не юридически, то фактически, в государственную религию, что, естественно, совершенно неприемлемо для неправославных народов, прежде всего мусульманских. Фасад идейно-политического единства, который сохранялся в течение десятилетий благодаря тотальному идеологическому контролю, интенсивной индоктринации и партийной дисциплине, оказался полностью разрушенным, и трудно представить себе, каким образом и в какой форме он может быть воссоздан.

Девятое — фактор внешнеполитический. Отказ от синдрома «империалистического окружения», политики противостояния Соединенным Штатам, понимание бессмысленности гонки вооружений и переход к политике в рамках «нового мышления» (если без кавычек, то здравого смысла) создают благоприятную внешнеполитическую обстановку для процесса демократизации в Советском Союзе. Но одновременно с внешней угрозой (пусть и мнимой) исчезают основания для аргумента в пользу «единого и неделимого Союза» как гаранта безопасности народов СССР. При отсутствии военной угрозы извне сверхцентрализованное и милитаризованное государство становится анахронизмом, а в условиях глубокого экономического кризиса — непозволительной роскошью. Поэтому, с учетом внешней ориентации многих народов Союза и кризисного состояния экономики, отказ от представлений о внешнем враге (или врагах) способствует усилению центробежных тенденций.

Таким образом, по всем основным параметрам, определяющим жизнеспособность и устойчивость многонациональных стран, Советский Союз в его нынешнем виде имеет отрицательные показания. Поскольку «исправить» их на положительные в обозримом будущем нет ни малейшей возможности, Союз стоит перед дилеммой: либо преобразоваться в рыхлую конфедерацию фактически самостоятельных государств с различными политическими системами и режимами, либо восстановить прежнее «монолитное единство» в виде тоталитарного сверхцентрализованного государства, уже давно исчерпавшего свои возможности даже в области наращивания военного потенциала и экстенсивного экономического развития. Усилия Центра преобразовать Союз в федерацию с высокой централизацией власти и управления, как это предусмотрено в опубликованных вариантах Союзного договора, обречены на провал. В республиках уже возникли различные режимы — от многопартийных, более или менее демократических, до авторитарно-коммунистических с религиозной окраской. При такой социально-политической разнородности всякий смысл теряет не только союзное законодательство (поскольку невозможно сочинить единые законы для столь различных обществ), но и конституция СССР. Одновременно начинает проявляться несовместимость разнотипных режимов и стремление отгородиться от непредсказуемого и потенциально опасного Центра. Эти тенденции непременно будут усиливаться и в конечном счете могут привести, если республики и Центр окажутся не в состоянии договориться о создании конфедерации, или эконо-

мического сообщества, к полной дезинтеграции нынешнего Союза.

Проблема межнациональных отношений имеет много аспектов, в том числе регионально-специфических, но в данный момент главное в ней — это трансформация нынешнего Союза в качественно иное образование, от структуры и взаимосвязей которого будет зависеть положение и статус народов и национальных меньшинств.

Обсуждение доклада

Е.Миненко: В национальных республиках проблемы национальных меньшинств слабо решаются. Связано ли это с тем, что республики, по существу, не имеют реального суверенитета?

А.Празаускас: Отсутствие реального суверенитета, несомненно, одна из важных причин, усугубляющих состояние межнациональных отношений в республиках. Наиболее сложные, нередко даже тупиковые ситуации возникают в тех случаях, когда Центр или определенные союзные структуры (например ЦК КПСС, КГБ, союзные ведомства) провоцируют межнациональные конфликты, используя национальные меньшинства, чтобы оказать давление на «непослушные» республиканские власти. Особенно взрывоопасно выдвижение меньшинствами (неважно — по собственной инициативе или при подсказке Центра) территориальных притязаний, возникновение сепаратистских движений. Если национальное меньшинство, используя поддержку Центра, начинает выступать за расчленение республики, оно тем самым делает невозможным диалог с местными властями, обсуждение и решение конкретных проблем, и вступает на путь конфронтации с большинством. События в Молдове, Грузии наглядно показали, к чему может привести сепаратизм меньшинств, точнее, их политических лидеров, выступающих против реализации суверенитета республик.

В целом, пока сохраняется костяк тоталитарного режима и его экономическая база, возможности представительных органов власти остаются ограниченными, а суверенитет республик — декларативным. Во многих случаях реальные возможности республик решать острые проблемы не намного больше, чем возможности, например, Моссовета в решении проблем города.

С учетом этих оговорок тем не менее нужно отметить, что национально-демократические движения, под лозунгами за-

щиты национальных интересов пришедшие к власти в ряде республик, не в полной мере учитывали национальные интересы меньшинств, особенно крупных и населяющих компактные территории, не предложили программ, четко гарантирующих защиту их национальных прав. Если бы это было сделано, то гагаузская проблема в Молдове, осетинская в Грузии, польская в Литве не встали бы так остро. Впрочем, недооценка важности интересов меньшинств — явление универсальное, характерное для национальных движений во многих странах. Любое национальное движение, по определению, озабочено решением проблем своей группы, а интересы других в лучшем случае воспринимает как нечто второстепенное, в худшем — как помеху. Подобные установки особенно характерны в переходные от авторитаризма к демократии периоды, когда в политику активно включаются (в том числе и в качестве лидеров) люди, не имеющие опыта политической деятельности. Даже при самых благих намерениях дилетант отличается от профессионала тем, что он не в состоянии взвесить все последствия принимаемых решений с учетом объективной расстановки сил, допускает в стандартных ситуациях стандартные ошибки. Пока наше общество имеет очень туманные представления о демократии и соответствующих «правилах игры», политическим дилетантизмом отличаются многие решения и действия лидеров всех уровней и типов, особенно в области национальной политики и межнациональных отношений. Просчеты и ошибки союзных и республиканских властей и лидеров меньшинств — это одна из важных причин эскалации межнациональных конфликтов.

И. Хорошаева: В качестве положительного примера решения национальных проблем Вы несколько раз упомянули Швейцарию, Бельгию и некоторые другие демократические государства. Какие особенности национальной политики этих стран вы считаете особо важными?

А. Прузаускас: Главное заключается в том, что все те предпосылки, о которых я говорил в своем выступлении, в этих странах имеют, если так можно выразиться, положительный заряд, и этим определяется возможность национального согласия. Остальное — дело «техники», т. е. конституционных гарантий, социально-политических норм, методов решения спорных вопросов. В этом арсенале средств предотвращения и регулирования конфликтов особо следует отметить принцип пропорционального распределения ресурсов и благ, включая власть (через пропорциональную изби-

рательную систему и посредством формирования коалиционных правительств), полный отказ от принципа арифметического большинства при решении вопросов, затрагивающих интересы этнорегиональных групп, в пользу компромиссных решений, признание за каждой группой права вето, практику решения спорных вопросов путем переговоров (обычно за закрытыми дверями), избегая всяких массовых действий — митингов, манифестаций, забастовок и т. п., то есть всего того, что может накалить обстановку. В странах так называемой консоциональной (т. е. пропорционально-групповой) демократии, наподобие Швейцарии или Бельгии, «национальные» политические лидеры видят свою задачу в том, чтобы решать конкретные проблемы, притом решать таким образом, чтобы это было приемлемо для остальных групп. Похоже, что в нашем поляризованном обществе (или точнее — обществах) политические лидеры даже не подозревают, что существуют такие методы регулирования межнациональных отношений. Видимо, Союзу в целом опыт западных стран уже не понадобится, но в отдельных республиках, например на Украине, где национальный состав не столь мозаичен и ситуация не достигла критической точки, ряд принципов консоциональной демократии вполне возможно применить.

Г.Мамулия: Каково соотношение культурной автономии и политической автономии? Для Грузии это очень актуальная проблема в отношении Южной Осетии, где возникла тупиковая ситуация.

А.Празаускас: В современной мировой практике известны два вида автономий: культурная, принятая за норму в любом демократическом государстве для дисперсно, преимущественно в городах, расселенных меньшинств, и территориальная — для групп, населяющих компактную территорию. Похоже, что «политическая автономия» — это какие-то элементы общинного самоуправления, наподобие тех, которые существовали в Османской империи, позже предлагались австромарксистами и Бундом, а в последние годы — некоторыми московскими демократами. При попытке осуществления такой автономии неизбежно возникнут по крайней мере две трудности. Во-первых, какие вопросы, помимо сугубо культурных, можно будет решать в рамках автономии, если она не распространяется на конкретную территорию? Что реально даст осетинам «политическая автономия» без местного самоуправления, т. е. конкретных, предусмотренных законом полномочий, действующих на вполне определенной территории? Похоже, что все

сведется к той же культурной автономии, а создать осетинскую фракцию в парламенте осетинские депутаты при желании смогут и без «политической автономии» — такие национальные фракции уже есть в верховных советах балтийских республик. Во-вторых, нужно чтобы лидеры меньшинства (в данном случае — осетинского) признали предлагаемую «политическую автономию» как механизм, обеспечивающий возможности для выражения и защиты их специфических интересов, и согласились принять ее. С учетом опыта других республик и зарубежных стран нет оснований рассчитывать, что компактно расселенный этнос (или часть этноса) легко откажется от территориальной автономии в обмен на умозрительные гарантии, соблюдение которых неизбежно окажется проблематичным.

Типы и направления развития межэтнических конфликтов в СССР

Паин Э.А., *Центр независимых экспертиз при фонде «Культурная инициатива», Москва.*

Изучение межнациональных конфликтов делает в СССР лишь первые шаги, и неудивительно, что методологической опорой для многих начинаний в этой области служат сравнительно разработанные идеи ряда зарубежных исследователей.

На некоторые из этих идей опирается и предлагаемая вашему вниманию типология межнациональных конфликтов*. Так, вслед за Д.Дерндорфом, Л.Козером мы рассматриваем такие конфликты не как социальную аномалию, а как объективный процесс, являющийся одним из важных источников позитивных изменений в обществе. Применительно к исторической ситуации в СССР межнациональные конфликты выступают одним из важнейших источников трансформации тоталитарно-имперской политической системы и одновременно одной из форм становления гражданского общества.

В условиях неразвитости демократических традиций и институтов гражданского общества национальные движения во всем мире — и СССР тут отнюдь не исключение — выступают как наиболее доступная форма объединения людей, становления их гражданского самосознания, включая в политическую жизнь.

Национально-политические движения на ранних этапах своего становления, как правило, бывают конфронтационными. Это объединение «против», в отличие от объединения «за». Последние возникают в процессе саморазвития национальных движений, когда их участники осознают позитивные цели политической борьбы и формируют конструктивные программы действий.

Степень зрелости национально-политических движений в определенной мере определяют собой и тип конфронтационного поведения. Для выделения этих типов мы использовали следующие признаки:

* Типология разработана Э.А.Паиным и А.А.Поповым, изложена в их совместной работе: Межнациональные конфликты в СССР. — «Советская этнография». 1990, №1. Данный доклад базируется на этой работе, с некоторыми уточнениями, отражающими ряд новых событий в межнациональной сфере.

- степень адекватности (глубины, полноты, правильности) понимания сторонами существа конфликтных ситуаций, уровень осведомленности их об истинных причинах противоречий между этническими группами, общностями;
- уровень организованности конфликтующих групп (соотношения неформально-стихийного и институционально-организованных форм поведения);
- характер и уровень обоснования сторонами конфликта своих притязаний и требований (соотношения аргументов «силы», «морали» и «права»).

Используя эти признаки, мы выделим три типа межнациональных конфликтов, отражающие, на наш взгляд, разные стадии эволюции национально-политических движений. Эти типы условно названы нами: «конфликт психологических стереотипов», «конфликт идеологических доктрин», «конфликт политических прав».

Такова наша исходная рабочая гипотеза, которую мы пытаемся проанализировать на примерах межнациональных конфликтов, во множестве проявившихся в различных регионах СССР.

Конфликт психологических стереотипов

Примерами конфликтов этого стадийного типа могут служить такие межнациональные столкновения, которые в нашей прессе обозначаются одним термином «события». «Сумгаитские события», «ферганские события», «ошские события» и др. — при всем своеобразии каждого из них все эти конфликты развивались по сравнительно однотипной схеме. Так или иначе, но непосредственным толчком к открытым столкновениям во всех перечисленных случаях выступили некие психологические феномены. Иногда это просто ни на чем не основанные (например, в Фергане) измышления о якобы имевшем месте разгроме мечетинскими турками узбекского детского сада, или чаще — сообщение о реальных событиях, которым, однако, в глазах возбужденного населения придается преувеличенный или искаженный смысл фактов национальной дискриминации (например, факт выделения земельных наделов киргизам в той части Ошской области, которая преимущественно населена узбеками, послужил поводом к развязыванию ошских событий).

Возникающие на основе таких слухов и подозрений стереотип «наших быют», чрезвычайно быстро распространяются на некоторой территории, способствуя консолидации и мобилизации на от-

ветные меры этно-территориальных общностей, осознающих себя ущемленными. В каждой из конфликтующих общностей одновременно формируется и развивается два вида стереотипов: первый определяет собой рост этнической замкнутости, второй — развитие этнической подозрительности, достаточно быстро трансформирующейся в этническую враждебность.

Существенно типологической особенностью «конфликтов психологических стереотипов» является неопределенность целей организаторов беспорядков (бунтов). Так, ни ученые, ни сотрудники правоохранительных органов не могут сегодня с уверенностью объяснить, почему во время ферганских событий летом 1989 года погромам подвергались именно турки-месхетинцы, а не иные этнические меньшинства, населяющие ферганскую долину. Столь же туманные цели инициаторов душанбинских событий 1990 года и мало объяснимы причины антиармянских настроений в Душанбе.

Еще одной особенностью таких конфликтов является и анонимность организаторов столкновений. Примером могут служить те же ферганские события. В них участвовали десятки тысяч людей, но в ходе следствия по этому уголовному делу выяснилось, что подавляющее большинство участников погромов не знали ни об истинных целях организаторов беспорядков, ни самих этих людей. В то же время признаки организационной подготовленности беспорядков у следствия не вызывают сомнения.

На наш взгляд, организованные силы в конфликте «стереотипов» выполняют лишь функции «спускового крючка», включая механизмы развертывания стихийных процессов.

Именно стихийность и является основной типологической характеристикой конфликтов «психологических стереотипов». Они остаются принципиально стихийными и в тех случаях, когда в рядах противоборствующих сторон выдвигаются популярные лидеры, поскольку такое выделение происходит на бессистемной основе, не опирается на сколько-нибудь развитые организационные структуры и теоретические концепции.

В силу своей стихийности, неуправляемости конфликты стереотипов чрезвычайно опасны и, как правило, ведут к трагическим последствиям.

Конфликты идеологических доктрин

Определяющей чертой конфликтов этого типа является консолидация членов конфликтующих общностей на основе осознания

согласия с прокламируемыми в группе идеологическими концепциями. В таких концепциях, как правило, конкретно определены цели национальных движений и пути их достижения. Концепции формируются не стихийно — они разрабатываются идеологами-теоретиками. Эти люди не анонимны, напротив, они широко известны и популярны в народе, из их рядов впоследствии рекрутируются политические лидеры. Основной движущей силой в «конфликте доктрин» выступает интеллигенция, в то время как в конфликте стереотипов ведущей силой являются спонтанные группы с эмоционально экстремистской ориентацией, в основном из числа малоквалифицированных работников или деклассированных групп. Не случайно все ранее перечисленные «события-бунты» разгорелись в районах наивысшей концентрации «незанятого» населения (Степанакерт, Фергана, Ош).

Конфликты-события всегда локальны и скоротечны, в то время как конфликты идей могут охватывать несколько этнических общностей, включая их этнодисперсные группы и сохраняются в течение длительного времени.

Примерами столкновения противоположных идеологических позиций могут служить три наиболее распространенных разновидности межнациональных конфликтов в СССР — предметом конфронтации в каждой из них является историческое право этнической общности на данную территорию.

Первая группа этнотерриториальных конфликтов рассматриваемого типа возникла как историческое эхо депортации в 1941-1944 гг. многих народов СССР. Эти народы стремятся вернуться в родные места и обосновывают свои притязания на расселение в конкретных районах представлениями о своем безусловном праве на восстановление исторической справедливости. В то же время среди этнических групп, заселивших районы, откуда выселены немцы Поволжья, турки-месхетинцы, крымские татары и другие депортированные народы, культивируется принцип необратимости исторических изменений («теперь мы населяем эту территорию, теперь это наша земля, за нами, следовательно, право на нее»). Иными словами, идея «восстановления исторической справедливости» сталкивается с идеей «сохранения исторической реальности».

Сходные коллизии характерны и для конфликтов, в основе которых лежат процессы изменения в ряде регионов этнодемографической структуры в сторону увеличения доли пришлого иноэтнического населения. Опасения утраты статуса этнического большинства приводят к тому, что национальные дви-

жения народов, давших название данной территории, выдвигают требования «защиты коренного этноса», скажем, путем ограничения иммиграции иноэтнических групп и даже поощрения их реэмиграции. Такие требования встречают понятное противодействие со стороны представителей «некоренных» национальностей в Казахстане, в Молдавии, в республиках Российской Федерации и в ряде других регионов.

Наконец, третьим источником конфликтов идеологических доктрин выступает неопределенность, а зачастую и произвол в установлении границ и административных статусов национально-территориальных образований. Чаще всего источники конфликта этого типа кроются в сохранении многоярусной иерархии национально-территориальных общностей, при которой одни народы как бы подчинены другим, входят в них на правах населения зависимых автономий. Такую природу имеют «абхазский», «гагаузский», «юго-осетинский», «нагорно-карабахский» конфликты. На первый взгляд представляется, что стороны конфликта этого типа обосновывают свои требования исключительно на основе конституционного права: национальные движения автономий апеллируют к праву наций на самоопределение, тогда как противостоящие им силы ссылаются на другие положения той же Конституции СССР, предоставляющих только союзным республикам право изменить границы и административный статус входящих в нее территорий.

Действительно, действующее законодательство в области национально-государственного устройства СССР противоречиво и несовершенно. Однако не только, а может быть, и не столько этим объясняются антагонизмы рассматриваемых идеологических доктрин. Постоянное стремление идеологов конфликтующих сторон подкреплять сугубо юридические доводы ссылками на историческое первенство своего народа в заселении спорной территории позволяет предположить, что авторитет закона в идеологических построениях обеих сторон пока явно уступает силе аргументов «исторического права», и это в значительной мере затрудняет возможность нахождения сторонами конфликтов взаимоприемлемых решений.

Конфликт политических институтов

Если «конфликт доктрин» — это в основном противостояние идей развернутых лозунгов, программ, то «конфликт политиче-

ских институтов» — это уже всегда противоборство организаций. Противоборствующие стороны на этой стадии конфликта консолидируются на основе их активной практической включенности в систему функционирования политических институтов (партий, политических блоков, институтов власти и др.).

По отношению к «конфликту стереотипов» и «конфликту концепций» государство выступает как «третья сила» и ограничивается в первом случае функцией защиты общественного порядка и пресечения крайних форм конфронтации, во втором — ролью посредника, пытающегося наладить диалог между конфликтующими этническими общностями. А вот в «конфликте политических прав» государство уже не «третья сила» а основной участник конфликта. Именно к нему обращены требования одной или нескольких этнических общностей — требования предоставить права, поделиться властью.

Такого рода требования составляют основное содержание межнациональных конфликтов в республиках Прибалтики. Даже если ограничиваться рассмотрением «горизонтальных» сугубо межэтнических коллизий, то здесь они носят весьма своеобразный характер. Как правило, для участников межнациональных конфликтов характерна ярко выраженная этноцентристская ориентация. В Прибалтике же конфликтные отношения сложились между этноцентристски ориентированными народными фронтами и панцентристскими по своей идеологии интердвижениями. Последние воспринимаются значительной частью населения коренных национальностей не столько как особая этническая, этнолингвистическая общность (русскоязычная), сколько в качестве политической силы, представителей центра в республике, как «пятая колонна» союзного государства. События января 1991 г. в Литве, в ходе которых одна из сторон конфликта интердвижения — КПСС — опирались на военную силу союзного государства, думается, неоспоримо доказывают внеэтническую социально-политическую природу «балтийских конфликтов».

Два вектора развития межнациональных конфликтов

Проведенное обобщение и анализ региональных конфликтных ситуаций как будто бы подтверждает правомочность рассмотрения различных типов конфликтов в едином эволюционном ряду. Так, сравнение, скажем, «осских событий» с конфликтами «прибалтийскими» показывает одно из возможных направ-

лений эволюции конфликтационного поведения — перехода от стихийной конфронтации слабо организованных этнических групп к политически организованной оппозиции национальных движений.

Можно выделить основные элементы и позитивные социальные последствия эволюционного развития конфликтов. Прежде всего, это формирование низовой структуры массовых общественно-политических организаций, начиная от движений за возрождение национальной культуры и кончая организациями типа «народный фронт», некоторые из которых, в свою очередь, стали предтечей политических партий. Анализ показал, что в тех случаях, когда национальные движения развиваются под руководством демократических организаций, наблюдается заметное изменение их целей и программных установок. Так, в программах народных фронтов республик Прибалтики широкие социально-экономические и политические задачи явно преобладают над задачами узкоэтническими. Далее, опыт деятельности многих национальных движений подтвердил способность демократически избранных лидеров и штабов таких движений предотвращать разгул стихии, вспышки насилия. Примером может служить Организация Крымско-Татарского Национального движения, не раз удерживавшая своих членов от насильственных действий в эмоционально напряженной ситуации возвращения на родину крымских татар. И, наконец, появление в национальных движениях организаций демократической ориентации является абсолютно необходимой предпосылкой развития межнационального диалога.

Вместе с тем, ход развития политической ситуации во всех республиках Советского Союза показал, что эволюционное направление развития межэтнических противоречий сегодня далеко не определяющее. Все заметнее проявляется совершенно иная траектория динамики межэтнических конфликтов — условимся называть ее «эскалацией».

Под ней мы понимаем накопление и нарастание межнациональной напряженности, усиление этнических предубеждений вплоть до развития этнофобий, переход от взаимных угроз к открытым массовым столкновениям, наконец, разрастание и ожесточение самих этих столкновений.

Такое направление развития конфликтов обусловлено объективными особенностями той социально-экономической и политической среды, в которой возникают и протекают межэтнические противоречия. Из числа этих особенностей стоит выделить, прежде всего, следующие: структурный кризис социали-

стической системы, проявляющийся в одновременном обострении множества крайне запущенных проблем: экономических, экологических, социальных и др.; отсутствие сколь-нибудь развитого «среднего слоя», т.е. собственников, людей заинтересованных в сохранении общественной стабильности и ориентированных на ненасильственные действия, на достижение гражданского согласия; зачаточный уровень политической культуры у значительной части населения страны. Помимо объективных причин, нарастает действие субъективных факторов эскалации межнациональных конфликтов. Главным среди них является политика центральной власти, все более ориентирующейся на военно-силовые методы разрешения межэтнических противоречий. Центральная власть зачастую участвует и в разжигании межэтнических противоречий, способствует превращению социальных противоречий в межэтнические. Как реакция на политику «давления», происходят негативные изменения внутри национальных движений, и из фактора, блокирующего возможность возникновения неконтролируемых вспышек насилия, они превращаются в один из источников обострения межнациональной конфронтации.

Так, объединение спонтанных групп под эгидой общественно-политических организаций, способствуя преодолению стихийности, уменьшает риск эскалации конфликта. Однако, в условиях подполья или неполной легальности, подобная интеграция происходит на основе жесткого подавления инакомыслия в рядах собственного движения, усиления роли радикальных и оттеснения умеренно настроенных групп. В итоге могут сформироваться организации микрототалитарного типа, которые приводят своих сторонников на тупиковый путь организованных вооруженных столкновений, напоминающий гражданскую войну между регулярными отрядами (наподобие той, что уже много лет не прекращается в Ливане). К сожалению, в таком направлении развиваются межнациональные конфликты в ряде районов Закавказья.

Появление у национальных движений своих теоретических доктрин, взамен иррациональных психологических стереотипов, также, в принципе, является фактором, предотвращающим неуправляемое развитие межэтнических конфликтов. Но в атмосфере осадного положения подобные доктрины вырождаются в некие догмы, зачастую антигуманистической направленности. Наиболее распространенной ныне среди национальных движений является идеология избирательного гуманизма. Суть ее в том, что доктрина каждой из сторон оправдыв-

вае действия и направлена на защиту интересов своей общности, совершенно игнорируя интересы чужих общностей. Подобная идеология не только не блокирует развитие этнических предрассудков, но и стимулирует появление все новых стереотипов такого рода, усиливает общую мифологизацию национального сознания.

Возможность развития межнациональных конфликтов в двух противоположных направлениях стоит учитывать при разработке целей и средств национальной политики.

На наш взгляд, такая политика не должна проектировать полное и окончательное устранение межэтнических конфликтов из жизни многонационального государства или региона. Сама постановка такой задачи представляется не только утопической, но и в ряде случаев неправомерной с точки зрения общих целей прогрессивного развития общества. Однако не вызывает сомнений необходимость применения некоего управляющего воздействия на межнациональные отношения в конфликтных ситуациях. Такое управление может быть эффективным, если его цели будут в основном ориентированы на перевод конфликтов в русло эволюционного развития, а основным средством явится «окультуривание» стихийных движений, придание им организованного, демократически ориентированного характера.

Истоки межнациональных конфликтов

Цымбал П.В., Харьков,

историко-просветительское общество «Мемориал»

Являясь историко-просветительским обществом, «Мемориал» не может проходить мимо сталинского наследия в национальной сфере. Важно показать, что современные трагические конфликты являются не результатом демократических перемен, начавшихся в 1985 году, а непосредственными плодами тоталитарной системы. Ведь еще в начале 20-х годов послереволюционные надежды народов на освобождение были подавлены. Произошло отвержение плюрализма в национальном строительстве, и доминирующим стал унитарный подход. Во всех регионах был избран курс на тоталитарную модель власти. Это стало возможным потому, что лидеры правящей большевистской партии были убеждены в приближении мировой революции, скорой ликвидации границ, а вместе с ними — и национального вопроса как такового. И надо сказать, что картины «всеобщего братства трудящихся» имели значительное воздействие на часть народа самых различных регионов, что и способствовало укреплению большевистской власти.

Однако уже 20-е годы отмечены вспышками конфликтов, трений внутри социалистического формирования. Когда же послереволюционные утопические идеи рухнули, им на смену не мог не прийти сталинский насильственный вариант решения национальных проблем, который включал политику геноцида, насильственную депортацию, террор.

Так всплеск национального поиска своего пути развития 1917-го года был насильственно оборван. И самое трагическое в этом то, что была упущена возможность создания правового демократического механизма разрешения национальных проблем. Вместо этого разворачивается процесс формирования имперских структур, которые в последующие годы, применяя насилие, загоняют болезнь внутрь. Но рано или поздно конфликты должны были прорваться наружу. Об этом говорили многие правозащитники и советологи задолго до перестройки.

Я столкнулся с тем, что люди связывают трагические конфликты с перестройкой, с переменами, которые происходят в обществе. Если же посмотреть на истоки конфликтов, то мы увидим, что именно в начале 20-х годов, создавая многонациональный организм, правящая партия, исходя из своей идеологии, заложила истоки тех конфликтов, которые нас разделяют. Утверждалось, что границы вскоре исчезнут, национальный вопрос сам собой решится, и воцарится пролетарское братство. Следующим источником конфликтов был наш центр, который своими действиями провоцировал, и углублял эти конфликты.

Конфликты, которые мы сегодня наблюдаем, нельзя объяснить только прошлым и действиями центра. К сожалению, демократия тоже оказалась не подготовленной к тому, чтобы противодействовать этим конфликтам. Это вызвано рядом причин. Первая — то, что многие наши коллеги оказались на Западе. Во-вторых, в 1987-1988г.г. много людей возвращалось из лагерей и ссылок, и ситуация привела к распыленности демократических сил. Мы не смогли противопоставить конфликтам единую программу, увязанную по регионам. Сегодня те проблемы, которые здесь обсуждались, требуют взаимосвязи различных демократических движений. Эта связь сегодня совершенно недостаточна. Должно разработать механизм, который бы действовал внутри нашей страны или между республиками, для того, чтобы каждая республика, ее руководство четко представляли свою деятельность и ее последствия. Если говорить о конфликтах внутри республик, мы видим, что договоры между Россией и Прибалтикой, которые берут взаимные обязательства по защите национальных меньшинств — это путь, вероятно, перспективный. Демократическая власть, хочется надеяться, может стать той силой, которая будет способна решать конфликтные ситуации. Но нельзя все возложить только на властные структуры. Немалая роль принадлежит самому обществу.

Первая проблема, которая остро стоит — введение гражданства в различных республиках. Важно было бы, чтобы правозащитное движение и гуманистическое движение высказали свое мнение о том, как вводить это гражданство, чтобы избежать вспышек насилия.

Нам предстоит также активная, длительная просветительская работа среди всех общественных движений, среди всех слоев населения, особенно среди участников национальных движений.

В тщательном анализе нуждается и ситуация в Крыму. Пуская в ход тезис о «незваных гостях — татарах», там спешно воссоздают структуры коммунистической республики, которые могут мгновенно развернуть избиение демократических сил. В этих условиях оптимальной линией поведения может быть расширение совместного движения к демократизации оппозиционных сил Украины, России, Крыма и др. Главное — это включить контролируемый процесс возврата репрессированных народов в Крым и не допустить межнациональных столкновений. В этом плане представляют интерес решения предстоящего собрания крымских татар.

Круглый стол. Права человека в горячих точках: Молдова, Южная Осетия, Северный Кавказ и др.

Ведущий: Е.Е.Захаров

А.Хейстер: Я позволю себе коснуться проблем, которые затрагивают и украинские сюжеты, и непосредственно наш, молдавский. Есть три вектора развития ситуации в Молдавии. Первый: внутренний — положение внутри Молдавии, политическая ситуация в ней. Она характеризуется крайне сложным положением национальных меньшинств. Проявления этого видны, их не надо искать. Коллега Частник просил сослаться на конкретные примеры насилия. Если речь идет о Молдавии, их тоже не пришлось бы искать. Начиная с самой процедуры выборов 1989 г. в Верховный Совет СССР, следующая кампания — выборы в Верховный Совет республики и т.д. — все сопровождалось таким насилием, о котором писалось не только внутри республики, но и сообщалось в центральной и зарубежной прессе. Не думаю, что журналисты что-то раздували. Они беспристрастно характеризовали положение в Молдавии как катастрофическое. Сегодня в Верховном Совете Молдовы вы не найдете представителя национальных меньшинств. Из министров всего 1 не молдованин. Идет дискриминация в области среднего и высшего образования, максимально ограничивается прием студентов некоренной национальности. Все идет, чтобы вытолкнуть молодежь меньшинств за пределы республики. Сейчас практически дискутировать в Молдавии невозможно, все средства массовой информации в республике монополизированы Народным Фронтом и управляющим им режимом. Газеты, не угодные режиму, громятся, их редакции даже сжигаются, и это поддерживается на самом высоком уровне. Еще один аспект — межреспубликанские отношения. Я думаю, что народ Молдавии отнесся бы к идее федерализации негативно. Но когда компактно проживающие в четырех районах массы населения украинского, гагаузского, болгарского хотят хоть каких-то элементов самоуправления, им говорят: мы будем присылать своих народных судей, утвержденных нашими кишиневскими властями, таких, которые будут проводить нашу политику, тогда в этих регионах людям ничего

не остается делать, как добиваться автономии, и они просят в рамках республики создать федерацию. И на это власти Молдовы не пошли. Гагаузам можно было еще в самом начале предоставить какую-то автономию, на это не пошли ни под каким видом. И тогда гагаузы пошли на крайнюю меру — провозгласили свою республику. То же самое произошло в Приднестровье. Хоть это сегодня многими осуждается, но думаю, что для многих регионов это будет каким-то уроком, потому что там, где нетерпимость властей и тоталитарное мышление преобладают, там будут возникать такие факты. Сегодня Молдавия уже претендует на то, чтобы тащить республику к Румынии. Это особенно сильно пугает немолдавское население, да и самих молдован. По социологическому опросу только от 4% до 6% молдован поддерживают идею присоединения к Румынии, но эта идея провозглашается официально, как главный лозунг Народного Фронта. Так как же с этим может согласиться население Молдавии, особенно левобережное, для которых румыны — те же оккупанты? Они не хотят идентифицировать себя с румынами, у них совершенно иной менталитет. Но никто не собирается их спрашивать. Так где же тут демократия?

Вопрос: Был ли кто-нибудь приглашен из Молдавии, представляющий иную точку зрения?

Л.Богораз: К сожалению, на семинаре присутствует представитель лишь одной из конфликтующих сторон, выражающий позицию меньшинства. Но это и хорошо, я думаю. Официальную позицию мы можем узнать из печати.

А.Хейстер: Референдума еще не было, его идея только обсуждается в парламенте. Он планируется только на лето. Русскоязычная фракция в парламенте не столь значительна, чтобы суметь что-то блокировать. Что касается латинской графики, это вопрос о самих молдован. Но дело в том, что самих молдован тоже никто не спрашивает. А 99% всех молдавских документов написаны на кириллице, это исторический факт.

Л.Богораз: Я надеюсь, что наш семинар ответит на поставленный в названии семинара вопрос: национальные проблемы и права человека. Я сегодня наконец услышала мнение, что невозможно пренебрегать правами человека в пользу любых других групповых прав. Если групповые права ставятся впереди прав человека, мы рискуем скатиться к тому же самому тоталитаризму, от которого только что ушли. Это мое мнение, и сегодня я услышала поддержку. Наиболее незащищенным в любом государстве, в любом обществе является человек. Там,

где права группы, коллектива классового или национального ставятся впереди прав человека, возникает угроза диктатуры. История знает этому примеры. Мы видели, что такое права пролетария, права арийца на первом месте, не нужно больше примеров. Когда я слышу: моя позиция с вашей не совпадает, я не вижу в этом ничего страшного, не вижу и предательства дела защиты прав человека.

Проводя эти круглые столы по регионам, мы надеялись, что они смогут стать конструктивными образцами подхода к национальным проблемам. За одним столом собираются представители разных мнений одного и того же региона, и наконец-то договариваются между собой. И таким образом мы можем надеяться избежать кровопролития. Но вот, как мне казалось, наиболее благополучный регион — Украина. И вдруг я увидела, что даже в этом регионе накаляются страсти. Когда люди не хотят услышать друг друга. Я очень прошу вас, друзья: сегодня здесь будет еще несколько круглых столов, старайтесь услышать друг друга, не извращайте того, что говорит другой. Я очень надеюсь, что такие дискуссии будут способствовать мирному разрешению проблем, и хотела бы, чтобы такие переговоры были проведены во всех горячих точках страны.

Е.Захаров: Поскольку коллеги из Грузии скоро уезжают, я предлагаю повести разговор об их проблемах, а выступающие могут касаться и проблем других регионов. Перед тем, как начать дискуссию, я хотел бы напомнить всем старую истину, что стиль полемики важнее, чем ее предмет, и призвать всех участников к взаимопониманию. Поскольку были высказаны упреки коллеге Леонову по поводу доклада «Типология межнациональных конфликтов»*, наверное, вначале должны выступить коллеги, которые предъявят свои претензии к господину Леонову, а в конце господ Леонов и Мамулия эти выступления прокомментируют.

И.Мелашвили: Начну со вчерашнего дня, когда грузинская делегация выразила протест против выступления господина Леонова. Я не буду сейчас опровергать его доводы — пяти минут мне не хватит. Я хотел бы получить текст выступления господина Леонова с тем, чтобы я написал ответ и предоставил его всем заинтересованным организациям. Никто ни в Грузинском парламенте, ни за его пределами не отрицает, что в Грузии сейчас есть очень большие проблемы и с демократизацией

* Доклад Д.Н.Леонова не помещен в сборнике, т.к. не был представлен автором, но мы сохранили полемику вокруг этого доклада. (Ред.)

общества, и с событиями происходящими в Южной Осетии. Проблемы есть — но они требуют объективного взгляда и не зависят ни от какого-то человека, ни от какой-то партии, а зависят от состояния всего общества, прожившего десятилетия при тоталитаризме. Общество не может психологически перестроиться за один день и стать демократическим. Не думаю, что газеты не печатают каких-либо сообщений по приказу правительства. Думаю, что газета не хочет навлекать на себя осуждение общества. Не признаваясь в этом, они говорят: не буду печатать, правительство не разрешает. Не думаю, что батона Гамсахурдия отдает приказания всем восьмидесяти пяти газетам.

Думаю, что решить проблему Южной Осетии очень трудно. Это конфликт политического характера, и здесь я имею в виду не только центр. Или процесс идет демократическим путем (местные власти теряют власть), или они должны что-то предпринимать. Этот вариант был осуществлен и в Грузии. Местный партийный аппарат стал выдвигать требования для самосохранения, повышать свой статус, рассчитывая на поддержку центра, имея в виду, что центр будет их поддерживать против мятежной Грузии. Говоря, что центр поддерживает Южную Осетию, что он заинтересован в наших конфликтах, надо вспомнить аналогичную ситуацию и в Карабахе. В одной ситуации центр защищает суверенитет Азербайджана, в другой ситуации он нарушает суверенитет Грузии. Ни в том, ни в другом случае он не заботится ни о благополучии азербайджанцев, ни о благополучии осетин. В одном случае он поддерживает республику, где во главе стоят коммунистические силы, подписывающие Союзный Договор, в другой ситуации речь идет о республике, которая борется за независимость, где коммунисты оказались в оппозиции, фактически отстранены от власти. Применение разных методов в случаях разных республик и говорит о поддержке определенных сил. Говоря о решении конфликта, мы в первую очередь выдвигаем требование, зафиксированное на заседании трехсторонней комиссии, что решение должно быть только политическим. В первую очередь и центр, и Россия должны признать территориальную целостность Грузинской республики. Это выбьет почву из-под ног у тех, кто хочет раскола. Это мнение довольно сильно укоренилось у тех, кто сейчас воюет с оружием. Одновременно должно быть решение Верховного Совета Грузии, где будут гарантированы права национальных меньшинств в Грузии — осетин, армян, азербайджанцев; и также решения, касающиеся territori-

ального устройства, и другие вопросы. Если не будет политического решения вопроса, то решения политической проблемы не будет.

А.Имнадзе: Господин Леонов хотел сделать научный доклад и приводил примеры из Южной Осетии и о положении в Грузии. Но почему-то это было сказано тенденциозно, односторонне. Он не видел другую сторону. Между тем и у другой стороны есть своя правда. Как странно, когда позиция демократов совпадает с позицией центра. И не только позиция демократов, но и взгляды нашей оппозиции. Я никого ни в чем не обвиняю, я называю факты. Я не понимаю нашу оппозицию: зачем она выносит сор из избы? Грузия — еще молодое государство, у нас, конечно, есть недостатки, но зачем же поднимать вокруг них такой шум, апеллировать к Западу, к центру, который пользуется этим, и провоцирует у нас конфликтную ситуацию?

Г.Мамупия: Моему коллеге по правозащитной деятельности Автандилу Имнадзе хочу напомнить, что в 1981 году, когда меня выгнали из университета за то, что я отстаивал права студентов, меня обвинили в передаче информации за границу. О проблемах Грузии я буду говорить везде — правда выше Бога, хотя Бог сам есть правда. Если мы хотим излечиться, хотим иметь общий дом, в котором не было бы распри, мы должны говорить. Если я с болью говорю о проблемах своей Родины, я не предатель, как меня именуют в прессе, я не тот профессор, который не нужен Грузии, что я слышал много раз. И мне обидно, что, когда к власти пришли правозащитники, мои коллеги, от них я опять слышу, что я Грузии не нужен, слышу по радио и по телевидению. Когда я говорю, что в Грузии ничего не изменилось, я понимаю, что то, что наша страна пережила за 70 лет, нельзя изменить ни за 2 года, ни за 5, но к чему мы движемся — вот о чем я говорю. Мы движемся к тому, что в 1988 г., когда в Грузии у власти были коммунисты, пресса была свободнее, чем сейчас. Тогда открывались ваши газеты, и открывались свободно. А сейчас — новая газета, которая зарегистрирована, по сегодняшнему дню не издается. По сегодняшнему дню оппозиционные газеты печатаются в Прибалтике, Армении, но не печатаются в Грузии. Номер «Известий», в котором была критика Грузии, пусть даже несправедливая, не был отпечатан в Грузии под тем предлогом, что рабочие возмутились и не стали печатать тираж. Этот штамп мне очень хорошо известен. Вот о какой тенденции я говорю.

Е.Захаров: В связи с выступлениями господина Мамулия и господина Имнадзе я хотел бы сделать одно замечание. Тезис о вынесении сора из избы неприемлем для правозащитников. Мы исходим из того, что права человека должны соблюдаться в любом месте, и это не есть внутреннее дело этой страны, а есть дело граждан всего мира. Я прошу господина Имнадзе уточнить: я слышал, что господин Мамулия был избит вместе с женщинами, когда он пытался остановить толпу, которая шла громить дома в Месхетии. Был в Месхетии погром?

А.Имнадзе: Я об этом ничего не знаю.

К.Ломая: Тема моего сообщения — освещение проблем Грузии некоторыми демократическими изданиями. Вопрос объективного освещения событий всегда один из самых важных. Особую значимость он приобрел в последние годы, когда выдавливающее из себя раба население СССР крайне болезненно реагирует на каждую неточность, на каждое проявление предвзятости. Никто не застрахован от ошибок, тем более в такой бурный период истории, который мы переживаем, но, когда в информациях о Грузии мы сталкиваемся с этим чуть ли не ежедневно, когда эти сообщения кочуют из издания в издание, трудно избавиться от ощущения, что существует некий социальный заказ на определенного рода информацию. Я умышленно оставляю без рассмотрения такие газеты, как «Советская Россия», «Красная звезда», ибо их направленность общеизвестна, и заострю внимание на демократической прессе, в частности на газете «Московские новости». Эта газета первая из всех советских газет прорвала заговор лжи о событиях 9 апреля. Я помню, как эта публикация сотнями ксерокопий расходилась в Тбилиси из рук в руки: тем более неприятен ее подход к освещению сегодняшних событий. Впрочем, судите сами. В № 37 за 1990 г. сказано: «Организации «Сталин» было отказано в регистрации, поскольку она поддерживает КПСС» и т.д. Получается нонсенс: вроде бы центр, регистрирующий организации, отказывает ей в регистрации потому, что она признает требования конституции Грузии. Сравнивая цитату с оригиналом, мы обнаружили, что из нее загадочным образом исчезло упоминание о марксистско-ленинских конституциях, а устав организации предписывал своим членам следовать только им, что и явилось нарушением закона, согласно всем стандартам международного права. Еще один любопытный факт из жизни организации «Сталин». Ее лидер пришел за несколько дней до выборов, публично заявил о выходе из КПСС, а в декабре был избран в

ЦК компартии Грузии, где благополучно пребывает в должности второго секретаря, но об этом в «Московских новостях» не сказано ни слова. Далее, в сообщении «Хроника событий» в № 51 за 1991 г. говорится о перестрелке 12 декабря, в результате которой в Цхинвале погибло 3 человека, причем фамилии двух грузин называются в одном месте, а осетина несколькими строчками ниже. В действительности же имела место не перестрелка, а расстрел тбилисской машины, в которой сидели все трое погибших, и этот инцидент послужил причиной объявления чрезвычайного положения в этом регионе. В № 3 за этот год Колесников с удивлением замечает, что у какого-то человека один погон лейтенантский, другой капитанский. Позволю себе усомниться, что в экстремальной обстановке, а мы знаем, что там обстановка действительно экстремальная, отсутствие звездочки на погонах является доказательством, что его владелец — боевик, переодетый в милицмейскую форму, а именно эту мысль нам пытаются навязать в статье. Говорится, что появляются люди в форме, напоминающие милиционеров становится интересно, а где же всамделишные милиционеры? Если город населен подобными персонажами, то уместен и следующий пассаж: «Здесь дымится школа». Кто поджег — неизвестно. С точки зрения формальной логики — все верно: не пойман — не вор. Это могли сделать и люди в милицмейской форме, и те 34 человека, бежавшие из мест заключения, которые потом оказались в составе грузинской милиции (это «МН» № 9 за этот год). И здесь совершенно неважно, что нет ни одного факта, ни одной фамилии этих людей. Но зато вполне можно говорить о направлении в грузинское село машины, везшей маргарин в Цхинвали. Но ни слова о том, что через два дня машина с нетронутым грузом была возвращена в Цхинвали. Еще цитата: «Я вышел из дома 8 июня, в меня начали стрелять на улице, и я был ранен в левое бедро». И не надо стыдливо добавлять: кто стрелял, неизвестно; ведь подразумевается, что это сделали люди, одетые в милицмейскую форму.

Вопрос о свободе прессы в Грузии поднимался неоднократно. Я далек от мысли, что с прессой все в порядке. Существует конкретная проблема: закрытие «Молодежи Грузии», на мой взгляд, совершенно несправедливое, как и невыпуск газеты блока «К свободе». Эти две проблемы мы признаем, но когда вы говорите, что газеты Конгресса печатаются в Прибалтике или Армении, да хоть в Шри-Ланке! Вы не говорите о том, что принципиальная позиция радикальных партий, входящих в Конгресс, это непризнание существующих структур. Они отка-

зываются от официальной регистрации. Так как издание — дело экономическое, то с ними невозможно оформить договор. Ведь это то же самое, что внесистемный путь, ну и ради Бога, но ведь эти газеты свободно продаются! А если они захотят регистрироваться, то — пожалуйста. В Тбилиси можно купить «Мхедриони», «Иверию», «Экспресс-хронику» и др. оппозиционные издания.

В. Дольников: По поводу освещения событий в Грузии существует определенная информационная блокада в союзной прессе. В частности, и во многих демократических изданиях: «Независимая газета», например, отказала мне в публикации моего материала из-за его апологетичности. Доклад господина Леонова меня несколько обескуражил. Сказано, что 97 осетинских школ, которые работают не только в Южной Осетии, но и на других территориях, где проживают осетины, это похоже на фикцию, т.к. преподавание на осетинском языке ведется только в младших классах, а потом — только на русском. Если это так, то это не делает чести осетинам, которые согласились, чтобы их давили не грузинским языком, а русским. Надо подумать над таким фактом, что на протяжении всего существования автономии там есть национальный театр, издательство, газеты, институты. Простите, но за 70 лет любой язык умрет, если преподавание ведется только в начальных классах. По-видимому, это не совсем точно. Отсылаю господина Леонова к интервью бывшего секретаря компартии Осетии А. Чехоева, ныне народного депутата СССР, который в 1989 г. пространно говорил о том, в каком (совсем неплохом) положении находится осетинская культура в Южной Осетии. Параллельно хочу сказать, что в Северной Осетии существует только одна национальная школа, из 800 учащих только 8 владеют родным языком. Я бы хотел в предыдущую дискуссию добавить одно свидетельство. Речь шла о том, что в Крыму часть населения дискриминирована в отношении языка. Я родом оттуда, в 1954 г., когда северный Крым заселили выходцами из Чернигова, население было лишено возможности изучать украинский язык, потому что не было таких школ. Преподавание украинского языка велось только в городских школах.

...Что касается вопроса об автономиях: в № 16 «МН» за 1991 г. приводятся слова Гамсахурдия, который якобы сказал, что вопрос об Аджарии будет решаться на общегрузинском референдуме. Это явная ложь. Наоборот, все время Гамсахурдия говорит, что вопрос об Аджарии будет решать само население

Провокационное заявление, что результаты референдума будут использоваться для решения судьбы Грузии на основании указа от 26 мая, т.е. «в границах меньшевистской республики». В документе от 26 мая ни слова не говорится о границах. Просьба — по возможности включить в работу семинара как отдельное направление исследование объективности отражения в прессе национальных вопросов и реакций, которые вызывают необъективные публикации на местах.

Д.Леонов: К сожалению, по существу моего доклада не было сказано ни слова, даже и по его деталям. Я все-таки отвечу на одно-два замечания. Относительно осетинских школ. Говорю об этом я, разумеется, не возлагал вину на грузинские власти, и очень сожалею, если кто-то мои слова так принял. Это очень сложная проблема, и главное в ней — отсутствие осетинских кадров для преподавания. Меня так поняли, что в младших классах там обучение ведется по-осетински. Нет, обучение ведется на русском языке, используются русские учебники, полученные из Москвы, единственное, преподается осетинский язык. По-осетински говорят только на этих уроках. Я удивляюсь, почему люди, назвавшие мой доклад фальсификацией, не спорили потом со мной. Сначала не спросили, потому что мало трех минут, потом пяти минут, и ожидают письменного текста. У меня нет письменного текста. Но тексты своих других публикаций я передал членам грузинской делегации, и я думал, что они будут общим достоянием и их вполне можно критиковать. Был упрек, что материал собирался с одной стороны. Он собирался тремя мемориальцами как раз с двух сторон, и грузинская сторона подробно нами изучалась. Нами собраны свидетельства о зверствах (иначе не назовешь) с обеих сторон; эти материалы, вероятно, скоро будут опубликованы. Так не спорят. Тут присутствую я, Леонов, а говорят про «Московские новости». Я очень сожалею, что по существу я ничего не услышал. А я хотел бы услышать прежде всего о пулях калибра 5,45, применявшихся, как я сказал, грузинской милицией в Цхинвали. И надеюсь, что при более подходящей политической конъюнктуре мы услышим, кто несет ответственность за бессмысленный и бесполезный кровавый поход грузинской милиции на Цхинвали, когда за 20 дней было убито несколько десятков грузинских милиционеров. Поход, не принеший ничего, кроме окончательного ожесточения обеих сторон. Если цель была наказать экстремистов, допустим, то кто ответственен за то, что о нем было объявлено по телевизору, осетины это видели, — показы-

вали карту и говорили, что им известны все адреса. Это, конечно, вызвало ответную реакцию. Подробно моя точка зрения изложена в публикациях, которые я могу предоставить. Последние: «Новое время» № 16 и 23, 1991 г.

Реплика: Очень хорошо известно, что обвинить человека в фашизме можно одним предложением: «Вы — фашист». Но отмывать это потом нужно очень долго. Вы выступали полчаса и сделали так много фактических ошибок, и мне не хватит пяти минут, чтобы ответить на это. Поэтому я предложил вам все это написать. Что касается похода грузинской милиции. Это не поход. Там зона чрезвычайного положения, и вы ничего не говорите о тех людях, которые стреляли в милицию и вооружались, чтобы ее встретить. Стрелявшие в милицию были вооружены ракетами, вы это прекрасно знаете, но умалчиваете. Кто их снабжает ракетами? Советская армия и внутренние войска МВД СССР.

Е.Захаров: Очень важно, чтобы доклад Леонова был представлен и направлен в Грузию.

Л.Богораз: Я думаю, что эту дискуссию надо довести до конца. Надо дать возможность людям выступить. Я крайне удивлена, что слышу здесь обсуждение доклада Леонова или позиции демократической прессы и т.д. Я ничего не слышу о том, действительно ли происходит кровопролитие в Грузии или это неправда?

Реплика из зала: Действительно происходит.

Л.Богораз: А если оно происходит, то обсуждение сегодня может быть посвящено только одному вопросу: как его прекратить.

А.Имнадзе: Я еще раз повторяю, что за пять минут это объяснить невозможно. Дайте время, и мы покажем тот путь, который считаем возможным. Скажу в двух словах. Такой подход, как был вчера, непродуктивен. Москва, Кремль ищет повод и оправдание, чтобы ввести войска в Грузию и разгромить новое правительство. Эта позиция совпадает с российской демократической и с желанием оппозиции Грузии, и это может развязать руки антиправительственным силам.

И.Мелашвили: Должно быть решение Верховного Совета СССР, что он признает территориальную целостность Грузии, чтобы не было у людей иллюзии, что центр поддерживает сепаратистские настроения. Второе: Верховный Совет Грузии должен принять законодательные акты, гарантирующие права не только национальных меньшинств, но и всех граждан Грузии. Третье: четырехсторонняя комиссия из депутатов СССР, Рос-

сии, Грузии и представителей Южной Осетии должна начать переговоры о мерах по урегулированию местной ситуации, т.е. о моратории на вооруженные действия, и о политических структурах. Предложение о моратории уже было, но не прошло, потому что со стороны Осетии не было всех сил, участвующих в вооруженном конфликте. Но если не будет принято решение о территориальной целостности Грузии, Осетия будет иметь повод для продолжения борьбы. В это же время на территорию Южной Осетии должны быть введены силы МВД России и Грузии вместе, и патрулирование должно быть совместным, и обоюдный контроль друг над другом. И депутаты должны быть при этом. Но пока что со стороны депутатов СССР и России получен отказ, «потому что они не имеют на это времени». Если же в Цхинвали будет предоставлена только грузинская сторона, ничего не решится. И еще одно, очень важное: контроль над перевалами, контроль над районами конфликта, опять же силами как союзного, так и республиканского правительств, обоюдный контроль. Есть еще и другие факторы, о которых нужно говорить. Я член комиссии, которая работает над решением этого вопроса.

Г.Мамулия: Я скептически отношусь ко всем замечаниям, которые делаются как в союзной прессе, так и в прессе Грузии. Думаю, что конфликт можно урегулировать только на основе доверия, где нет доверия, урегулирования не будет. У осетинского и абхазского народа, который не принимал участия в выборах ни на каких уровнях, не может быть надежды на нынешнее руководство Грузии. Это должно подтвердиться делами, а не словами. Пока то, что мы видим, не вызывает доверия. Мне лично кажется, что пока нынешнее правительство, категорически не откажется от своих слов и не принесет извинения этим народам за слова, которые произносились на митингах и печатались, урегулирования быть не может.

К.Ломая: Путь решения конфликта был намечен в марте этого года, на встрече Ельцина и Гамсахурдия. В протоколе было записано: полное разоружение всех неформальных отрядов, полный контроль совместными силами МВД России и Грузии при участии Северной Осетии, возвращение всех беженцев в места их прежнего проживания, компенсация утраченного, расходы на восстановление жилья, покупку имущества и т.д. и постоянный контроль над исполнением этого протокола со стороны всех участвующих сил. В Грузии проживает всего около 165 тыс. осетин, 65 тыс. на территории Осетии. Необходим референдум среди

всего осетинского населения о том, нужна ли автономия. Мне кажется, здесь трудно еще что-то придумать.

Д.Леонов: 31 марта в Южную Осетию были введены дополнительные подразделения советских войск. После этого положение существенно изменилось. Фактически оттеснен от власти облсовет, вернулся к власти обком и конфликт все больше делается конфликтом правительств СССР и Грузии, межгосударственным конфликтом. В таких случаях необходимо применять международный механизм улаживания. Нужна была бы для начала миссия международных наблюдателей, чтобы просто описать ситуацию, а потом, видимо, необходимо что-то вроде войск ООН, но об этом сейчас трудно говорить. Главное, должно быть сообщение международных наблюдателей, заслуживающих доверия, в течение нескольких месяцев их там не было, и что там происходит на самом деле, вероятно, никто не может сказать.

... Трижды был получен отказ по поводу международной комиссии, а что касается международных сил, то это, к сожалению, нереально. Это было бы вмешательство во внутренние дела Советского Союза. Давайте искать реальные пути. Очень хорошо, если бы войска Европы вошли в Южную Осетию, но это нереально, и все об этом знают. Просьбу о комиссии мы посылали в ООН и другие международные организации, все отказываются — это вмешательство во внутренние дела Советского Союза.

Е.Захаров: Мне представляется, что этот вопрос должен быть поставлен всеми нами, Московской Хельсинкской группой.

С.Ахильгов: Я хотел бы сделать небольшую поправку к выступлению коллеги Шелова-Коведяева*. Он сказал, что казаки веками жили на Северном Кавказе. Я подготовил для него справку, как после завоевания Северного Кавказа были переименованы жилые пункты в станицы. Те казаки, о которых сегодня идет речь, и которых разыгрывают как козырную карту руководители Северной Осетии — это подставной факт для того, чтобы сегодня не решился вопрос народов Северного Кавказа, в том числе ингушского. Почему же с 1944 г. по сегодняшний день ни один казак не проживает на той территории, о которой они так пекутся? Эти подтасовки вызывают национальные конфликты. Мы никогда не говорили об этом, я и сегодня об этом не говорил бы, если бы не был принят закон о реабилитации народов. Когда в Казбеге обсуждался вопрос об урегулировании обстановки в Южной Осе-

* Выступление Ф.В. Шелова-Коведяева см. на стр. 197.

тии, осетинские и грузинские представители заявили, что вооруженные боевики нерегулярного характера будут разоружены в течение короткого времени, в течении 9-10 дней. Еще был небольшой спор, достаточен ли этот факт, но слово было дано. Но, после попытки разоружить их, конфликт обострился и с тех пор продолжается.

Е.Захаров: Дадим возможность высказаться и коллегам из других регионов.

Н.Лапчинская: Я хочу вернуться к вопросу о языке. Коллега Частник возмущался тем, что на Украине не говорят по-украински, и даже депутаты Верховного Совета не хотят говорить на украинском языке. По заявлению нашего Гринева, он переходит на украинский язык, хотя он и называет себя космополитом. Я не вижу никакого ущемления прав украинского народа. Если украинцы и ущемлены в каких-то правах, то в таких же правах ущемлены и русские, и представители других национальностей. Мне кажется, что перегибать палку нельзя, и здесь надо поступить так, как поступает умная свекровь, принимая невестку в свою семью. Когда она, имея преимущества хозяйки в этом доме, идет на уступки, с тем, чтобы дать пример невестке так же толерантно вести себя по отношению к членам этой семьи. Если бы такой замечательный представитель писательского клана, как Яворивский, говорил со мной на украинском языке, я никогда бы не посмела рядом с ним говорить по-украински. Мне было бы безумно стыдно, потому что мой украинский язык — это язык официальный, я привыкла к газетному языку. И директор Львовского музея при встречах со мной тут же переходит на русский, я не могу рядом с ним позволить себе искажать украинский язык. Но тут должны пример подать украинцы, потому что русские гомо советикус находятся в ином положении, нежели украинцы. Особенно остро чувствует это интеллигенция, когда украинец, плохо зная грамматику родного языка, начинает свысока разговаривать с человеком, который не может себе позволить говорить точно так же неправильно. Мне кажется, что украинская интеллигенция должна первой пойти на контакт с русскоговорящей интеллигенцией. Потому что мы русские, но мы русские-украинцы. Мы те, кто живет здесь испокон веков, не те уже русские, что в Центральной России, и мы такими уже никогда не станем.

В.Шабаль: Я хотел бы сказать о так называемом спокойствии на Украине. Наш центр коснулся не только языкового барьера, он еще и озабочен тем, как удержать свое кресло. Это кресло

удерживать трудно. Западная Украина, в общем-то, победила. Но у нас, в некоторых регионах Восточной Украины, преобладает — так, наверное, можно сказать, — фашизм. Потому что репрессии как были, так и продолжаются. В различных формах. Был убит сын члена Украинской республиканской партии. Подтасовали статью, посадили и убили. И психушка у нас сейчас на высоте, в частности в Сумах. Две женщины из демократов там уже побывали. Под всякими предлогами стараются отказать в регистрации демократическим организациям. При регистрации стараются создать конфликтную ситуацию, при которой милиция уже наготове и хватает наших демократов, прямо в исполкоме. Милиция у нас использует как исполнителей карательных акций людей, которые у них «на крючке», — тех же уголовников, которых используют как придаток милиции. Действует не сама милиция, а те, кто уже совершил преступление, и, чтобы не сесть, совершают новое преступление, уничтожая демократов. Здесь же и постоянные угрозы, учиняются драки. Это геноцид. Милиция в паспортных столах делает все для того, чтобы ущемить украинца, чтобы потом украинец шел против русского. В результате создается конфликтная ситуация. это делает МВД от нашего имени. Нам сейчас нужно создавать какую-то альтернативную структуру, которая не шла бы вразрез с конституцией, но имела бы право вносить поправки в законодательство.

Е.Захаров: Несколько реплик в связи с выступлением, на мой взгляд, чересчур тенденциозным и эмоциональным, предыдущего оратора. Во-первых, парня никто не убивал. Он тяжело болел в тюрьме и умер. И мы совершенно не знаем, сколько еще таких смертей в наших тюрьмах и лагерях. Статистика скрывается. Его убила наша система, которую не интересуют человеческие жизни.

Во-вторых, положение с политическими правами человека неравномерно на Украине. В отдельных городах дело обстоит благополучно, но в маленьких городах — Сумы, Полтава, Черновцы — положение гораздо хуже. Я считаю необходимым создание при украинском парламенте некоей структуры — Украинского центра защиты прав человека, представители которого выезжали бы по заявлениям организаций и граждан. Например, недавно была предпринята поездка о.Мстислава, главы украинской автокефальной православной церкви по Восточной Украине. В Полтаве его просто не приняли, запретили встречу с тамошней общиной. В Харькове был другой конф

ликт — где он должен был встретиться с верующими — в Успенском соборе или в оперном театре, но сюда он приехал, а в Полтаву его даже не пустили.

В-третьих, насчет центра и его роли в противопоставлении русских и украинцев. Думаю, что тут имеет место некоторая замедленность развития, свойственная нашим органам. Политика КПУ, которая была направлена против «Руха», потом в целом ушла, но, видимо, в маленьких городах она осталась. Так я предполагаю. Но этот вопрос требует изучения.

А. Даниэль: Семинар еще не закончен, еще будет несколько докладов, но хотелось бы подвести итоги столь злободневных обсуждений за нашим круглым столом. Здесь неоднократно звучала мысль, что все сегодняшние межнациональные конфликты прямо или косвенно спровоцированы. Тем самым партийным аппаратом, который все еще держит в руках рычаги власти. Надо понять, что все, кто дал себя вовлечь в эти конфликты, на самом деле являются игрушкой в руках аппарата, какие бы позиции они ни занимали, как бы они ни проклинали этот аппарат. И надо думать не о том, кто прав и кто виноват, а о том, как это остановить. Кто это может сделать? Сегодня во главе народа не аристократия, не священнослужители, как в прежние времена, а интеллигенция. Интеллигенция потому ею и является, что опирается на достижения всего человечества, и, казалось бы, ей легче всего встать в центре урегулирования конфликтов и убедить свои народы как-то договориться. А что мы видим на самом деле? В начале 1988 г., еще до Сумгаита, мне довелось прочесть телеграммы, которыми обменялись армянская и азербайджанская академии наук. Волосы встают дыбом от тех обвинений и оскорблений, которые там были, причем в адрес народов как таковых. Это страшно. И что мы видим здесь? Мы собрались для того, чтобы искать пути решения споров, и собрались интеллигенты, я об этом говорил и никто мне не возразил. Между тем, мы видим, что многие приехали не для того, чтобы искать общий язык, а чтобы доказать во что бы то ни стало, что правы они. Вся дискуссия, которую мы сейчас слышали, прошла в этом ключе. Доклад Леонова был построен как исследование, он не становился на чью-либо сторону, он подчеркивал, что зверства совершали и те, и другие. И вызвал он возмущение потому, что не встал на точку зрения выступавших. Очень много было выступлений, в которых говорилось, как нам плохо, как нас притесняют, с позиций того, что нам выгодно сейчас. Не надо выяснять, кто прав и кто виноват.

Если мы этим займемся, то перестанем быть интеллигентами и правозащитниками.

Л.Богораз: Я как раз хотела говорить о моральной ответственности интеллигенции — надо говорить не о том, что у меня болит, а о том, что болит у другого. Мы должны отстаивать не свои права, а права любого человека. Почему у нас нет чувства чужой боли и своей вины? Мы говорим о тяжелом положении русскоязычного населения: люди оказались чужими на своей родине. Естественно, каждый из живущих там, ни в чем не виноват. Но почему молчала русская интеллигенция этих территорий в то время, когда велась оккупационная политика, в Средней Азии, скажем? Когда приезжали выходцы из России, они селились в чужие дома и на чужие земли, почему мы молчали тогда, а говорим теперь, когда стало и русским плохо? Если будет так, то мы всегда будем считаться врагами в той стране, где мы оказались. Надо искать точки соприкосновения, надо слушать другого, даже если это очень больно, даже если нам кажется это несправедливым, нужно слушать, если мы хотим, чтобы и нас слушали тоже. Вся ответственность, как всегда, лежит на интеллигенции. Если мы не сумеем это понять, мы ничего не сможем сделать, потому что «качаем права» для себя.

Самоопределение народов Сибири

Лебедев К.Е., *Томск. Комиссия по правам человека
и межнациональным отношениям Томского областного совета.*

Сегодняшний разговор о суверенитетах, независимости, взаимоотношениях с Центром очень напоминают ситуацию, которая была в 1917 году. Когда империя распадается, этот процесс не останавливается на границах национальной государственности.

В то время Россия разваливалась на три типа национально-государственных образований: 1) по чисто национальному признаку (Финляндия, Польша); 2) по территориально-национальному признаку: Горская, Кубано-Черноморская республика, Украина, которая после Гражданской войны фактически делилась на Западную Украину, Донецко-Криворожскую республику с русскоговорящим населением (вплоть до Харькова,) и Центральный регион — вокруг Киева; 3) третий тип — просто территориальные образования (Петроградская коммуна, Сибирская автономия).

Что это за явление — третий тип? Была ли здесь какая-либо региональная идеология? Была, она сводилась к следующему: мы хотим развиваться самостоятельно; иметь свои права и законы, писать, что хочется, а не то, что прикажут из России, воспитывать детей по своему желанию, по-своему собирать налоги, тратить их только на себя. Так писал в 1865 г. широко известный в прошлом веке писатель Потанин*, известный в Сибири не менее, чем Лев Толстой в России. Он завоевал свою известность бескомпромиссной борьбой за независимость Сибири. Идеи Сибирского областничества сформировались в середине 60-х г.г. прошлого века в среде студентов, обучавшихся в университетах Петербурга и Казани. Эпоха общественного подъема заставила интеллигенцию Сибири обратить внимание на недостатки ее общественной жизни, на отсталость в просвещении, на приниженное положение в ряду других областей империи. Изучая экономику Сибири, областники пришли

* Потанин Г.Н. (1835-1920) — русский исследователь центральной Азии и Сибири. (Ред.)

к выводу, легшему в основу областничества: Сибирь является колонией царской России. И, будучи колонией, должна вести борьбу за независимость. Основными отмечаемыми недостатками ситуации в Сибири являлись: уголовная ссылка, обуславливающая низкий интеллектуально-духовный уровень Сибири, подчиненность Сибири интересам мануфактурного рынка, а также отсутствие местной интеллигенции. Так наметились основные тезисы областнической программы, которая намечала следующие условия борьбы за независимость: первое — необходимость отмены уголовной ссылки, что рассматривалось как краеугольный вопрос для Сибири; второе — уничтожение экономической зависимости Сибири от России, освобождение ее от мануфактурного ига; третье — предотвращение оттока трудоспособной молодежи из Сибири в Россию; четвертое — улучшение условий жизни туземного, коренного населения Сибири. Идеи независимости Сибири целиком и полностью соответствовали идеям, развивавшимся в лагере революционных демократов. В 1863 г. областники возвратились в Сибирь для подготовки восстания. Они решили поднять крестьян, рабочих золотых приисков, раскольников, коренное нерусское население, а также политических ссыльных. Для этого они пытались организовать тайное всероссийское общество «Независимость Сибири» и создают кружки в Омске, Красноярске, Барнауле, Иркутске, устанавливая связи с сосланными деятелями революционного движения, ищут сторонников в армейских частях, расквартированных по городам. Одновременно они пытаются разбудить общественное мнение лекционной пропагандой. Центром областничества становится Томск. Там устанавливаются связи с польскими политическими ссыльными, сосланными сюда после подавления восстания 1863 года. В 1885 г. заговор областников был раскрыт, созданная комиссия привлекла к суду сорок три человека, двадцать из которых были осуждены, в том числе и Г.Потанин. После отбытия срока ссылки деятели областничества продолжали свою работу. Цель осталась прежней — независимость. Теперь они стремились пропагандировать местный патриотизм. Ядринцев* стал выпускать газету «Восточное обозрение», со страниц которого храбро обличал произвол местной администрации. Деятельность областников вплоть до Октябрьского переворота в научной и политической деятельности была многогранной. Они участвовали в создании первого в Сибири университета в Том-

* Ядринцев Н.М.(1842-1902) — сибирский общественный деятель, публицист. (Ред.)

ске, в образовании научных обществ. В их газетах «Сибирская жизнь», «Восточное обозрение» и других в полный голос заговорила политическая каторга и ссылка. Огромное воздействие идеи областничества оказали на деятельность просветителя Макушина*, чье жизненное кредо было: «Ни одного неграмотного». С 1902 г., после смерти Ядринцева, Потанин живет в Томске до своей кончины в 1920 г. В начале XX века на политическую арену вышло новое поколение революционеров. В идеях областничества многие политические партии видели целый ряд положений, которым они сочувствовали. Было бы исторически неверно изображать идеологию областников как идеологию какой-либо партии, скажем, сибирских кадетов или эсеров. По существу это была антимонархическая надпартийная идеология сибирской интеллигенции. После революции 1905 г. идея независимости Сибири превратилась в идею автономии в рамках свободного государства: свободная Сибирь в свободной России. Потанин обосновывает идею созыва Сибирской областной думы, которая могла бы взять на себя издание законов в интересах края, создание сибирской автономии. Этим идеям Потанина не суждено было тогда воплотиться в жизнь. Попытку реализации этих идей Потанин предпринял в 1917 году, после Февральской революции. Прообразом Сибирской автономии явился государственный строй, установленный революционным творчеством народа в Сибири накануне Октябрьской революции. В марте-апреле 1917 года свободным путем избирается Томское народное собрание, составившее оппозицию Временному правительству, образованную на надпартийной основе с широким участием беспартийных. Народное собрание, почетным председателем которого был Потанин, приняло целый ряд законов в защиту интересов рабочих и крестьян. Был введен 8-часовой рабочий день, установлены твердые цены на продовольствие. У спекулянтов и перекупщиков хлеба были конфискованы запасы продовольствия. Малоземельные крестьяне были снабжены зерном и продовольствием, а также наделами. Эти меры встречали резкое сопротивление со стороны Временного правительства, которое объявило все решения Томского народного собрания незаконными. Но, опираясь на силы Томского военного гарнизона, Народное собрание провело все эти меры в жизнь. В июне 1917 года Томское народное собрание приняло решение о превращении

* Макушин П.И. — видный деятель народного просвещения в Сибири, открыл первый в Сибири книжный магазин, основал газету «Томский справочный листок». (Ред.)

Сибири в автономное государство. В августе 1917 года состоялась общесибирская конференция областников, где было вынесено решение создать Сибирскую думу и был принят государственный флаг автономной Сибири — бело-зеленое знамя. После установления большевистского режима в Сибири, идеи областничества были похоронены. Центр сделал все чтобы наследие Потанина и Ядринцева оказалось неизвестным сибирякам. Последствия такой забывчивости оказались для Сибири катастрофическими. Она по-прежнему остается колонией, правда, не царского правительства, а центральных ведомств, хищнически расхищающих огромные сибирские богатства — нефть, лес, золото и др.; она по-прежнему остается местом ссылки, и уголовные элементы вносят в жизнь огромную деморализацию; к этому добавился еще и целый букет экологических проблем, которые центральные ведомства не спешат решать. Выходом из того тяжелого положения, в котором оказалась Сибирь, может быть создание Сибирской республики. Только такая республика, созданная на многонациональной основе позволит сибирякам стать хозяевами края. Путем регионального хозрасчета Сибирь сможет преодолеть кризис народного хозяйства. Статья I Международных пактов о гражданских и экономических правах, говорит о том, что все народы могут в своих целях распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами. Такого права мы, сибиряки, лишены. Идеи Потанина и Ядринцева должны быть взяты демократической общественностью на вооружение.

Обсуждение доклада

Вопрос: Чем отличается народ Сибири от народа Центральной России?

КЛебедев: По-разному дал Господь жителям Сибири и народам Центральной России. Мне кажется, что этот аргумент вы не сможете оспорить.

Вопрос: Какую роль играют сибирские депутаты в Верховных Советах СССР и РСФСР? Второй вопрос: Как вы расцениваете пребывание у вас Патриарха?

КЛебедев: Депутаты, избранные от Сибирского региона, не образовали какой-либо структуры ни на уровне Верховного Совета СССР, ни на уровне Верховного Совета РСФСР. В то же время мы можем сказать, что фракции сибирских депутатов

существовали во всех Государственных думах. Образующим элементом в этих фракциях выступал патриотизм. Сегодня же этот процесс совершенно не идет. Действует психология временного жителя, многие депутаты рассматривают свое жителство в Сибири как стартовое. Теперь по поводу пребывания патриарха Алексия. Я не берусь давать глубокие оценки, но мне кажется, что его миссия была связана с нестабильностью ситуации.

Вопрос: Насколько сейчас популярна идея автономии Сибири?

К.Лебедев: В прошлом году в июне в Томске прошло значительное мероприятие — «Потанинские чтения». После них наша главная общественная структура называется «Союз объединения Сибири». Работа эта очень серьезная, требует средств. «Союз объединения Сибири» не владеет средствами массовой информации, поэтому он свою просветительскую функцию не может выполнить. В ноябре 1990 года Президиум Томского областного Совета принял обращение с предложением обратиться советам всех уровней в Томске на консультативную встречу и создать оргкомитет по подготовке общесибирской конференции. Приглашения были разосланы, и тут наши коммунистические оппоненты не позволили создать оргкомитет и провести конференцию. А 2 октября 1990 г. по линии партийной связи были созваны председатели советов Сибирских регионов в Кемерово, и буквально за полтора часа было принято так называемое «Сибирское соглашение», за которым ничего не стоит, потому что межобластных связей практически не существует, все области завязаны на Центр. 75% предприятий — союзного подчинения, половина из них — предприятия оборонного комплекса.

Вопрос: Расскажите вкратце, как вы представляете себе правовые отношения той республики, которую вы хотите создать, с центром, с РСФСР и т.д.

К.Лебедев: Представляется, что эти отношения должны строиться по конфедеративному принципу.

А.Гладкий: Я в Сибири прожил полжизни и ощущаю ее как свою родину. И надеюсь туда вернуться когда-нибудь. Мне очень близки и понятны идеи областников. У них были очень серьезные основания думать о независимости Сибири, почти такие же серьезные, как у колонистов Северной Америки. Сибирь всегда отличалась от России и укладом хозяйства — там не было крепостного права, население было более предприимчи-

вым. И если бы возникли Соединенные Штаты Сибири, это было бы благом для всех. Но ведь много воды утекло с того времени, все сильно изменилось, перемешалось. В больших сибирских городах не так много сегодня себрияков. Считаю, что надо очень и очень подумать.

Б.Перов: У меня маленькая реплика. Все понимают, что в Сибири переплетаются интересы всех народов страны. Нефть — 315 млн тонн в год. Если произойдет катастрофа, то это сопоставимо с ситуацией Персидского залива. Но нужно помнить, что условия жизни себрияков не идут ни в какое сравнение с условиями жизни жителей европейской части страны. Аморально быть колонией, но еще более аморально быть колонизатором. Прошу об этом помнить.

Модели и пути решения межнациональных конфликтов

Аблова Н.А., Бишкек, Историко–просветительское общество «Мемориал»

Своим докладом я хотела бы вас даже несколько порадовать. Я буду говорить о том, что не удалось многим республикам, но удалось нашей. Смешно было бы говорить о том, что мы находимся в состоянии национальной идиллии. Понимаю и то, что решая какие-то одни вопросы, мы неизбежно сталкиваемся с другими. Но раз мы начали демократическое решение этих проблем, нам надо спокойно воспринимать разность мнений и оценок. Прежде всего небольшое замечание: в вестибюле висит обращение, в котором неправильно названа наша республика: надо не Киргизская ССР, а республика Кыргызстан. Я просила бы об этом помнить так же, как все это помнят, когда заходит речь о республиках Прибалтики.

Конечно, мы все прекрасно понимаем, что русскоговорящее население национальных республик и коренное население включились в демократическое движение по-разному, преследуя различные цели. Русскоговорящие прежде всего выступали за общедемократические принципы — свободы, прав человека, гласности т.д. Национальные демократические движения, безусловно, преследуя и эти цели, все-таки имели в виду национальное возрождение. И тем русским, живущим в республиках, которые не хотят или не могут этого видеть, действительно уготована печальная роль жалобщиков, которые даже с этой трибуны обращаются за помощью к международным или межреспубликанским организациям. Я, безусловно, не хочу обидеть моих коллег из республик и отказать им в праве постановки такой проблемы, но постановка проблемы должна быть корректна. Никто на свете не спасет вас, уважаемые коллеги, от того непонимания, с которым вы всегда будете сталкиваться, если не знаете языка коренной нации, и тут апелляция к каким-либо международным организациям бесполезна, они вас не поймут. Во всем мире практика такова, что, живя в том или ином независимом государстве, люди стараются выучить его язык. Это не значит, что я сама в совершенстве знаю киргизский язык, но я понимаю, что говорят, и

могу общаться на этом языке. Начну с того, как нам удалось снять многие пункты напряженности, разрешить многие конфликты, хотя нам усиленно их навязывали, потому что национальная карта — козырная карта у тех сил, которые хотели бы остаться у власти. Они ее разыгрывают, прежде всего с нами, с русскоговорящими. Естественно, если мы не будем понимать этого, то грош нам цена, и нет смысла говорить о демократических попытках разрешения конфликтов. Во время выборов прошлого года у нас сложилась ситуация близкая к той, что предшествовала душанбинским событиям. Были несанкционированные митинги, велась обработка людей на закрытых военных заводах, где в основном работает русскоязычное население. Им внушали, что киргизы выступают с шовинистическими лозунгами и что русских спасет только коммунистическая партия. Демократические силы вели мощную и успешную работу против кандидатов от партийных и номенклатурных структур. Очень устроило бы наши тогдашние власти, если бы мы стали выяснять отношения с киргизскими организациями, которые тогда только нарождались и не имели такого веса, как сейчас. Тогда можно было бы ввести военное положение, как в Душанбе, отменить выборы или перенести их на более поздний срок, как это сделали в Азербайджане. Нам же удалось разыскать, находившиеся тогда в зачаточном состоянии некоторые организации киргизской молодежи и обратиться к населению нашего города с совместным обращением на двух языках. Мы расклеивали это обращение в подъездах, раздавали в проходных заводах, на улицах. И, когда власти поняли, что их политика не прошла, они прекратили нагнетать национальные страсти. Я не хочу сказать, что это целиком наша заслуга, но мы считаем себя причастными к тому, что события в Душанбе не повторились у нас. Как вы знаете, не удалось избежать трагедии в Оше. Я знаю одно: если бы сразу после трагедии, когда уже можно было говорить с людьми, лидеры нашей организации не выехали бы сразу в Андижанскую область, не связались с лидерами узбекских демократических организаций, если бы не встреча в Алма-Ате всех демократических движений Средней Азии в июле-августе прошлого года, то, может быть, мы сегодня имели бы конфликт, подобный армяно-азербайджанскому. Нам ехать на алмаатинскую встречу было очень тяжело. Мы знали, что туда приедут наши узбекские коллеги, и все они, видевшие, что происходило, обвинят прежде всего нас. Потому что мы как-никак являемся хозяевами той республики, на земле которой лилась кровь. Но мы туда поехали и выслушали

все что нам говорилось. И с ответными обвинениями постарались не выступать. Мы поставили другой вопрос — как жить дальше? И вот сейчас, в годовщину ошских событий, мы знали, что эту годовщину со страхом ждут одни и с жадным нетерпением, чтобы свести счеты, другие. Мы поехали в Ош и попытались найти ту организацию, деятельность которой была запрещена — организацию узбекской общественности «Адолат». Мы поняли, что эта организация, как и многие незарегистрированные неформальные организации, вполне подходит для того, чтобы власти, неспособные принять меры по предотвращению конфликта, переложили на них всю вину за свое бездействие. Годовщина прошла спокойно, это нас вдохновляет. Мы поддерживаем постоянные контакты с демократической организацией Узбекистана «Бирлик», с демократической партией Узбекистана «Эрк», и конгресс, который проводился в конце мая этого года в Бишкеке, это конгресс демократических движений Средней Азии и Казахстана. Мы будем работать среди нашего населения и стараться, чтобы ничего подобного ошским событиям не произошло. Очень тяжелая у нас обстановка на границе Таджикистана и Кыргызстана, где столкновения из-за земли и воды. Такие конфликты — всегда кровавые, особенно в Средней Азии. Поэтому сейчас мы предпринимаем упредительную поездку в эти районы, и опять вместе с демократической партией Таджикистана, потому что мы знаем, что рассчитывать на областные структуры мы пока еще не имеем оснований. Мы уверены, что и аксакалы, и молодежь придут выслушать нас. В случае с аксакалами, несомненно, имеет значение традиционный патриархальный уклад Средней Азии, а молодежь важна потому, что она всегда бывает орудием в этих конфликтах. Наш Президент Акаев тоже играет положительную роль в нашей ситуации. Он не раз заявлял, и его слова не расходились с делом, — что он не является президентом только кыргызов, а является президентом всех кыргызстанцев, и всегда подчеркивает это. При столь высоком индексе национальной мозаичности это единственная позиция, которая может способствовать нормализации положения. У нас создан Комитет при Президенте — Комитет гражданского согласия, куда входят представители всех культурных национальных центров, созданных в республике. Каждая республика сейчас является уникальной. И те конфликты, которые возникают в республиках, при всей схожести, уникальны. И я хочу призвать вас не копировать, и зш опыт, но помнить, что всегда есть возможность решить конфликт самим, и только, если это не

получится, обращаться в межреспубликанские и международные органы. Максимально владеть ситуацией, не бояться уронить достоинство, не бояться услышать в свой адрес какую-то отповедь.

Обсуждение доклада

о. Г.Эдельштейн: Я бы хотел обратить ваше внимание на два пути к решению любых конфликтов. Если в семье возникают неурядицы, муж говорит, что виновата жена, а жена говорит, что виноват муж. Если между русскими и узбеками возникают конфликты, то узбеки говорят, что виноваты русские, а русские винят узбеков. Думаю, эту аналогию легко продолжить. На этом построена коммунистическая идеология — нас всегда учили, что враг вон там. Его нужно найти и победить, а лучше уничтожить, тогда у нас будет все. На этом же принципе построено любое национал-социалистическое или фашистское, как его принято называть, общество. На этом построены идеологии «Памяти» и других аналогичных движений.

Диаметрально противоположно христианство. Любой христианин говорит: виноват я. И, подходя к чаше, каждый христианин говорит: «Первый грешник — это я». В семье христианин не будет ждать, пока жена скажет, что она виновата, а подумает, в чем виноват он. И любой христианский народ, — если это действительно христианский народ, — в первую очередь подумает, в чем он виноват в национальном конфликте. К сожалению, та идеология, которая семьдесят два года распространялась, еще страшнее тех разрушений, которые были совершены за все это время. Ломали церкви, но это еще не так страшно, церковь можно построить, но сломали душу человека. Я слушал здесь людей, приехавших из христианских республик. Много ли было выступлений, когда говорили: виноват я, виноваты мы, виноват мой народ? Я, священник, думаю осознание вины — это единственный путь к решению всех конфликтов. Та церковь, к которой я принадлежу, — церковь насквозь идеологизированная. Русская православная церковь сегодня ищет врагов. Виноваты то униаты, они захватывают наши храмы, то виновата украинская автокефальная церковь, она не так себя ведет, то виноваты дяди за бугром. Мы сегодня восстанавливаем сельские храмы — это необходимо, но вот мы собираемся восстановить храм Христа Спасителя. Я ду-

маю, что деньги, которые должны идти на такие роскошные храмы, намного лучше было бы отдать на строительство домов для беженцев, которым сегодня жить негде. (Аплодисменты.) Это же наши сограждане, единокровные и единоверные нам люди, но и это не важно. Христос заповедовал нам одно: любому без исключения человеку помогать, если он в беде. Сегодня наши братья и сестры голодные, холодные, а мы думаем о том, чтобы отстроить в Москве еще один роскошный храм 1000-летия Крещения Руси.

В.Дольников: У меня сложилось впечатление, что все здесь происходящее — это попытка группы оппонентов определенным способом обвинить новый демократический режим в Грузии, и в частности, его лидера Гамсахурдия, пользуясь теми же методами, которые ему инкриминируют. Не физически, а морально, т.е. формируя мнение, что в республике господствует тоталитаризм и даже называлось слово фашизм. Давайте разберемся, проанализировав для этого некоторые факты. Предводитель национальной гвардии был арестован лишь в феврале. Весь командный состав «Мхедриони» — люди с уголовным прошлым. Глава государства, отдав приказ разоружить преступные подразделения, не боролся с оппозицией, а выполнял свой долг перед народом Грузии. Господин Гогуадзе пытался представить дело так, будто в Грузии запрещена любая пресса, кроме правительственной. Называю газеты неправительственные: «Дросба», газета партии Национальной независимости, или «Мхедриони», «Сакартвело» и другие. Кто может сказать, что лидеры противостояния подвергались насилию, преследованию или аресту? Валериан Адвадзе — профессор, пользуется широкой поддержкой народа. Почему же этот широко поддерживаемый народом человек не нашел себе телохранителя среди поддерживающих? Вчера мы долго беседовали с участниками семинара, и пришли к выводу, что любой гражданин Грузии, имеющий концепцию по строительству экономики, мог бы реализовать ее. Что же мешает это сделать господину Адвадзе и другим? Овладевайте поддержкой масс, доказывайте массам (грузинам или негрузинам), что у вас есть реальный план по выводу страны из ямы, в которую она была загнана социализмом. Или же непременным условием для этого является место в парламенте или правительстве? Грузия приняла акт о независимости, это ее национальная политика. Ни о какой национальной дискриминации речь в акте не идет. Сейчас парламентом Грузии обсуждается закон о гражданст-

ве, где даже снят вопрос о необходимости овладения языком. Даже в остро конфликтной ситуации противостояния так называемой Южной Осетии парламент республики Грузия принял законные меры. Давайте не будем способствовать усилиям центра разваливающейся империи в попытках повернуть историю вспять.

В.Гогуадзе: Разумеется, нет смысла втягивать и эту аудиторию в такие детали, из которых трудно выбраться, поскольку участники семинара не имеют соприкосновений с теми якобы фактами, которые были здесь названы. Допустим, здесь утверждается, что в Грузии пресса свободна. За месяц голодовки профессора Джабы Иоселиани ни в одной газете, несмотря на конкретные обращения во многие из них, не появилось хотя бы две строчки об этой голодовке. В газетах вообще нет мнений, сколько-нибудь отличных от официального. Часть газет печатается не в Грузии, а в Прибалтике и других местах, которые я не назову, чтобы не возникло препятствий к выходу этих газет, хотя бы жалкими тиражами. Есть грузинская поговорка о том, что не надо выносить мусор напоказ. И я прошу прощения у вас, что приходится рассказывать о нашей грузинской современности, но Бог рассудит, где правда. Скоро всем все станет ясно.

Вопрос: Если газета не печатает вашу информацию, то, может быть, просто потому, что не хочет ее печатать, и имеет на это право? Или вы думаете, что Гамсахурдия приказал, чтобы все 83 газеты не печатали информацию? Почему эту информацию не напечатали те органы, которые вы назвали, которые печатаются не в Грузии?

Реплика: Мы уподобляемся консилиуму у постели больного, врачи спорят, что больному принимать, микстуру или пилюли, вместо того, чтобы облегчить его мучения. И в этом отношении опыт, о котором рассказала Аблова, оказался положительным именно потому, что они постарались устранить причину, вызвавшую волнения. Мы надеемся, что не придется изыскивать средства для строительства жилья для беженцев из Кыргызстана, как говорил о.Георгий, потому что из тех регионов этих беженцев уже не будет.

Новые движения — новые люди*

Алексеева Л.М., США, радиостанция «Свобода»

Тема моего доклада на самом деле немножко уже объявленной, но полностью в нее вписывается — это положение русских в советских национальных республиках. Однако ситуация сложилась несколько забавная — я приехала сюда из Вашингтона, чтобы людям, которые живут в этой стране, рассказывать об их проблемах. Честно говоря, мне это льстит, потому что у каждого эмигранта, я давно уехала, пятнадцать лет назад, существует законный страх, правильный страх — перестать ощущать свою страну, ее проблемы, ее людей. Это есть даже у тех, кто не имеет никаких специальных причин для продолжения связей со своей Родиной. Для меня это имеет еще и практический смысл, поскольку я веду еженедельные передачи по обеим американским радиостанциям, вещающим на Советский Союз: по «Свободе» я веду программу «Неформалам о неформалах» (теперь название другое — «Новые движения — новые люди»), рассказываю неформалам из Советского Союза друг о друге оттуда, из-за океана, а по «Голосу Америки» — правозащитную десятиминутную передачу каждую неделю. Поэтому, для меня как профессионала — это будет трагедия, если я перестану ощущать проблемы этой страны. И мне очень приятно, что меня пригласили на этот квалифицированный семинар в качестве докладчика. С другой стороны, я все-таки прошу снисхождения, если то, что я буду говорить, известно здесь присутствующим, потому что мой материал рассчитан на гораздо более массовую аудиторию, на аудиторию слушателей радиостанции «Свобода», и мой доклад сделан по материалам интервью с представителями организаций русскоязычного населения в республиках. Вопросы, которые я им задавала, и самое построение интервью рассчитаны именно на то, чтобы в одной республике узнали про другую. Это ведь не секрет, что мы хорошо, в деталях знаем и глубоко понимаем то, что происходит вокруг нас; но, к сожалению, информация, даже при наличии независимой прессы, до сих пор еще такая — я сталкиваюсь с этим

* Доклад вначале назывался «Мигранты, русские в национальных регионах». (Ред.)

все время — что люди в одной республике почти совсем не знают, что делается в другой. Ведь даже, если мы стоим на пороге разделения на пятнадцать или более частей, все равно наши судьбы и дальше будут зависеть от ситуации в каждой республике, которая, в свою очередь, будет зависеть от ситуации в остальных. Кроме того, ведь существует просто естественный человеческий интерес к тому, что происходит со всеми нами. Вот в Америке ведь интересуются тем, что происходит здесь, хотя это за океаном, казалось бы, их меньше должны наши проблемы волновать. Проблемы инационального населения в каждой из республик по мере углубления общего кризиса, по мере роста нужды и расшатывания устоев Советского Союза становятся все более гучими, все больше появляется горячих точек; новые появляются, а старые, увы, не становятся холоднее. Существенной частью этой проблемы во всех без исключения республиках, является проблема русскоязычного населения, то есть русских, живущих за пределами Российской республики. Эта проблема существует во всех республиках, всюду имеет и какие-то общие аспекты, и существенные различия, особенности, в каждой из республик. В этом я убедилась во время своей поездки полгода назад по Средней Азии и Казахстану. В частности, это можно видеть уже по национальному составу общественных объединений во всех этих республиках. В них коренное население составляет подавляющее большинство — не только в националистических объединениях, но и в объединениях типа народных фронтов, куда приглашают граждан всех национальностей. И в азиатских республиках, и в Прибалтике, и в Молдове эти народные фронты практически мононациональны, а русскоязычное население в каждой республике создает свои объединения. И повсюду эти объединения возникли как реакция граждан, не знающих языка коренного народа, на предоставление этому языку статуса государственно-го. В Казахстане я познакомилась с объединением русскоязычного населения «Единство», в Узбекистане — это «Интерсоюз», в Таджикистане — «Миграция». Еще общее наблюдение, которое подтвердила и Наташа Аблова на этом семинаре: что в общем ситуация русскоязычного населения в каждой республике самым тесным образом связана с тем, удастся ли его объединениям найти пути сотрудничества с демократическими организациями коренного населения. Раз уж так получилось, что даже демократические организации разделяются по языковому, этническому принципу, то чем ближе, чем теснее их сотрудничество, тем дальше от возникновения горячих точек в республиках и от мас-

сового отъезда оттуда русскоязычного населения, и наоборот. Самый печальный случай в этом отношении — в Таджикистане, где общество русскоязычного населения называется «Миграция». Это название отражает назначение этой организации. Её основатели и члены считают, что исход русского и, вообще, европейского населения из Таджикистана неизбежен. И чтобы он не превратился в бегство, а они в беженцев, нужно добиваться юридического статуса вынужденных переселенцев, соответствующих льгот, и выезжать организованно, с наименьшими моральными и материальными потерями. Я думаю, что эта организация накопила очень важный опыт; она регистрирует людей, желающих отсюда уехать, выясняет их специальности, их семейный состав и связывается с разными районами России, узнает, где эти специалисты нужны и, предоставляют ли там хоть какое-то жилье, «Миграция» помогает людям туда перебраться. Все это важно, если даже надеяться на лучшее — что не будет массовой миграции русскоязычного населения из всех республик, потому что это было бы трагедией и для республик и для России, но прежде всего для самих мигрантов, о чем мы, правозащитники, должны думать в первую очередь — мы должны думать о том, как это отразится на судьбе каждого человека. Но даже если отъезд не станет массовым, проблема все равно останется, ибо в нынешней клокочущей ситуации значительный отток населения, по тем или иным причинам, неизбежен, и я думаю, что опыт «Миграции» пригодится даже там, где задачи русскоязычного объединения другие: сохранить русскоязычное население в этой республике и добиться для него приемлемых условий жизни. Все равно какая-то часть, я думаю, в каждом объединении должна заниматься людьми, которые хотят уехать, и добиваться для них статуса вынужденного переселенца, и дать возможность людям уезжать спокойно, по-человечески. Но почему именно в Таджикистане создалась «Миграция», а не какие-то другие объединения? Я к этому вернусь, когда расскажу о других организациях.

Ситуация в Казахстане. Там, как вы знаете, русских живет примерно столько же, сколько и казахов, то есть по 40 % населения составляют и те, и другие, а 20 % приходится чуть ли не на сто остальных национальностей. Там создана организация «Единство», объединяющая русскоязычное население. Организация небольшая, и она была создана в результате резолюции, принятой на общем партийном собрании проектного института в Алма-Ате, в котором большинство сотрудников составляют русские. Это не значит, что там состоят только коммунисты, но всего там человек двести. Именно так возникло ядро этой организа-

ции, что накладывает какой-то отпечаток на ее работу, на ее методы, состав и т.д. Но это не единственная организация в Казахстане, в которой участвуют общественно-активные русские. В Караганде имеется «Союз трудящихся Карагандинской области» — очень важная организация — она почти сплошь русскоязычная. Но русских почти нет в самом широком политическом объединении республики — народно-демократическом объединении «Азат», что значит «Возрождение». Это объединение типа народного фронта. Туда приглашают русских, но их там нет. И русские, и казахи, и представители других народов входят в социал-демократическую партию Казахстана, в общество «Мемориал» и «Адилет», которое сходно с «Мемориалом», в экологические объединения и т.д. То есть, потому, что русских в Казахстане много, а в Алма-Ате даже большинство, здесь русские все-таки не замкнулись в своей русскоязычной среде с целью защиты прав русскоязычного населения. В этих организациях они живут нормальной политической жизнью, участвуют в общественно-политических мероприятиях, в решении проблем республики наравне с казахами.

В Узбекистане, в отличие от Казахстана, русские общественно-активные граждане сосредоточены, в основном, в объединении «Интерсоюз». Но, в отличие от Таджикистана, где русские не нашли контакта ни с одним из общественных объединений таджиков, «Интерсоюз» не отделился от узбекских общественных организаций непроницаемой стеной. И хотя у них существуют какие-то взаимные претензии, они все-таки сотрудничают. У «Интерсоюза» имеются деловые связи с самой массовой общественной организацией Узбекистана — «Бирликом». Они время от времени проводят совместные митинги, посвященные темам, по которым точки зрения этих объединений совпадают или близки, сотрудничают с женской организацией «Тумарис», с Крестьянской демократической партией Узбекистана, с демократической партией Узбекистана «Эрк». Последнее, честно говоря, меня удивило, потому что основная цель «Эрк» — отделение Узбекистана от Советского Союза, причем они говорят: «Сначала отделение, потом демократия». А ведь «Интерсоюз» защищает идею сохранения Узбекистана, как суверенного государства, в составе Союза с обеспечением равных прав для всех жителей республики, независимо от их языка и национальности. Но меня порадовало, что их терпимость простирается до сотрудничества с «Эрк», — они стараются находить точки соприкосновения, возможность каких-то деловых контактов.

Теперь о «Миграции». Как рассказала одна из лидеров этой организации Галина Николаевна Белгородская, депутат горсовета Душанбе, сразу после февральских событий 1990 года в Душанбе, когда погромы, я бы сказала, приняли даже не антирусский, антиевропейский характер, то они попытались создать «Интерсоюз» для того, чтобы обеспечить невозможность повторения таких событий, чтобы русскоязычное население могло жить в республике спокойно. Однако власти встретили в штыки эту идею. Они против объединения русскоязычного населения, как, впрочем, и таджикских независимых объединений, но, как сказала Галина Николаевна, ни одна из таджикских организаций их не поддержала, и «Интерсоюз» не был создан. Вместо него было создано общество «Миграция», которое занимается вопросами, связанными с отъездом населения. Это трагедия для Таджикистана. Я была там пять дней. Мы приехали в гостиницу, попросили номер с телефоном. Нам долго искали такой номер, хотя телефоны имеются во всех номерах, но большинство из них не работает. Причины таких поисков они нам объяснили тем, что специалисты, работавшие по ремонту телефонов, все были русские, которые в большинстве своем уехали, и теперь, когда телефон ломается, то его чинить некому, поэтому они искали номера, где еще не сломался телефон. А ведь русские работают не только на телефонной станции, но и на электростанции и т.д. Это буквально трагедия как для республики, так и для русскоязычного населения. Галина Николаевна рассказала, что ее дед родился и жил в Таджикистане, там же родились ее родители и она сама, и вот теперь она добивается компактного переселения русских из Таджикистана, чтобы селиться в России целыми общностями, поселками. Это сейчас главная их проблема. Рассеянного переселения можно добиться, но как добиться компактного? Это гораздо труднее. Я ее спросила, а почему необходимо компактное поселение, и она ответила: «Мы же уже в третьем поколении здесь живем, и мы не совсем русские, мы некомфортно ощущаем себя в России». Вы понимаете? Эти люди теряют Родину и не приобретают Родину. Они возвращаются не к себе, домой, они возвращаются в страну, которая для них тоже не своя. Для них Таджикистан — Родина и, наверное, самый лучший путь — это все-таки поиски контактов с демократическими организациями, чтобы все-таки в этой республике создавать себе сносные условия существования. За эти пять дней, которые я там была, я познакомилась с двумя организациями таджиков. Это общество «Растохез» и Демократическая пар-

тия Таджикистана. Общество «Растохез» было создано осенью 1989 года, а в январе произошли эти душанбинские события, и властям удалось, подняв травлю в прессе против «Растохеза», убедить значительную часть русскоязычного населения, что «Растохез» был поджигателем этих февральских событий (русские, с которыми я говорила, почти единодушно высказывали эту точку зрения). В то же время, общественное расследование, достаточно объективное, документально подтвердило, что «Растохез», наоборот, старался погасить эти волнения. Первоначально они старались защитить армянских беженцев, против которых и начались волнения, но властям удалось направить подозрения русскоязычного населения и его гнев против «Растохеза», чтобы отвести от себя вину. Все, конечно, понимают, что именно власти — основные виновники этих событий. Но и подозрения против «Растохеза» остались. Его продолжают считать причастным к этим событиям и не ищут путей сотрудничества с ним. Но ведь «Растохез» — это демократическая таджикская интеллигенция, и с ним вполне можно было бы найти общий язык. К сожалению, и растохезовцы, оскорбленные такого рода подозрениями со стороны русскоязычных, не попытались рассеять подозрения, не приложили достаточно усилий для того, чтобы было создано здесь общество «Интерсоюз», а не «Миграция». Демократическая партия Таджикистана была создана уже после того, как таким ловким маневром властям почти удалось удушить «Растохез». А ведь он был задуман как объединение типа «народного фронта», как массовая организация. Но она не успела стать массовой, а стала сходить на нет после душанбинских событий. Демократы Таджикистана — и киргизы, и русские — сотрудничают с Демократической партией, а у общества «Миграция» не наладились связи с этой партией, хотя это действительно демократическая партия и найти с ней общий язык, я убеждена, было можно, ради пользы для обеих сторон. Опять же должна сказать, что в этом вина не только русских, но и самой Демократической партии Таджикистана, в которой мало представителей других народов, в том числе и русских. Обе стороны должны приложить усилия к сближению.

Теперь о Прибалтике. Там я не была, но очень много людей оттуда появляются в Вашингтоне, и я старалась не пропустить ни одного случая, чтобы поговорить с представителями каждой из трех республик о проблемах русскоязычных в Прибалтике. На примере Эстонии я скажу, какое представление об этом получила. Конечно, в начале «народными фронтами» бы-

ло сделано много ошибок. Люди так обрадовались возможности высказывать то, о чем они шепотом говорили друг другу в течение пятидесяти лет оккупации, что закричали об этом в полный голос. А русскоязычное население, знавшее, что его не любят, все-таки, когда услышало об этом, испытало шок. Естественно, произошло разделение. Но поскольку там значительную часть русскоязычного населения составляет армия и военно-промышленный комплекс, то организация этого населения выступает против независимости этих республик и занимает самую реакционную позицию. Но сейчас среди эстонцев и латышей очень сильна тенденция к тому, чтобы найти общий язык, не с крайними, с ними это невозможно, как, кстати сказать, и с радикалами, входящими в народные фронты этих республик. Основная же часть населения, промежуточная между теми и этими радикалами, вполне может между собой договориться и договаривается. Когда в Вашингтоне появился председатель самой радикальной эстонской организации — «Конгресс Эстонии» Туне Кэлам и, когда я ему сказала, что хочу взять у него интервью для радио «Свобода» и попросила его назвать тему, он сказал, не задумываясь: «Я хочу говорить о положении русских в Эстонии». И то время, которое он получил на радио «Свобода», он использовал чтобы сказать русским, что эстонцы готовы предоставить им все права и что они были бы рады, если бы русские остались в республике. Я думаю, что поворот в умах, который произошел в наиболее националистической части народного фронта — очень утешителен и дает результаты: вы знаете, что в Эстонии более 1/3 русских проголосовали за независимость Эстонии. В Латвии депутаты латвийского конгресса (Верховного Совета) — с несколькими из них я разговаривала, — считают, что у них сейчас эта проблема просто уже прошла свой пик и они договариваются со своими русскими. В частности, один из них — Алексей Григорьев — сказал, что, как это ни странно, помогли события, связанные с нападениями ОМОНа на различные объекты в Риге. Алексей Григорьев — наполовину латыш, наполовину русский, депутат Верховного Совета, выбранный от русскоязычного района по списку Народного Фронта Латвии, сказал: «Я никогда не видел на демонстрациях Народного Фронта Латвии такого обилия русских, как после этих событий». Я спросила, а как вы узнали, что они русские? — «А мы, — говорит, — каждый свой митинг сопровождаем синхронным переводом, и кто пришел на митинг с транзистором, тот, значит, русский, потому что многие из них до сих пор латышского языка не знают. Так вот людей с транзисто-

рами было ничуть не меньше, чем без транзисторов». Это нападение повернуло русских к латышам — вот неожиданный его результат. И последнее, что я хочу сказать. Я думаю, что очень важен этот технический момент — синхронный перевод, потому что, скажем, узбекский «Бирлик» горюет, что к ним на митинги русские не приходят. Но ведь они проводят митинги и собрания на узбекском языке. Вы можете сколько угодно винить русских за то, что они, родившиеся в Узбекистане и прожившие там долгие годы, не знают узбекского языка. Действительно, это плохо, если люди не любопытствуют узнать язык и культуру народа, среди которого они живут, на земле которого они родились. Сколько угодно можно возмущаться этим, но если люди не понимают, что говорится на митинге, они на него не пойдут. Сделайте синхронный перевод, как это ни тяжело организационно. Но это единственная возможность привлечь на митинги русских. С другой стороны, то же должны делать и русские, когда их демократические организации устраивают свои митинги. Да, многие узбеки понимают по-русски. Но если вы организуете синхронный перевод, они увидят, что вы их уважаете, и будут слушать выступающих на своем языке и будут чувствовать себя на этом митинге дома. Я думаю, что правозащитники должны, эту в общем-то простенькую идею нести в массы, и она даст свои результаты. Благодарю вас за внимание.

Содоклад к докладу Л.Алексеевой «Новые движения — новые люди»

*Частник С.К., доцент Харьковского института культуры,
общество «Просвіта»*

Мое выступление касается восточных регионов Украины. Как известно, с 1 января 1990 г. на Украине вступил в действие закон о языках. Украинский язык был объявлен государственным. Этот закон встречает некоторое психологическое неприятие, вполне ощутимое со стороны части аппарата, части русскоязычного населения и части либеральной русскоязычной интеллигенции. Основные аргументы, которые выдвигаются против государственности украинского языка сводятся к следующему: широкое распространение русского языка на Украине, двуязычие, преобладание русского населения в крупных городах и возражения типа: «Харьков — космополитический город», «русский», «интернациональный», то же относится к Донецку, Одессе и проч. Второй до-

вод, более серьезный: интеграционные процессы в странах Европы и тенденция к развитию мировых языков. Третий довод: государственность языка — это насилие над личностью, права человека выше прав нации. Четвертый: трудность украинского языка и неразработанность украинской терминологии.

Попытаемся опровергнуть эти доводы со ссылками на мировую практику. Первое: согласно переписи населения, на левобережной Украине преобладают две этнические группы — украинцы и русские. Украинцы составляют около 70%, в крупных городах их численность значительно снижается, но нигде не менее 50% (в Харькове — 52%). В селах процент украинского населения значительно выше, хотя и здесь значительна часть выходцев из России. Правда, они сохраняют свои диалекты, и не знаешь, следует ли их относить к так называемому русскоязычному населению. Господствующий язык в городах — русский, но на сильном украинском субстрате, это не тот русский язык, на котором говорят в Москве, точно так же, как в Грузии по-русски говорят с некоторым кавказским акцентом. Почти все население крупных городов понимает русский язык, т.е. является пассивно двуязычным. В селах нет двуязычия, скорее, это можно назвать полуязычием. Чем ближе к городам, тем чаще в селах говорят на так называемом «суржике». Это — наложение на украинскую фонетически-грамматическую основу лексически бедного русского языка. Это как бы наше наказание за тот статус колонии, что имеет Украина на протяжении 350 лет. Отсюда возникает и комплекс национальной неполноценности, и разрыв между левобережной и правобережной Украиной, особенно с Западной Украиной, которая находилась в более благоприятных языковых условиях, где украинский язык сохранился в более чистом виде. Имеет место разный социальный статус языков (более высокий у русского), и разрыв между городом и деревней. Государственность украинского языка и призвана ликвидировать все эти противоречия. Второе: интеграция в Европе носит экономический, политический, военный, но отнюдь не этнический характер. Датчане в большинстве, по крайней мере, интеллигенция, говорят по-английски, по-немецки, но от этого они не перестают быть датчанами. То же относится и к остальным небольшим нациям. И научные публикации идут на родном языке. То есть этнической ассимиляции здесь нет и не предвидится. Кроме того, в Европе есть тенденция не только к увеличению роли мирового языка (отнюдь не русского, а английского), а и к расширению функций национальных языков. Например, такой языковой конфликт мы не-

давно увидели в Бельгии. Для разрешения всех подобных конфликтов существуют две модели: федеративная и унитарная. В федеративной модели предусматривается существование двух-трех или более государственных языков, которые и обслуживают федерацию. По такой модели построены Канада, Чехо-Словакия, Швейцария, Югославия. Но практически эта модель не срабатывает. Господствующим языком все равно остается один, даже в Чехо-Словакии. Унитарная модель характерна для сильного государства с сильной центральной властью, для единого, неделимого государства. Так построены, скажем, Италия, Франция и т.д. До недавнего времени с некоторой модификацией такой же была политика Союза. Эта политика характерна для государств, где коренная нация представляет большинство, как, скажем, Франция. Она имеет то достоинство, что, скажем, для француза достаточно быть лояльным к этому государству, чувствовать себя французом и изучать французский язык. Таким образом, французами во Франции считаются и эльзасцы, и алжирцы, и корсиканцы и все прочие. Такая же модель должна быть приемлемой и для Украины, только унитарная модель, только единый государственный язык. И это не значит ущемления прав человека с другим родным языком. Рабочие Донбасса это очень хорошо поняли. Другое дело — интеллигенция и часть партийного аппарата, которые чувствуют угрозу своему благополучию и которой нужно учить язык. Поэтому сейчас принимаются, притягиваются за уши аргументы типа: права человека выше, чем права нации. Понимаете, получается, что права конкретных людей выше прав тридцати млн. украинского населения.

Обсуждение доклада Л.Алексеевой и содоклада С.Частника

Вопрос: Почему референдумы, которые проходили по поводу отделения прибалтийских республик, дали положительный результат с большим преимуществом за отделение?

Л.Алексеева: Я думаю, и там есть русскоязычная часть населения, которая входит в «Интердвижение» в Эстонии и в «Интерсоюз» в Латвии, в «Единство» в Литве, — это люди, которые хотят остаться в составе Советского Союза. Но вот оказалось, что существенная часть русскоязычных проголосовала за независимость. Те, с кем я беседовала, это объяснили так: во-

первых, значительная часть русскоязычного населения просто не пришла на выборы — это люди, которые не интересуются политической жизнью и никак в ней не участвуют. Поэтому очень трудно сказать, что же они думают. Но те из русских, кто пришли, больше трети проголосовали за независимость. И еще замечание: ведь из Прибалтики нет бегства русских. Там кричат, что русских притесняют, что русских убивают. Но попробуйте сменить квартиру в Воронеже на квартиру в Прибалтике, у вас ничего не выйдет. Никто из живущих в Прибалтике в Воронеж не уедет, потому что Прибалтика более чистая, более сытая и т.п. Они там себя лучше чувствуют. Но оставаясь и даже голосуя за независимость этой республики, они все-таки себя там чувствуют некомфортно. Сейчас в каждой республике русские чувствуют себя некомфортно. Раньше можно было жить, скажем, в Узбекистане, не зная узбекского языка, и люди пользовались этим. Они считали, что всюду Россия, и их это устраивало. Теперь, когда они вдруг поняли, что это не Россия, что они живут не у себя на родине. Это тяжело. Можно их осуждать за незнание местного языка, но это действительно создает психологический дискомфорт. Я думаю, что, например, в Таджикистане люди уезжают не столько от страха следующего погрома, сколько от этого чувства дискомфорта. Они перестали чувствовать себя хозяевами в этой республике, а раньше они были там хозяевами. Привыкнуть к новому положению трудно. То же самое и в Прибалтике. Трудно сказать, что человек думает, когда голосует, какие мотивы у него перевешивают, но вот в Латвии считают, что не треть, а большинство русских хотят, чтобы Латвия была независимой.

Вопрос: Не кажется ли вам, что многие события деколонизации, допустим, в Египте в 50-х годах и события в Средней Азии во многом сходны, например, всплеск типа душанбинского? Нельзя ли в связи с этим некий положительный опыт европейцев и стран Содружества как-то использовать и у нас?

Л.Алексеева: Честно говоря, я не осведомлена о египетских событиях. Вы лучше знаете то, о чем вы меня спрашиваете. Но я думаю, что положительный опыт есть, и в нем есть что перенимать. Горячие точки возникли не только в связи с национальными проблемами, но и в связи с социальными и с политическими и т.д. На Западе колоссальный опыт разработки компромиссов, примирения, переговоров, выработана соответствующая методика. Есть специалисты. Международные правозащитные организации имеют в Советском Союзе большой авто-

ритет, и, я думаю, этот психологический момент очень важен и его следует использовать для спасения человеческих жизней и для сохранения мира в этой стране.

Вопрос: Я бы хотела спросить вас о том, знаете ли вы, как живут русские в Грузии и как вы это оцениваете?

Л.Алексеева: Я не говорила о Грузии именно потому, что я мало знаю о положении русских там. Я не знаю о существовании специальной русскоязычной организации в Грузии, и мне не известно о жалобах русских, живущих в Грузии. Возможно, это показатель того, что в Грузии ситуация русскоязычного населения более или менее благополучна. Но отсутствие информации не есть доказательство. Может быть, я просто не знаю об их боли, об их проблемах. Я была бы благодарна за информацию о положении русских в Грузии.

Вопрос: Как вы относитесь к ситуации на Украине, к украинской политической борьбе?

Л.Алексеева: Я первый раз на Украине, лишь вчера сюда приехала. Я не занималась специально этой проблемой. Я знаю, что она существует, но не могу говорить о частностях. Есть еще одна республика, в которой эта проблема очень остро стоит, но я слышала только одну сторону. Я имею в виду Молдову. Я слышала молдован, но я не слышала русских из Молдовы, и поэтому не посмела включить в свой доклад что-то о Молдове, так как обязательно нужно выслушать обе стороны. Такая же история с Украиной. Я разговаривала с руховцами, и они убедительно говорили о том, что с русскими нет особых проблем на Украине, но я не слыхала русских и не смею судить об этом.

Вопрос: Какой язык лучше всего изучать на Украине?

С.Частник: Естественно, украинский и русский, никакого сомнения быть не может. Но должно быть право выбора языка — и в получении высшего образования, и в расширении сети школ и т.д. Но пока такого права выбора нет. Пока что из ста пятидесяти харьковских школ украинских — три.

Л.Богораз: Я не вижу различия между государственным языком и административным его применением.

С.Частник: Государственный язык — это определение сферы употребления. Деловое общение, лекции высшего образования, почта, телеграф, наука, но нет ничего жесткого, чтобы можно было сказать — от сих до сих. Если государственный служащий обязан перейти на украинский язык, скажем, заведующий кафедрой, он не обязан, если не может, разговари-

вать со своими коллегами по-украински. Может разговаривать и по-русски, но документы обязан писать на украинском языке. Государственным языком необходимо владеть в пределах, нужных для осуществления своей работы, вот и все. Насилия никакого у нас никто не видит.

Вопрос: Насчет государственного языка и высшего образования — это не оговорка? Вы считаете, что высшее образование возможно только на государственном языке?

С.Частник: Совершенно верно. Возьмем, например, такой более многонациональный, чем Харьков, город, как Нью-Йорк. Языков там масса, гораздо больше, чем в нашей стране. Тем не менее, обучение в высших учебных заведениях ведется на государственном языке. Другое дело, что могут быть какие-то частные университеты — на русском, на французском — ради Бога. А иначе язык теряет стимул развития. Начинать изучение языка надо с детских садов. Какой любящий отец отдаст своего ребенка в украинский сад, если дальше начальной школы этот язык не пойдет? А если на этом языке будет высшее образование... Тридцать миллионов говорят на этом языке, а ему хода нет.

Вопрос: Если я вас правильно понял, то вы считаете, что, скажем, в Латвии не должно быть высшего образования ни на каком языке, кроме латышского?

С.Частник: Я не берусь судить относительно Латвии. У них свои проблемы, у нас свои. Украинский язык понятен любому русскоязычному человеку.

Л.Богораз: Можно, я отвечу? Речь идет не о том, чтобы запретить преподавание в высшей школе на русском языке. Будут, наверное, открыты частные высшие заведения с преподаванием на русском языке.

С.Частник: Более того, в законе Украины о языке предусмотрено существование параллельных групп для тех, кто не изучал украинского языка, и обучение украинскому языку для них.

Вопрос: Как вы относитесь к тому, что на Украине есть регионы, которые и не украинские совсем? И кто будет преподавать украинский язык?

С.Частник: Нет у нас в стране регионов с компактным проживанием русского населения, кроме Крыма. Русскоязычного — да, русского — нет. Здесь речь идет о русификации Украины. Вопрос с кадрами очень серьезный. Предусмотрены курсы, в частности у нас в институте, горьковские курсы... При доброй воле

человек может не только на курсах, а и самостоятельно выучить украинский язык за год.

Л.Богораз: У меня реплика. Международные стандарты предусматривают протекционистские меры по отношению к нациям, долго находившимся в состоянии угнетения. Думаю, что на Украине речь идет именно об этом. При этом такие меры принято вводить на определенный срок, а не делать их постоянными.

С.Частник: Конечно. Это вынужденная мера, а не от хорошей жизни. Как вы слышали, я говорю по-русски. Сейчас на Украине языков межнационального общения два — украинский и русский. А в общем, это дело каждого говорящего, можно общаться хоть на китайском.

III

Проблема союзного договора. Международный аспект

Малинкович В.Д., Мюнхен, радиостанция «Свобода»:

Доклад В.Малинковича, который не получил возможности приехать в Харьков по нашему приглашению, но прислал текст доклада, читал на семинаре А.Даниэль.

Ссылки на международный исторический опыт правомерны лишь в очень ограниченной степени. Опыта, который мог бы быть использован при создании Союза суверенных государств, мало. Советский Союз — это империя особого типа, поэтому постимперские процессы в Британской, Французской и прочих империях с заморскими территориями для СССР не очень показательны. Чуть больше сходства с Австро-Венгрией, однако и здесь различий больше, чем подобия.

Распад европейских империй происходил совершенно в иных исторических условиях. СССР (последняя на земле империя) переживает очень сложные процессы, где межнациональные проблемы гораздо более тесно, чем в иных империях, переплетаются с социально-экономическими и политически-правовыми. В СССР не было частной собственности и, следовательно, здесь суверенизация республик совсем не обязательно должна способствовать развитию рыночных отношений.

СССР — империя, где господствовала в течение десятилетий моноидеологическая система; до этого (в Российской империи) также не были развиты демократические традиции. Суверенизация республик в СССР неминуемо будет сопровождаться (и уже сопровождается) появлением националистических, антидемократических по сути своей режимов, не способных гарантировать права личности.

СССР, будучи во многих отношениях слаборазвитой страной, в то же время является мощной в военном отношении супердержавой с претензиями на решающее участие в общемировых процессах. Поэтому становление самостоятельных государств (в рамках Союза или выделившихся из него) не может не оказывать существенного влияния на европейские и мировые процессы.

В СССР советские республики были объединены в 1922 г. на основаниях, до тех пор не известных в мире. Это была попытка увязать между собой ряд, казалось бы, взаимоисключающих принципов. С одной стороны, союз суверенных государств, с другой — единая империя с типично колониальными методами управления территориями с нерусским населением. С одной стороны, коммунистический принцип интернационализма и дружбы народов, с другой — великодержавный шовинизм с претензией на мировое господство. Формальное поощрение самобытности народов и их культур и повсеместное навязывание единых для всех псевдоценностей.

Наконец, СССР — это невиданный по масштабам конгломерат народов, общее число которых никому не известно (то ли 120, то ли 190), а границы их расселения точно не определены. Народы, живущие в СССР, принадлежат к весьма различным национальным группам — в этнографическом, историческом, культурном, религиозном и прочих отношениях.

Словом, особенности развития межнациональных отношений в период распада советской империи настолько велики, что искать аналогии в мировом опыте — задача не очень продуктивная.

В этой связи и спор о «федеративных» и «конфедеративных» связях между бывшими союзными республиками также не позволит решить проблему. Единственное в мире государственное образование с названием «конфедерация» — Швейцария. Но это по существу единое федеративное государство, именно в таком качестве признанное в мире. Статус швейцарского кантона вряд ли улыбается кому-то из провозгласивших свой суверенитет республик. Речь может идти только о весьма специфическом союзе суверенных республик-государств (для тех из них, что согласятся остаться в каких-то союзных отношениях). В таком объединении должны быть очень сильными именно республики, хотя и центру будут выделены какие-то властные полномочия (по воле республик и, желательно, максимально ими ограниченные).

Что же использовать из мирового опыта?

Прежде всего демократические традиции Европы и международное право. При этом, в силу специфики СССР, могут возникнуть проблемы, еще в этом плане не решенные, поскольку

Европа с ними сталкивается редко (за исключением, может быть, Югославии). Я имею в виду вопрос о международном признании суверенных республик-государств, оставшихся в составе СССР, и вопрос последовательности соблюдения таких принципов международного права, как государственный суверенитет, право наций (народов) на самоопределение, гарантии гражданских и политических прав человека.

Парадоксально, но сейчас в мире есть лишь один пример, когда две части одного государственного образования имеют статус самостоятельных государств: Украина и Белоруссия — члены организации Объединенных Наций. Пока это лишь пустая формальность, но очевидно, что, провозгласив свой суверенитет, эти две республики ни в коем случае не откажутся от своего статуса независимого члена ООН. Ведь международное признание такого рода — обязательный элемент существования суверенного государства. Не вызывает сомнения, что и другие республики-государства, входящие в ООН, потребуют себе такого же статуса. Правда, если среднеазиатские республики объединятся в федерацию (что, в принципе, возможно), то членов ООН от СССР может быть не 9 или 10, а 5 или 6.

Поскольку международное признание не может быть лишь фикцией, республики-государства, оставшиеся в СССР, должны быть относительно самостоятельными в своей внешней политике. В то же время одна из важнейших функций Союза — объединение внешнеполитических усилий республик. Мне кажется, здесь возможен компромисс: самостоятельность республик в международных делах во всем, что не противоречит интересам всего Союза. Подобно тому, как государства члены Европейского Сообщества и, допустим, НАТО ограничивают де-факто свою самостоятельность общими интересами блока. К примеру, Таджикистан мог бы голосовать в ООН не так, как Белоруссия, в условиях кризиса, подобного кувейтскому.

Сложнее с очередностью соблюдения указанных выше принципов международного права. Казалось бы, какая может быть очередность — нужно соблюдать все принципы одновременно. Но в реальных советских условиях сделать это совсем не просто. События в Нагорном Карабахе (но не только они) продемонстрировали это воочию. Дело в том, что СССР — образование в значительной мере искусственное, здесь и границы между республиками часто условны, и миграция населения бывает, мягко говоря, направленной и стимулируемой, а о правах человека всерьез и говорить, до самого последнего времени, не стоило.

Поэтому мне представляется необходимым специальным пунктом предусмотреть в Союзном договоре возможность привлечения международных организаций для решения вопроса о нарушении прав личности в той или иной республике. И, что сложнее, определить порядок согласования спорных вопросов, возникающих при конфликте принципов — суверенитет государства-республики и самоопределение нации, также с участием представителей международной общественности. Уже сегодня, мне кажется такое участие необходимо для прекращения военных столкновений между Арменией и Азербайджаном.

Международное сотрудничество как фактор, стимулирующий объединение республик в Союз

Запад не заинтересован сейчас в появлении новых государств, чей политический профиль пока не определился и которые в процессе роста, не исключено, могут дестабилизировать общую обстановку в мире. Вместе с тем Запад крайне заинтересован в демократизации СССР, поскольку такой процесс снимает угрозу международной напряженности и способствует возникновению свободных рыночных отношений, свободного общения людей и товаров на едином мировом пространстве.

Запад, безусловно, не желает видеть в СССР агрессивного противника и поможет (морально и материально) развитию тех процессов, что превратят Советский Союз из потенциального врага в партнера и, быть может, союзника.

Сегодня ситуация такова, что помощь будет поступать только «под Горбачева», т.е. через общесоюзные структуры, а не непосредственно в республики. Естественно, Центр будет использовать это обстоятельство в качестве средства давления на сепаратистов. Думаю, что выигрыш для республик будет в том случае, если они, во-первых, будут добиваться и от западных кредиторов, и от Центра, чтобы помощь шла, хотя и через Центр, но, главным образом, на республиканские программы (и это было бы оговорено в контрактах), а во-вторых, если республики как можно скорее и радикальнее (естественно, с учетом требований реальности) проведут приватизацию, привлекут иностранный капитал, создадут благоприятные и гарантированные (что немаловажно) условия для международного товарообмена. Со-

мневаюсь, что создание самостоятельной валюты в республиках всегда будет этому способствовать — важнее обеспечить совместными усилиями конвертируемость рубля.

Ориентация на европейские ценности

Утверждающиеся сейчас в мире принципы демократии возникли не на пустом месте. Это продукт развития культурных (в самом широком смысле) ценностей Европы. Советский Союз опирается на наследие, далеко не во всем подобное европейскому. Здесь и сохранившиеся до сих пор элементы византийского деспотизма, здесь и неприятие довольно широкими слоями населения различных республик идей нового времени, что проявляется в ксенофобии и антизападничестве. С другой стороны, недостаточно развитая правосубъектность личности в Советском Союзе (как результат опять-таки недоразвития личностного начала в сознании многих людей — в противоположность европейскому сознанию, отличительная черта которого — персонализм) приводит к некритическому отношению ко всему зарубежному, преклонению перед теми элементами западной, основанной на рыночном хозяйстве, цивилизации, которые как раз и должны вытесняться европейской культурой.

Существует опасность определенного культурного регресса при становлении национальных государств, где неминуем сейчас повышенный интерес к прошлому своих народов, связанный, иногда, с ценностями средневековья. Именно поэтому националистические настроения сейчас много сильнее демократических, активность митингующей толпы куда больше созидательной активности людей. Мне, однако, кажется, что следует делать все возможное для «европеизации» всех республик Союза (естественно, не посредством русификации). Европеизация не должна стать помехой национальному развитию азиатских народов Союза, как, например, не мешает, а стимулирует она развитие многих дальневосточных и некоторых африканских стран.

Опыт стран Дальнего Востока также может быть не бесполезен республикам Союза, поскольку предусматривает переход к индустриализации и постиндустриализации в условиях рыночного хозяйства, но при активном участии государства.

Западный опыт поможет благополучно преодолеть казалось бы вечный конфликт социалистов с антисоциалистами.

столь острый сейчас в Советском Союзе. Предвоенное и послевоенное развитие индустриальных стран мира создало новый тип государства — социально-правовое, которое выполняет не только чисто полицейские функции, как при классическом капитализме, но, отвечая на социальные требования трудящихся, осуществляет защиту малоимущих, безработных, гарантирует бескризисное развитие экономики, планируя общественно необходимые, но экономически не всегда выгодные работы, оказывая регулирующее влияние на рыночное хозяйство при помощи налогового пресса и в то же время гарантируя неприкосновенность частной собственности и прав человека.

Я обозначил лишь некоторые из факторов, которые в той или иной мере могут повлиять на характер будущего союзного объединения суверенных республик-государств. На самом деле таких факторов намного больше, и все их надо учесть, чтобы избежать болезненных столкновений при жизненно необходимой буквально для всех радикальной перестройке международных отношений.

Обсуждение доклада

Е.Миначев: В принципе все положения не вызывают каких-либо возражений. Мне хотелось бы только обратить внимание на союзный договор изнутри, из республик, из самих национальных образований, у Малинковича этот взгляд снаружи, из Европы. У меня есть одно замечание: мне кажется слово «сепаратизм» по отношению к республикам, которые объявили свой суверенитет и практически ведут национально-освободительную борьбу, неуместен.

Хотелось бы обратить внимание на то, что при заключении Союзного договора предполагается, что его будет подписывать РСФСР. Но как известно, РСФСР является многонациональным государством и там даже больше республик, чем в Союзе. Я думаю, что выделение республик, народы которых имеют права на выход из состава РСФСР, — это вопрос времени и на это нужно бы обратить внимание. Кроме того, неясно, что же такое Россия? РСФСР ли это, т.е. то, что было когда-то Российской империей? Возникает вопрос о выделении самой России. Это не предполагает наличия каких-то границ между республиками, с пограничниками и колючей проволокой. Эти границы, конечно, будут условны. Республики будут

иметь экономическую и культурную самостоятельность и на их территории будут действовать их собственные законы. Я считаю, что Союзный договор как таковой не может сейчас заключаться. Мы же повсюду видим сейчас эти так называемые «международные распри». В настоящее время необходимо эту империю раздробить, т.е. каждая нация имеет право на самоопределение — согласно той же самой Конституции. Сейчас нужно поднять экономику с помощью прямых связей, не надо нам общей армии. Сначала нужно полностью определиться самим, укрепиться — и тогда уже решать вопрос о каком-то союзе.

Б.Петелин: Надо, мне кажется, обсудить тезис, верно ли, что ксенофобия и антизападничество увязываются между собой в современных проявлениях этих движений. Я бы такой прямой связи не делал. Например, я бы поставил вопрос: «русский» или «советский» народ? Русские теперь больше советские, следовательно, термины «антизападничество» и «ксенофобия» приобретают совсем разные оттенки. Это для раздумья.

А.Даниэль: Мне кажется, что надо очень осторожно отнестись к концепции Малинковича, потому что она сплошь пронизана опасной тенденцией евроцентризма. Верно, что строить какой-то союз надо только на основе общего правового пространства. Но одинаковы ли сейчас концепции права у разных народов, входящих в сегодняшний союз? Так ли хорошо соотносятся с римским правом традиционные понятия права у исламских республик, исходящие из шариата? Если мы затащим народы силком в правовое пространство, основанное на всеобщей декларации прав человека ООН, то из этого, наверное, ничего хорошего не выйдет.

Может быть, когда мы говорим о союзе, нам надо подумать не о том, как удержать какие-то республики в союзе, а о критериях, по которым те или иные государственные образования принимать или не принимать в союз. Может быть и не следует создавать государственное образование, основанное на разном понимании прав.

А.Хейтвер: Сейчас, действительно, существует идея сначала все развалить, а потом уже думать, что создавать, сначала разогнать союз, а потом уже самоопределяться. Эта идея весьма утопическая и опасная. Думать за нас будет уже некому. Каждая республика должна обладать всеми признаками самостоятельного государства, всеми атрибутами, включая армию. Да, европейские традиции — это тот идеал, к которому должно стремиться. Но я целиком поддерживаю Даниэля, который

сказал, что не впадем ли мы в другую крайность, пытаясь навязать европейские стандарты азиатским республикам? Мы полагаем, что Запад целиком и полностью солидарен с нами. Вовсе нет. Запад с испугом смотрит на все, что у нас происходит. Французский политолог, специалист в области национальных проблем в СССР, Гиль Шарман, пишет в своей книге: «Я шокирован, видя некоторых интеллектуалов, которые радуются победе демократии в СССР, потому что за нее проголосовали Балтийские и другие страны, страны, где нет плюрализма, где у личности нет прав. И результат: голосование узаконивает националистическую диктатуру, возможно, что это еще хуже, чем то, что было раньше. И завоевана не свобода, а право большинства истреблять меньшинство»*.

* Напомним, что доклады были подготовлены к семинару «Национальные проблемы и права человека», проходившему в Харькове 14-17 июня 1991г. Поэтому некоторые проблемы, рассмотренные в докладах В.Малинковича и других выступавших, сегодня из теоретических стали проблемами конкретной политики. (От составителей)

Круглый стол: этнос, нация, территория, государственность

Ведущий: И.Г. Дядькин, МХГ, Тверь

И. Хорошаева: Позвольте мне читать мое выступление («Этничность и фиксированная территория») по написанному тексту. Мне кажется, в этой теме имеют значения каждая фраза и даже их порядок. Очень серьезная проблема — притязания на территорию, обосновываемые национальными и этническими документами. В английском и немецком языках термин «национальная» всегда совпадает с государственной структурой. Прямая связь этих феноменов воспринимается как непреложная данность. Эта прямая связь существует не всегда и отходит на второй план в процессе исторической эволюции человеческого общества. Эта связь закрепляется на очень ранних стадиях, когда обладание территорией было условием выживания человеческого коллектива. Функции ограждения территориальных владений переходят к иным, социальным структурам, возникающим государственным структурам. Но эти новые структуры наследуют идеи генетического и этнического родства. Это проявляется до начала интенсивных захватнических войн с соседями. С этого момента территориальные претензии становятся прерогативой государства. Тесная связь территории и этноса, сохраняющаяся и по сей день, является наследием очень ранних эпох. С историческим прогрессом она очень постепенно и медленно утрачивается. Пример тому: Великое переселение народов, когда десятки племен и народов оказались вытесненными из среды обитания под давлением кочевых племен. Эти традиции настолько живучи, что даже в современных условиях они как бы реанимируются в так называемых переселенческих странах Нового Света, т.е. Американского континента. Там, где сохранилось значительное по численности коренное население, это сохраняется, а в остальных странах, где мало индейского населения, там самосознание вновь возникших этносов полностью совпадает с сознанием государственной принадлежности. Это такие народы, как аргентинцы, чилийцы, костариканцы. Там, где традиции не были так резко прерваны, они оказываются более живучими. Понимание

разрыва связи между этносом и территорией явление с моей точки зрения прогрессивное. Этническое самосознание постепенно переходит на личностный уровень, Единственное исключение составляют репрессированные народы последних десятилетий. Они должны быть возвращены по своему желанию обратно, чем и должно заниматься правозащитное движение. Уточнение и перенос границ в таких регионах, как Средняя Азия, Кавказ, Закавказье, Северный Кавказ, где живут десятки народов, приведет только к новым кровавым столкновениям. Вслед за одним нашим крупным этнографом, Арутюновым, я считаю абсолютно бесперспективными неразрешимые споры о том, кто сюда раньше пришел, чьи предки здесь жили. Современные люди должны иметь право жить там, где они родились, где их родина. Ничто не должно угрожать их жизни. Любая подвижка границ на современном этапе приводит к катастрофическим последствиям. Только тогда, когда территориальные претензии не будут окрашиваться в националистические тона, только тогда появится возможность перехода к мирному решению этих вопросов, если они возникнут. Задача правозащитного движения добиваться всех прав для меньшинств на территории любого государства.

Реплика: Вопрос, которого я бы хотел коснуться, это правоспособность этнических общностей. Если этнос понимать как группу людей, единых по крови и наследующих данную территорию со всеми вытекающими правами, то тогда этнос имеет право как некое юридическое лицо. Но если говорить об этническом образовании как о носителе истории, языка, то тогда говорить о правоспособности этноса, очевидно, уже нельзя, а только о правоспособности населения. Декларация о суверенитете Украины началась с фиксации прав украинцев как нации, а не народа Украины, меня это поразило. Когда одному народу, проживающему на данной территории, дается какая-то привилегия или оказывается предпочтение по сравнению с другими этническими образованиями, это уже не демократия.

Реплика: Боясь затронуть территориальные границы, мы уходим от самой сути проблемы. Это не обязательно должно было происходить при помощи оружия. Это можно решить за столом переговоров, в ученых аудиториях, но для этого должны быть подготовлены документы, проведены дискуссии историков, этнографов, предварительные опросы и исследование, иначе мы эту болезнь искусственно загоним внутрь. А народы в этом не виноваты, это наследство колониальной политики.

Когда произошла деколонизация Африки, начались внутренние войны, которые до сих пор не закончились. Этот пример не нужно повторять.

Л. Алексидзе: Я принимаю участие в «Круглом столе» неожиданно, поскольку здесь все расписано, и в этом я вижу несправедливость. Я из такой республики, о которой пишут иногда правду, но в основном небывлицы. И у многих возникает представление, что мы, в Грузии, чуть ли не занимаемся людоедством. Шесть лет я был секретарем подкомиссии ООН по правам человека, по предотвращению дискриминации и защите меньшинств. Я был приглашен ООН от Советского Союза из Тбилисского университета. Перед моими глазами прошло огромное количество споров о том, как сейчас формулировать понятие национальных меньшинств. До сегодняшнего дня было принято считать, что национальный вопрос у нас, в СССР, решен окончательно. Когда мы говорим о праве нации на самоопределение, мы подразумевали, что вот в Африке, в Азии и в других регионах, нации, завоеванные Британией, Голландией, имеют право на самоопределение.

В XIX в. итальянцы, когда выдвинули принцип национализма, понимали нацию, как группу людей, этнически, культурно и психологически объединенных в рамках определенных границ. Народ может быть многонациональным. Мне всегда было ясно одно: народ, завоеванный более сильным государством, если он считает, что для его благополучия лучше быть самостоятельным государством, имеет право на отделение от насильственно удерживающего его государства. Мы не можем забыть о той пагубной роли, которую сыграли Москва и Центр. В Грузии считали, что империалисты — это Москва и тот бюрократический аппарат, партийный и государственный, который сосет соки прежде всего из русского народа, ибо так, как живет сейчас русский народ, ни в одной другой республике народ не живет. Идет антиимпериалистическая война Грузии против засилия ведомств, центров, к сожалению, русскоязычных: русскоязычная армия, русскоязычные министерства, Верховный Совет. Центр, пытаясь подорвать стремление союзных республик к независимости, пустил сначала пробный шар: все национальности имеют право на создание своей государственности, вплоть до выхода на уровень союзной республики, даже этнические группы и национальные меньшинства. Что такое национальное меньшинство в классическом понимании? В пактах по правам человека говорится о религиозных, языко-

вых и этнических группах. Что это такое? Это может быть группа, которая живет на территории данного государства веками, но так получилось, что она не ассимилировалась. Это может быть национальное меньшинство, как в Латинской Америке, где бывшие индейцы не хотят ассимилироваться. Их не приобщить к современной культуре. Они живут так, как жили веками. Национальное меньшинство — это часть народа, имеющего свою государственность. Эта часть проживает на территории другого государства, куда она переселилась два, четыре века назад, двадцать-тридцать лет назад. Она живет в исторических рамках данного государства. На территории Грузии живут осетины, армяне, азербайджанцы, курды, узбеки. Абхазцев мы считаем коренным населением. Получилось так, что и Россия завтра может превратиться в швейцарский сыр с дырками, потому что поднялись все автономии, требуя независимости. Имеют они на это право или не имеют? Я не буду лезть во внутренние дела России, хочу лишь поставить перед вами этот вопрос. 1922 г. — создается Советский Союз. Автономии были созданы на уровне РСФСР, и идея Ленина о национальной обособленности преследует одну из целей — предотвратить национальный подъем. Автономиям был предоставлен статус автономной области или автономной республики. В Грузии произошло иначе. В 1918 г. в Грузии было создано меньшевистское правительство. Чтобы его уничтожить, в 1921 г., большевики стали заигрывать с частью осетин. Им сказали, что если они будут бороться вместе с большевиками, то получат автономию. И когда большевики победили, осетинам дали автономию за счет грузинских земель. За 70 лет осетинский язык не потерял своего значения, появилось 97 осетинских школ, осетинский филиал АН Грузинской ССР, свои институты, своя печать и телецентр. Пущенный центром пробный шар подействовал. Теперь они поднялись и требуют отделения от Грузии. Мы им доказываем, что автономная область без соглашения республики по Конституции СССР не может быть превращена в автономную республику. Они это игнорируют, потому что Москва их поддерживает. Как национальное меньшинство может говорить о суверенитете? Сегодня мы испохабили это понятие! Местные органы власти говорят уже о суверенитете каждого человека. Это политический термин, означающий признак власти, свидетельство о верховенстве власти внутри и независимости на международной арене. У нас сейчас все шиворот-навыворот! Осетины сошлись с абхазскими экстремистами; мы им напомнили, что они переселенцы, а не абориге-

ны, и если Грузии не нравится их стремление к независимости, то они могут покинуть Грузию. 9 августа, когда они начали проводить выборы и создавать свои структуры власти, Верховный Совет проголосовал за аннулирование республики и области. Кровавое пролитие началось после этого. Сейчас война приостановлена. Приехала комиссия (два депутата от РСФСР, два — от СССР, два — от Грузии) и признала целостность границ Грузии. 65 тыс. — только группа осетин, требующих отделения, из 100 тыс. осетин, живущих в Грузии. Имеет ли право эта группа на отделение, когда Грузия 2000 лет защищала эту территорию? И вы не убедите грузинский народ в том, что он не прав. Завтра то же самое будет и на Украине, в России, потому что играть на национальных чувствах преступно. У нас есть выверты, есть экстремисты, как в любом месте, и я борюсь против этого.

Последний вопрос — правосубъектность. Я не понимаю одной вещи, как можно подписывать договор с союзной республикой, которая в 1922 г. была завоевана и принуждена вступить в Союз, как и многие другие республики. Договор 1922 года обеспечивает суверенитет и территориальную целостность. Потом принимают закон о субъектах федерации. Надо определиться! Пусть РСФСР разбирается со своими автономными республиками. Либо это конфедерация и конгломерат государств, либо это федеративное государство, где только один субъект имеет право подписывать союзный договор. А в отношении Грузии совсем иначе. Если Абхазия захочет подписать договор, то есть Конституция СССР и Конституция Грузии, которые говорят: территориальная целостность не может быть изменена без согласия республики. Каким образом собираются выделить Абхазию из Грузии, не нарушая Конституции? Совершается грубейшее нарушение договора 1922 года и Конституции СССР, а преподносится это все как обновление федерации. Этнические группы, национальные меньшинства не имеют права требовать территориального отделения от государств, внутри которых они живут. И надо, чтобы это поняли те же осетины, и они бы поняли, если бы не чувствовали поддержки из Москвы. Горбачеву простят развал СССР, но развал РСФСР ему не простят.

Ведущий: Мы здесь собрались не на политический митинг, а на просветительский семинар. Я бы призвал всех в дальнейшем воздержаться от политических выступлений.

Л.Алексидзе: Теперь о связи этноса и определенной территории. Существует две полярные точки зрения, но в них есть масса градаций. Одна точка зрения: нация и территория так тесно связаны, что этнос определенной территории дает не только имя государству, но и имеет другие политические преимущества при конституировании государства. Противоположная точка зрения была высказана Ириной Федоровной Хорошаевой, она считает, что этнос и территория в принципе исторически связаны, но прогресс состоит в том, что эта связь не абсолютна. А в условиях сегодняшней борьбы на этой неабсолютности нужно настаивать. Я же считаю, что правильный тезис состоит в том, что в цивилизованном обществе в рамках данной территории все национальные меньшинства должны иметь максимум своей национальной самостоятельности, не претендуя на территориальное отделение. Я в Америке задал вопрос: сколько японцев живет в Калифорнии. — два миллиона японцев. Что если эти два миллиона провозгласят свое независимое государство в Калифорнии? Там это невозможно, а почему-то в Грузии это возможно. Если вы хотите критиковать грузин за то, что мы ущемляем права национальных меньшинств, критикуйте. Но здесь не подкопаться. У нас выходят газеты на восьми языках, открыты театры для восьми национальностей, есть культурные национальные центры, школы. Ни в одной республике не живут национальные меньшинства так, как в Грузии.

Вопрос: У вас прозвучала фраза «на нашей земле». А как вы определяете вот это «мы»? Где это «ваша земля» и кто это «мы»?

Л.Алексидзе: А как Вы определяете Россию? Что такое Россия? Грузия — это грузины, которые свыше 4000 лет живут на этой территории, сражались за эту территорию, начиная с I в. до н.э. с арабами, затем с Византийской империей, с турками-сельджуками, татаро-монголами, с Османской Турцией, затем и с Россией. Определились какие-то контуры. Этнос, исторически возникший на данной территории и развивающийся там, и является этим — «мы». А все, кто пришел, должны жить на этой территории со всеми человеческими правами, но уйти вместе с этой территорией, по международным нормам, не имеют права.

Вопрос: Почему этнос, проживающий на территории Грузии, не имеет право отделяться, а сама Грузия имеет такое право?

Л.Алексидзе: Вы не поняли меня. Я сказал, что народ, насильственно завоеванный, имеет право на самоопределение. Грузия в 1921 году была оккупирована и насильственно присоеди-

нена к России. И мы имеем полное право восстановить свою государственную независимость.

Вопрос: А те, кого насильно удерживают в рамках данной территории, разве не имеет права?

Реплика: Мы все не хотим понять, что есть народы — армяне, азербайджанцы, украинцы, белорусы, которые были лишены государственности. И они хотят вернуть эту государственность, не затрагивая интересов тех народов, которые живут на их территории.

А.Даниэль: Вы выразили недовольство Москвой; значит ли это, что вы считаете неправильным достижение самоопределения Эстонией, которая прежде не имела своей государственности.

Л.Алексидзе: Они имели свою государственность после революции и двадцать лет существовали как самостоятельное государство.

А.Даниэль: Так они по праву создали тогда, после революции, свою государственность или нет?

Л.Алексидзе: По праву, конечно. Они живут на своей территории. Товарищи, вы пытаетесь припереть меня к стенке, но вы мой тезис понять не хотите. Я говорю об этнических группах, живущих на территории другого государства, которые хотят выделиться с этой частью.

Б.Перов: В Сибири сейчас возрождается движение за независимость. Сибирь была завоевана Ермаком. Как к этому относиться?

Л.Алексидзе: Там в основном русские и живут. И эти огромные территории остаются русскими. Сейчас идет большой спор по федеративному договору РСФСР. Ельцин сказал, что автономии могут получить столько, сколько проглотят. А они глотают и глотают. Теперь края, области требуют таких же прав, как автономные республики, чтобы было в РСФСР восемьдесят три члена федерации. Тут начинается тяжелый политический спор, который так легко не будет решен. Это сложнейшая проблема. Для Грузии, я думаю, она решится легче.

Вопрос: Позвольте мне включиться в разговор. Сибирь — это не пустынная зона, с древнейших времен она была заселена. Теперь там поднимается вопрос о возрождении сибирских татар. Они поставили вопрос о признании отдельного этноса сибирских татар, хотят восстановить свою государственность. Ермаком была завоевана в 1583 г. не какая-то Сибирь, а имен-

но Сибирское татарское ханство, со столицей в Тюмени. Здесь нельзя путать, народ вовсе не ассимилировался, а продолжает существовать и бороться за свою независимость.

М.Буроминский: К вопросу на самоопределение. Право на самоопределение должно рассматриваться с учетом того, откуда тот или иной народ происходит. В декларации о принципах международного права 1970 года говорится, что вообще нация имеет право на самоопределение, за исключением тех случаев, когда ее интересы не представлены в правительстве, т.е. если она не имеет права голоса в правительстве. Но если речь идет о федеративном государстве Советский Союз, то здесь включаются механизмы права самоопределения республик, поскольку это закреплено в Конституции. Мы часто пытаемся подвести нашу страну под Американскую конституцию: Но это совсем разные федерации. Если речь идет об Эстонии, то она является субъектом союзной федерации. Тот уровень государственности, который у нее был, и тот, который ей был дан за советский период, достаточен, чтобы она могла выйти. А что касается такого образования, как Грузия, то с моей точки зрения очень сложно пытаться ее расчленить, как и пытаться разделить Украину. Мы завели Крымскую автономию, которая в принципе тоже может рассчитывать на самоопределение. Крымская автономия лишила, кстати, татар права на самоопределение. Мне хотелось бы добавить, что в целом эта проблема — результат методов тоталитаризма, который господствовал в нашей стране.

Решение национальной проблемы — это процесс перехода от тоталитаризма к демократии. «Свобода выбора» — этот термин имеет все больший вес у нас и в международной практике. В начале нашего семинара я услышал, что принцип самоопределения был назван чуть ли не провокационным. Мы имеем дело с правовым принципом, который закреплен в современном международном праве. Именно из этого принципа самоопределения вытекает политическое право народа на решение своей судьбы. И сегодняшний мир оказался богатым народами, готовыми пойти на самоопределение. В конце 50-х, начале 60-х годов, когда началось освобождение стран от колониальной зависимости, это было лишь началом, первой ласточкой. Тогда не могло быть полного, реального отделения, и только в будущем этот процесс видимо пойдет. Около 100 государств в современном мире потенциально готовы осуществить свободу национально-политического выбора. Наступает время, когда народы готовы взять в свои руки свою политическую судьбу.

За последние 60 лет народы не могли реализовать свое политическое право на самоопределение. Сейчас они получают это право. В современной цивилизации с развитием демократии в обществе мы и должны определить, что первично: права человека или права народа. Я думаю, что нельзя эти вопросы разрывать. И вот толкование прав человека в виде прав народа поднялось на третью ступень. Это произошло не случайно. Это следствие развития первого и второго периодов становления прав человека. Первый — конец XVIII — начало XIX века, когда идеи прав человека стали входить в жизнь. Второй ознаменован появлением в 1814 году первых документов, которые касаются запрета рабства, работорговли.

Вопрос: Как вы понимаете субъект права на самоопределение, короче говоря, понятие «народ»? Как вы смотрите на идею Г.Померанца, что при демократическом подходе к решению этих проблем имеет смысл говорить не о национальной территории, а об административной территории?

М.Буроминский: Не так давно проходила одна весьма интересная конференция в Фонде гуманитарных инициатив, в Москве. Там активно разрабатывали идею о том, что необходимо согласовывать границы государства с границами этноса. Я думаю, что намерения благие здесь существуют, но вообще в данной ситуации, по-моему, нельзя касаться границ. Стоит коснуться границ, и это выльется в нескончаемый поток проблем, которые перейдут в вооруженные конфликты. Кто, где живет, пускай там и живет.

Вопрос: Касаются ли ваши доводы репрессированных народов?

М.Буроминский: В отношении репрессированных народов, я считаю, должна быть восстановлена справедливость. Репрессированные народы, при их желании, могут возвратиться на свои территории, и им должны быть созданы все условия. И им надо вернуть ту, скажем, полугосударственность, которая у них была раньше. А теперь вопрос о субъекте права нации на самоопределение. Я попытался вначале дать юридическое толкование. Юридически это определенные общности, которые проживают на определенной территории, довольно значительные, которые лишены своей государственности, и в силу каких-то причин стремятся достичь этой государственности. Более конкретно сказать не могу. Государства не хотели бы расчленения своих территорий.

Реплика: Я бы хотел кое-что обобщить, уклоняясь от анализа конкретной политической ситуации. Международное право, наверное, единственная система ценностей, которая авторитетна для всех сил, касается национального вопроса в двух областях, двумя своими группами принципов. I — право народов на самоопределение. II — права этнических, религиозных и языковых меньшинств. Видно сразу, что права меньшинств более разработанный вопрос и более ясный. Очевидно какие группы можно считать субъектами этого права. Речь долгое время шла не о защите прав меньшинств, а о защите прав лиц, принадлежащих к меньшинствам. Можно ли свести права меньшинств к правам лиц? Один человек не обладает правом на самоопределение. Таким образом задается некая система координат, в рамках которой можно обсуждать многонациональные проблемы. Вывод: международное право призвано давать общие принципы, но каждая ситуация уникальна и надо стремиться найти правильное решение, пользуясь общими принципами, имея в виду дух международного права.

А.Осипов: Мне не понятно, почему в наших разговорах ставится знак равенства между народом и этнической общностью. Нет ни одного международного правового документа, где народ трактовался бы подобным образом. Нет ни одного прецедента, когда этническая общность выступала бы не как идеологическая фикция, а как субъект политического процесса самоопределения. Был процесс деколонизации. Государство уходило с определенной территории, оставался политический вакуум, который заполняла мафиозная банда, пытавшаяся говорить от имени населения этой территории. Второе — это передел мира великими державами. Версальская система: великие державы поделили Европу достаточно условно, и их дележ привел к тому, что возникла Вторая мировая война. Второй раздел был произведен после Ялтинских соглашений, когда 11 млн. человек были депортированы с разных территорий. Народ не выступал как субъект этого самоопределения. А может ли этническая общность являться субъектом? Этническая общность — не более чем статистическая совокупность, достаточно условная. Границы между этносами тоже очень условны, есть переходные зоны, есть мозаичность, чересполосное расселение. Вопрос о происхождении какой-либо общности очень сложный, так как нет объективных критериев, и в случае конфликта любая версия может быть повернута выгодной для кого-то стороной. В 40 — 50-е годы ряд авторов Великобритании и

США писали, что включение принципов самоопределения хотя бы в устав ООН, это большая ошибка мирового сообщества. Я с этим согласен, так как возникают проблемы в поисках субъекта, а человек всегда будет выступать объектом в виде движимого имущества, что в корне противоречит тому, о чем здесь было сказано — о духе той философии, на которой держится современная цивилизация.

Реплика: Трактовка, против которой так активно возражает коллега Александр Осипов, встречается часто. Можно ли понимать под народом субъект на право самоопределения, т.е. этническую общность? Такая трактовка ставит меньшинства в неопределенное положение. Если мы будем считать субъектом самоопределения население, живущее в границах какой-то территории, то ведь граница есть нечто гораздо более субъективное, более произвольное, нежели этнические границы.

Реплика: Я согласен с тем, что было сказано. Международное сообщество около 40 лет шло к пониманию того, что такое национальные, этнические группы. Декларация о национальных меньшинствах была принята лишь в прошлом году. Когда рухнула колониальная система, все государства сформировались в рамках границ этих колоний.

А.Осипов: Когда сталкиваются государства, этносы — это тупик. В динамике человеческого общества, я думаю, залог того, что люди выйдут из кровопролития. Есть очень интересная и очень важная тонкость и суть, я бы сказал, всего вопроса. Речь идет о «культуре», это слово у нас как-то сегодня оказалось вынесенным за эти стены, хотя все то, о чем мы сегодня говорили, если же все это переводить на понятие прав человека, то права человека есть некоторая персонификация, гуманизация, человеческое измерение, а человеческое измерение и есть культура, потому что культура — это отношения индивида и рода, где бы это ни было. Человеческая культура — это родовое в нас с вами. Так вот, человеческая культура, по Михаилу Бахтину* и Мартину Бубер** существует как диалог и построена только на диалоге. А диалог признает равенство сторон. Диалог признает еще одну очень важную вещь, которая нам с вами нужна в политике и в праве: диалог это по существу единствен-

* Бахтин Михаил Михайлович (1895-1975) — литературовед, теоретик искусства. (Ред.)

** Бубер Мартин (1878-1965) — еврейский религиозный философ и писатель. Центральные идеи философии Б. — бытие как «диалог» (между Богом и человеком, человеком и миром). (Ред.)

ный эффективный механизм, который общество сегодня выработало. Ежели у нас получается диалог, то механизмы эффективны. Необходимо каждый раз вспоминать про то, что какие бы сильные распри не были, их способ решения где-то в сфере культуры. А сфера культуры — это сфера межличностных отношений. И если наши министры иностранных дел умели находить общий язык, — я имею в виду Шеварнадзе и др., — благодаря личной импозантности и другим личным качествам, то я думаю, и мы с вами можем здесь найти общий язык, опираясь не только на те свойства, которые мы имеем как граждане какой-то общности, — национальной, религиозной, политической, но и опираясь на свой личностный потенциал.

Л. Алексидзе: В XX веке почти все колонии в Африке стали называться государствами. Резали французскую Африку, там границы идут вертикалями и горизонталями. В рамках колониальных границ были восстановлены суверенные государства, например, Мозамбик, Ангола, и никто не задумывался над тем, что такое народ как совокупность, исходили из того, что это колония, политически она ограничена. Если мы демократы — мы должны признать возможность национально-культурной автономии. Положение национальных меньшинств не может затрагивать территориальной целостности государства, в пределах которого они живут. От них требуется уважение его традиций и политической структуры. В демократическом государстве они могут выбирать своих представителей в центральные органы власти. Если же они захвачены и находятся под прессом, вот тут и возникает вопрос самоопределения вплоть до создания независимого государства. Ведь можно самоопределиваться, создав национально-культурную общность.

А.Фет: Не кажется ли уважаемой аудитории, что термин «народ», который здесь употребляется — это фикция? Я понимаю так: есть этническая общность, т.е. группа людей, объединенных общностью культуры, языка, национальным самосознанием; есть профессиональная группа, есть территориальная группа, объединенная проживанием на данной территории и социально-экономическими связями. А что такое народ? Может быть, есть смысл уйти от этого слова? Нужно оперировать более конкретными понятиями.

К.Лебедев: Надо более подробно поговорить о представительстве в органах власти РСФСР. Из 1042 депутатов только 242 представляют самую большую территорию федерации — Сибирь и Дальний Восток. Имеется 88 субъектов федерации, из них

только 30 на территории Сибири и Дальнего Востока. Могут ли при таком соотношении Сибирь и Дальний Восток эффективно защищать свои интересы?

Реплика : Добавлю. Каждая территория в РСФСР — многонациональная. На мой взгляд, парламент РСФСР не может представлять интересы народов, особенно не русских. Так, от многонациональной Сибири все депутаты — русские. Есть у нас народы, имеющие и свою государственность, а в настоящее время не имеющие никакой государственной устроенности. Я имею в виду татарский народ — 7 миллионов человек. Из них более 5,5 миллионов проживает вне Татарстана. Они лишены своей администрации. Как с ними быть?

Вопрос: А как быть с не имеющими вообще никакой территории? Например, с цыганами?

Е.Миначев: Цыгане не имеют территории, а также и курды, а в России — немцы Поволжья, греки, корейцы. Как уже отметил Леван Андреевич (Алексидзе), они должны иметь и представительства, и культурную автономию, но не образовывать, например, цыганское самостоятельное государство в каком-нибудь регионе.

Г.Мамулия: Я хотел бы подытожить о чем шла речь. Мы в Грузии находимся в тупике. Мне кажется, что единственный выход — это путь демократизации, путь понимания, как с осетинской стороны, так и с грузинской. Если мы начнем друг другу приводить исторические аргументы, спорить, кто начал первым, а кто отвечал на причиненную обиду и несправедливость, мы ничего не достигнем. В Грузии имеются нарушения прав осетинского народа, это я отвечаю Левану Андреевичу Алексидзе и официальному представителю Латвии. Не упоминать об этом мы не можем. Мы должны найти общие подходы, которые могли бы разрешить кровавые проблемы. В фильмах об этом горе всегда освещена трагедия одного народа, правдиво освещена, а это трагедия для обоих народов. Если мы не будем искать демократическое решение, не будем искать компромиссы, то все наши разговоры будут впустую.

Вопрос: Правильна ли информация, что должен был проводиться опрос осетинского населения об автономии Южной Осетии? И если так, то как вы расцениваете такую, с моей точки зрения, недопустимую вещь? Такой референдум, по-моему, опять породит национальный конфликт.

Л.Алексидзе: Референдум мы не собираемся проводить. Я не отрицаю, что за шесть месяцев существования новой власти были допущены ошибки. Через 2 месяца мы примем целый пакет новых законов, которые покажут, по какому пути мы идем. На днях принимается закон, где гражданство предоставляется всем, проживающим на территории Грузии на момент принятия закона. И все слухи, что гражданство получают те, кто живет с 1801 или 1921 года, не имеют под собой никакой почвы. Достигнуто соглашение, что президент Грузии примет обращение к осетинскому народу, будет амнистия всем, кто сражается с оружием в руках. Ставится вопрос о разоружении, о создании зоны безопасности, о необходимости начать переговоры об административно-территориальном устройстве данной области. Все упирается в ответ осетин. Они хотят быть в составе СССР, но не в составе Грузии, но почему-то с грузинской территорией. Я надеюсь, что в Южной Осетии начался поиск компромисса.

Вопрос: Будет ли предоставлено гражданство этническому или религиозному сообществу, которое было выселено с территории Грузии, а именно: месхам?

Л.Алексидзе: Мы приняли решение только по отношению к тем, кто проживает на территории Грузии сейчас. Переговоры по поводу месхов ведутся. Мы бы с удовольствием приняли этих людей. Уехало из Грузии 100 тысяч человек, а сейчас их 0,5 миллионов. Там есть и турки, и армяне, и люди с грузинскими фамилиями. Если их заселять обратно, то это будет второй Карабах. Это сложно! Может быть, надо в другие регионы их постепенно заселять. У нас есть маленький клочок земли на границе с Турцией, откуда турки были выселены в 1943 году, когда Гитлер рвался к Сталинграду, Турция провела мобилизацию, и пятая колонна жила там. После Сталинградской битвы их выселили. Но об их гражданстве говорить, конечно, преждевременно.

Реплика: Тут звучало много апелляций к международным документам, в частности к пакту 1966 года. Мне странно, что статьи пакта воспринимаются и обсуждаются, как некие моральные оценки или рекомендации, тогда как любой международный, хорошо продуманный документ является, прежде всего, механизмом. С этой точки зрения существует коллизия между правом нации на самоопределение (статьи 21, 27) и правами меньшинств. Статья 21 задумана, да и реализовывалась в цивилизованном мире именно как статья, дающая возможность раз-

вития ситуации, иначе говоря обеспечивающая процесс деколонизации. Статья 27 описывает ситуацию статическую, ситуацию в обществе, где границы определены, где существуют некие меньшинства, религиозные или этнические, и оговариваются права этих меньшинств, и права отдельных членов этих меньшинств.

Вопрос: Я хочу спросить Левана Андреевича, Грузия провозглашает суверенитет, принимает закон о гражданстве. Намерены ли вы, как член парламента, истребовать из Сибири тысячи осужденных судами Грузии, но отбывающих наказание в Сибири?

Л.Алексидзе: Я не глава государства и на этот вопрос ответить не могу. Я бы всех осужденных грузин вернул на территорию Грузии отбывать наказанием там.

Вопрос: У меня подобный же вопрос. 17 апреля этого года парламент Украины принял закон о реабилитации всех граждан, которые были осуждены на территории Украины, и по этому закону они получают солидную компенсацию. Но у нас проживают люди, которые были осуждены другими судами, в частности судом Грузии. Будет ли рассматриваться вопрос о реабилитации этих людей?

Л.Алексидзе: Не могу вам сказать. Я не берусь отвечать за весь парламент.

Вопрос: Здесь было сделано заявление, что один из незаконно репрессированных народов, турки-месхетинцы, были пятой колонной во время вторжения Гитлера. Является ли эта точка зрения, оправдывающая преступления Сталина, официальной позицией нынешнего грузинского правительства?

Л.Алексидзе: Нет. Я — юрист-международник, историк, и я вам сказал об этом. Сейчас там живут армяне, грузины, территория занята и буквально негде их заселить. Людей надо выгнать из домов, а переселить весь народ мы не можем. Этот вопрос будет решен, когда Грузия будет контролировать свои границы, когда обретет свою независимость. Это соглашение было подписано с обеих сторон.

М.Жеребятъев: Уважаемый господин Алексидзе упоминал о той реально существующей проблеме, что многие движения меньшинств как бы подогреваются сверху. Мне кажется, что не надо забывать о Карабахском движении, которое шло под коммунистическими флагами. В первые месяцы Карабахского конфликта толпы скандировали: «Ленин! Партия! Горбачев!» Через год появилась другая триада: «Сталин! Берия! Лигачев!» В других

регионах эту модель тоже стали проигрывать. Что лучше? Трудно сказать. Есть проблема интерфронтов. Насколько они являются выразителями движения? Интерфронт Латвии и Эстонии — это одно. А интерфронт Молдавии, а вернее, Приднестровья — это совсем другое. Когда они говорят, что идут под коммунистическими флагами, а их лидеры заявляют, что у них нет другой партии, кроме коммунистической, я спокойно смотрю на это. Я вспоминаю опыт Кипра, где церковь возглавила борьбу за независимость от Англии, в конце 50-х — начале 60-х годов, а потом уже появились партии. Это нормальный процесс.

А.Гладкий: Мне приходилось писать, что в вопросах об общественной жизни не работает дедуктивный метод, как в математике, когда из аксиом по некоторым логическим правилам делается вывод. Я, кстати, логик по специальности. Здесь прозвучала аксиома, что та или иная этническая группа, являющаяся пришлой, обладает правами, отличными от группы, не являющейся пришлой на данную территорию. Это типичный пример аксиоматичного мышления. Таким путем можно доказать все, что угодно. Здесь невозможно уточнение. И доказывається то, что хочется доказать.

Р.Линчовский: Давайте вспомним опыт Европы, вспомним исторические несправедливости, пройденные Европой на разных этапах ее развития, начиная с войн конца XIX в. (если не говорить о более древних временах), о периодах первой мировой войны и даже Второй мировой войны. Непонятно, считать ли немцев, переселившихся из Западной Польши, пришлым народом. После Всеобщей Декларации прав человека был создан механизм решения этих сложных проблем. Европа называет себя единым культурно-политическим пространством. При этом я бы не сказал, что каждое государство утрачивает свой суверенитет. Общеευропейская интеграционная структура не нарушает внутринационального суверенитета и не приобретает форму Московской империи. Нам еще далеко до тех механизмов, которые существуют в Европе. Греция была исключена из сообщества за нарушения прав человека — после переворота черных полковников. Никто не просится из европейского сообщества, все просят в него. Ни прогресс, ни мир не могут быть достигнуты, как говорил А.Д.Сахаров, без того, что права личности будут уважаться. Мы должны очень поработать над формулировками, относящимися к правам человека, так, чтобы при этом учитывались и индивидуальные права человека, и права его как члена разных общностей.

Права национальных меньшинств и самоопределение народов Опыт Российской Федерации

Шелов-Коведяев Ф.В., председатель подкомитета по межреспубликанским отношениям ВС России

Уважаемые дамы и господа!

Я прошу простить меня, это будет не доклад, а информация (поскольку события бурно развиваются) — информация о деятельности Верховного Совета, Комитета, в котором я работаю, и некоторых других смежных комитетов, и о моих собственных контактах, собственных впечатлениях. Я благодарен за приглашение участвовать в работе вашего семинара и считаю, что его тематика чрезвычайно актуальна и становится, пожалуй, все более и более важной с каждым днем, в частности, и для нас в России. Я хотел бы подчеркнуть, что не следует недооценивать того, что господин Жириновский получил третье место на выборах Президента России — это чрезвычайно опасный фактор. Есть достаточные основания считать, что голоса всех тех, кто голосовал против Ельцина, придут к нему, поскольку он несомненно ярко выраженный фюрер, а фюрер притягивает неудачников. Кроме того, он обладает чрезвычайно опасным типом шизофрении, когда в отличие от своего немецкого предшественника, умеет себя удерживать на той грани истерики, когда, она не превращается в спектакль, а говорить он может не часами, а сутками. Так, он выступал у нас на Съезде, правда, к счастью, не в зале, а в кулуарах, но с 6-ти утра и до 10-ти вечера трое суток подряд перед журналистами, ни разу практически не повторив одну и ту же тему. Так что нам, видимо, нужно будет всем подумать над тем, что может нам грозить, тем более, что молодежь, то есть люди, скажем, до двадцати пяти лет, не активно вели себя на этих выборах, следовательно, этот электорат* вообще еще не разбужен. И может быть разбужен как раз личностью фюрерского типа.

Теперь я кратко расскажу о тех, как мне представляется, успешных шагах Верховного Совета, которые были сделаны им за истекший год. Начну я с успехов просто потому, что их, как мне представляется, довольно мало. Прежде всего, вы знаете, разработан проект Конституции Российской Федерации, новой Конституции. Мы заложили в нее, и это уже стало фактором

* Массив избирателей. (Ред.)

сознания депутатов, и, благодаря опубликованию в широкой прессе, включая «Аргументы и факты», предметом обсуждения в стране, — обсуждения в России, — обсуждение идеи о том, что права человека должны соблюдаться независимо от того, существует ли та или иная автономия, и независимо от того, где живет тот или иной человек. Что вообще проблемы федеративного устройства совсем не обязательно должны увязываться с проблемами территориальной автономии. Достаточно яркий пример тому — неоднократно упоминавшиеся здесь — Соединенные Штаты Америки, где вообще нет ни одной национальной государственности, и тем не менее с правами человека, и в том числе с правами национальных групп, национальных меньшинств, все обстоит гораздо лучше, чем у нас. Мы закладываем в проект Конституции широчайшие права национально-культурной автономии, и здесь нам кажется удачным, что об этих правах мы говорим в разделе «Гражданское общество», а не в разделе «Федеративное устройство», удачным, особенно если считать, что во всех предыдущих Конституциях просто об этом не было речи, а в нашем проекте огромный раздел посвящен правам человека. И здесь исходим из того, что сфера прав человека не есть сфера чьей бы то ни было внутренней компетенции, а, как это и было принято в соответствующих международных документах, это дело, если угодно, общее, и здесь мы стараемся в нашей работе высказывать и отстаивать именно такую точку зрения. В том числе и в наших контактах с другими государствами, с которыми мы соседствуем. Сейчас я просто хочу сказать о том, что во время моего недавнего визита в Азербайджан меня очень насторожило, что многие руководители республики говорили о том, что соблюдение гарантий прав граждан Азербайджана есть внутреннее дело Азербайджана, и они не позволят никому в это вмешиваться. Здесь нам тоже пришлось объяснять нашу позицию, что мы не собираемся вмешиваться ни в чьи внутренние дела, но проблема прав человека не есть проблема национальная или какого-либо государства. Впрочем, то же самое нам совсем недавно уже во время подготовки президентских выборов в России пришлось услышать, к сожалению, и от других политических деятелей, хотя не всех. Я не знаю, как господин Шаймиев смотрит на эти вопросы, мы не могли с ним встретиться — он вел свою избирательную кампанию, но вот его первый заместитель господин Шамгунов высказывал такие же идеи.

Мы последовательно отстаиваем и в парламенте, и в проекте Конституции право народов на самоопределение. И я полагаю, что мы будем и впредь относиться к нему со всяческим ува-

жением. Я бы только хотел сказать, что данное положение, существующее в искаженном виде в нашем массовом сознании, — формулируемое как право наций на самоопределение — это действительно чисто большевистский лозунг, а речь должна идти в соответствии с международными нормами о праве народов. Почему об этом надо говорить? Потому что мы сталкиваемся с тем, что в тех или иных республиках, на тех или иных территориях речь стараются вести именно о праве нации, то есть о каком-то одном народе, населяющем данную территорию. И некоторые даже заявляют, что вот мы — нация, а все остальные — лишь народы при нас, и они обязаны самоопределяться вместе с нами. Вот это не соответствует международным нормам, и мы в нашей работе в Верховном Совете придерживаемся международно признанных норм.

Одним из достижений, как мне кажется, нашей работы является то, что в отличие, пожалуй, от всех других государств, ныне входящих, или, по крайней мере, формально входящих в состав пока существующего СССР, мы не зафиксировали, хотя, в частности, коммунистическая фракция этого требовала, положения о государственном языке. Потому что, опять же, если мы взглянем на опыт цивилизованного мира, о государственных языках мы не прочтем ни в одной конституции. Речь может идти об официальных языках, причем это обязательно несколько языков, если государство не однонациональное. Скажем, самый яркий пример — Финляндия, где всего 3 % шведов и два официальных языка — финский и шведский. В Швейцарии четыре официальных языка и ни одного государственного. Вот и нам бы в России хотелось остаться на той же позиции. В Российской Федерации официальными языками являются русский и другие языки, которые находятся в употреблении на территории России, субъекты Федерации вправе сами определять те официальные языки, которые функционируют на их территории.

Как мне кажется, успешный микросдвиг пока лишь в сознании депутатского корпуса состоит в том, что нам удалось при работе над Конституцией и Федеративным Договором избежать упоминания о квотах в представительстве национальностей во властных структурах. Дело в том, что представители некоторых автономий, в частности Якутии, малочисленных народов Севера, требовали, чтобы обязательно было зафиксировано, что на каждом уровне государственной власти определенное количество мест будет закреплено за каждым народом, живущим на территории Российской Федерации. И первоначальное наше возра-

жение, что это фактически ведет к сегрегации, то есть заводит нас в ситуацию Южной Африки, а не в сферу обеспечения прав человека, наталкивалось на непонимание. А по сути дела это ведь действительно так. Скажем, если я возглавляю какое-нибудь министерство, и у меня квота на двух чувашей, то уже третьего чуваша, как бы он ни был умен, я не смогу взять, если не выгоню одного из тех двух, которые у меня уже работают. В последнее время нам все-таки удалось убедить оппонентов, что подход к формированию органов власти должен быть один — по профессиональным признакам, по признакам способностей человека, а не каким-то иным. Пока мы тут все еще сталкиваемся с большими трудностями, и нам достаточно часто приходится слышать, что права человека данной национальности может защитить только человек той же самой национальности, а другой вообще понять его проблемы не может и ни на что путное не способен. Но мы все-таки стараемся занимать другую позицию, и пока нам это удается.

О законе о репрессированных народах, его положительных сторонах здесь предыдущий выступающий уже сказал, поэтому я останавливаться на нем не буду.

Как вы знаете, мы вели интенсивные межреспубликанские переговоры на предмет заключения межреспубликанских договоров. Сейчас их существует шесть — это по порядку заключения — с Молдавией, Украиной, Казахстаном, Белоруссией, Эстонией и Латвией. Практически готов договор с Литвой и в стадии разработки находятся проекты договоров с другими государствами. Речь идет именно о договорах межгосударственных. В целом ряде статей каждого из этих договоров (это могут быть две статьи или три) очень подробно оговариваются гарантии прав человека в соответствии с принятыми международными нормами, вне зависимости от расы, пола, национальности, религии или каких-либо иных различий, на территории как России, так и другого государства. Причем эти права гарантируются не только гражданам данного государства, но и гражданам, находящимся на территории другого государства, а также лицам без гражданства и всем прочим. За исключением одного права, что тоже соответствует международным нормам, если это не гражданин данного государства, то он не имеет права избирать и быть избранным на высшие государственные должности, а может лишь участвовать в муниципальных выборах. Хотелось бы также поддержать звучавшее здесь мнение о том, что, если не все, то абсолютное большинство конфликтов, которые с легкой руки центральной прессы принято

называть межнациональными, являются на самом деле конфликтами политическими. Здесь я бы хотел сослаться на мое личное впечатление от встречи, состоявшейся больше месяца тому назад, с лидерами двух Закавказских государств — Армении и Азербайджана. Обе стороны считают, что это конфликт именно политический. При этом в Азербайджане меня неоднократно заверяли о том, что там существует в целостности и сохранности все не только коммунистические структуры, но и их идеологические основы. Господин Асадов — министр внутренних дел вообще поразил меня такой фразой, которая хорошо легла в контекст моего общения со всеми остальными представителями Азербайджана: «Мы здесь защищаем коммунистические идеалы, социалистический выбор и Советскую власть от армянских экстремистов и сепаратистов». Вот такая чеканная формула. Если она — не личное мнение господина Асадова, то тем более страшно.

Какие проблемы стоят перед нами? Проблем, конечно, больше чем успехов. Прежде всего это проблема бывших автономий в составе России. Мне кажется, что не все демократические движения в этих автономиях, во всяком случае не все их представители, достаточно отчетливо понимают, что они могут быть своего рода пешками в чужой игре, во всяком случае, когда они ведут речь о выходе из России или о двухсубъектности — в России и в Союзе. О чем я хотел бы сказать? Нас, демократов, меня многогрешного в частности, неоднократно обвиняли в том, что мы стремимся развалить Россию, продать там все, что можно, хотя неизвестно кто захочет нас купить, но тем не менее. Вместе с тем, надо помнить о том, что 26 апреля 1990 года, еще до того как Ельцин стал Председателем Верховного Совета РСФСР, еще до того как был избран демократический Верховный Совет, еще до первого съезда депутатов России, Горбачевым был подписан Закон, который предоставлял автономиям возможность стать субъектами Союза непосредственно. И мне представляется, что это был упреждающий удар, потому что по России и автономиям были известны результаты выборов, и было ясно, что демократические силы одержали достаточно серьезную победу. Причем, к несчастью для тоталитарной структуры, такая победа была одержана не только в российских областях, но и во многих, тогда еще автономных, республиках. В частности, мы получили демократично настроенных депутатов с Северного Кавказа. Казалось бы, империя еще была очень сильна, но проиграла в целом ряде округов. И вот был нанесен этот упреждающий удар, чтобы ослабить воз-

можную базу демократического движения в России и столкнуть различные народы между собой, и таким образом завести нас в болото выяснения отношений. Вы помните также, что Россию обвиняли в том, что приняв Декларацию о суверенитете, она подтолкнула бывшие автономии к принятию таких же деклараций. Вот мол, если бы Россия ее не приняла, все было бы хорошо. Но давайте вспомним кто принял первый такую Декларацию о суверенитете в составе России? Это была Карелия, где карелов меньше 10 %, где Председатель Верховного Совета русский. Зато он член Политбюро ЦК компартии Полозкова. О том, что эти Декларации о суверенитете носят ярко выраженный номенклатурный характер, свидетельствует и то, как они принимались — быстро, одна за другой, без всяких раздумий. Некоторые колебания были только в Чечено-Ингушетии, и мы с большим интересом следили за борьбой, которая там шла. Она наталкивала на мысль, что действительно речь шла о происках номенклатуры. Почему? Дело в том, что во главе автономных республик, к сожалению, не только Северной Осетии, но и других, оказалась бывшая или настоящая номенклатура, которая чрезвычайно заинтересована в сохранении системы жесткого диктата. А российский уровень эту систему, этот порочный круг жесткого диктата разорвал. И сейчас они готовы восстановить прямое жесткое подчинение Президенту СССР за счет собственных народов. Сохранить свои кресла плюс к этому дать кресла некоторым своим соратникам в штатах вновь созданной союзной республики. И они с большим удовольствием и, по-моему, умением используют некоторые демократические движения. В частности, мне пришлось в предвыборную кампанию Ельцина шесть дней провести в Татарии, и меня поразила степень наивности руководства татарского общественного Центра (ТОЦ — ред.), когда они заявляли: теперь компартия наша, теперь она все делает как надо, и, мол, мы ее контролируем. Такая наивность меня повергла в глубокое уныние, потому что для контроля надо хотя бы обладать адекватными структурами, которых просто нет. И в такое же глубокое изумление меня привели рассуждения людей, которые занимают ответственные посты в Татарии, о том, что, мол, из Татарии Россия, почему-то Россия, выкачала нефти на 300 миллиардов долларов, хотя вообще с территории всего Союза нефти было вывезено на 182 миллиарда. Делаются и заявления, что Россия должна вернуть Татарии все золото, которое забрал в свое время Иван Грозный. Что надо восстановить независимость образца 1552 года, что с тех пор Татария находит-

ся под российским игом. Если все это станет фактом широкого обсуждения в России, то ведь найдется достаточно сил, которые вспомнят 1231 год*, вспомнят иго, которое было после него, и начнут разыгрывать эту карту. Потом можно будет объяснять, что это были не те татары, и все было вовсе не так. Но все это придется объяснять потом, уже после тяжелого столкновения. И мне кажется, что те руководители номенклатурного склада, которые, в том числе и в Татарии, сейчас присутствуют достаточно широко, вполне сознательно возбуждают и подхлестывают страсти. Они даже не стеснялись говорить о том, что надо учитывать пять миллионов татар, живущих в России за пределами Татарстана, и в случае чего грозят разыграть и эту карту. То есть просто шел прямой шантаж, это уже находится за гранью всякой нравственности.

Что касается Северной Осетии, то события в ней связаны с исполнением закона о репрессированных народах. Принятие этого закона действительно было крайне нервозно там воспринято. Их депутаты пытались даже покинуть IV съезд народных депутатов, обвиняя нас в том, что мы хотим за счет осетинского народа решить проблемы других. Что здесь сказать? Вообще чрезвычайно сложная ситуация возникла вокруг исполнения этого закона. Закон хороший, и он, в частности, предполагает, что людям должно быть компенсировано все, что они потеряли. Для реализации этого необходимо очень много усилий, потому что, к сожалению, таких народов очень много, и даже предыдущий оратор не смог все их перечислить, ибо, действительно, размах коммунистического геноцида был огромен. Но теперь возвращаться этим людям надо уже на те территории, которые давно, иногда в трех поколениях, заселены другими людьми. Ведь эти проблемы предстоит решать так, чтобы какую-то сатисфакцию получили те, кто возвращается, и не были ущемлены в своих правах те, кто живет на данных территориях. В частности, здесь встанет, если говорить о районе Владикавказа, проблема казачества, и мы тоже не имеем права забывать о том, что паровой каток тоталитаризма прошелся и по по казачеству. В этих областях с 1918-го по 1921-й год был осуществлен геноцид казачества, и ингушам была отдана часть их земель. Поэтому здесь не просто осетино-ингушская проблема, но и проблема казаков, которые тоже помнят, что они жили на этой территории несколько столетий, и которые тоже имеют право на компенсацию за все то, что они пережи-

* (1237-1238) — Поход хана Батыея на Северо-Восточную Русь. (Ред.)

ли в свое время. Поэтому сейчас мы создали целый ряд комиссий Верховного Совета, которые должны разбираться с каждой конкретной ситуацией и находить какие-то нестандартные решения в каждом отдельном случае, потому что здесь никакого шаблона быть не может.

Ну, и несколько слов еще о тех сюжетах, которые здесь звучали. О свободе передвижения. У нас в составе депутатского корпуса много сторонников отмены режима прописки, но, к сожалению, пока решение по этому вопросу нам принять не удалось. Я затрудняюсь сказать, когда мы придем здесь к какому-то результату, потому что мифов вокруг этого в сознании даже депутатов достаточно много. Почему-то считается, что, если отменить прописку в Москве, то все туда немедленно кинутся. Хотя у меня такое впечатление, что все кинутся по большей части в обратную сторону, где, в конце концов, воздух чище и можно самому себя прокормить.

Обсуждение доклада

Каха Ломая: Господин Шелов-Коведяев! У меня такой вопрос. Я знаком и по прессе, и по личным беседам с вами, с вашей моделью субъектов федеративного устройства внутри России. К сожалению, из-за временных рамок вы не смогли об этом рассказать. Но, я думаю, представляет интерес, каким образом вы предполагаете уравнивать права трех типов образований внутри России, т.е., национально-государственного, национально-территориального и административно-территориального. Как вам видится механизм выравнивания прав вот этих субъектов Федерации? Это, я думаю, представляет интерес в чисто познавательном плане в рамках нашего семинара, и, с другой стороны, вы знаете, есть идея федерального устройства также в Грузии. Я думаю, это будет интересно и для нас. Спасибо.

Ф.Шелов-Коведяев: Дело в том, что до самого последнего времени республики, входившие в состав России, по сути ничем, кроме декораций, не отличались от областей и краев, входящих в состав Российской Федерации. Достаточно сказать, что реальная власть, которая существовала в этих республиках — власть Коммунистической партии осуществлялась обкомами КПСС. Фактически автономные республики имели тот же статус, что и области. Во многом это продолжает еще существовать, потому что лишь постепенно отдается на местах то, что

должно быть отдано, я подчеркиваю, что должно быть отдано. Поэтому здесь механизм, мне кажется, для областей, краев и республик должен быть один: нам необходимо решить, какой круг полномочий должен осуществляться Федерацией, т.е. Российским государством в целом. Это ограниченный круг полномочий. А все остальное оставляется на усмотрение тех субъектов, которые входят в Российскую Федерацию. Плюс к этому есть ограниченная область совместной компетенции Федерации и ее субъектов, которая передается самими субъектами, то есть то, в чем им нужна какая-то помощь, скажем, в развитии отсталых регионов, в решении экологических проблем. Могут существовать и какие-то программы, которые координируются на уровне Федерации, но финансируются самими субъектами в той мере, в которой этим субъектам они необходимы. Вот таким вот образом я бы ответил на этот вопрос. А вообще же наша концепция заключается в том, что, как я и сказал, изначально должны действительно быть уравнены субъекты Федерации, потому что до сих пор Россия представляла собой огромный остров, в который были включены отдельные национальные анклавы. Это по сути дела не была Федерация. Все территории должны быть равноправны. И кстати, происходит ведь сейчас формирование возможных новых субъектов, которые только станут таковыми. Я имею в виду те ассоциации, которые возникают — ассоциация республик и областей Поволжья, ассоциация Большого Урала, черноземных областей, Северо-Западная, куда входят и республики, и области, то есть здесь идет очень интенсивный процесс.

Вопрос: Предлагается, чтобы бывшие автономии России непосредственно входили в новый Союз. Как вы думаете решить эту проблему?

Ф.Шелов-Коведяев: Мне кажется, может быть, это звучит парадоксально, но это сейчас проблема даже не просто российская. Дело в том, что ни Казахстан, ни Узбекистан, ни Украина, ни Азербайджан на это не согласны. Должно стать действительно понятно, что не мы противостоям бывшим автономиям. Могут существовать такие федеративные государства как Соединенные Штаты, где каждый штат обладает колоссальной независимостью, колоссальной самостоятельностью во всем, что относится к его внутренним делам. Фактически по многим параметрам все обязанности штата по отношению к Федерации заключаются в неукоснительной выплате федерального налога. Там есть еще целый ряд обязанностей, которые штат дол-

жен непреложно выполнять, но это все главным образом относится к области безопасности и финансов. Все остальное отдаю на усмотрение штатов. И тогда такое федеративное государство из пятидесяти и более субъектов может существовать, процветать и жить долго. Если же почитать проект Союзного договора, то вы увидите, что сохраняется тоталитарная система. Именно в эту тоталитарную систему тянут бывшие российские автономии их нынешние коммунистические лидеры. И вот такая тоталитарная система с жестким контролем над каждым субъектом существовать не может, ее разорвет.

С.Ахильгов: Мне интересно ваше понимание суверенитета, также как вам, наверное, интересно было наблюдать за событиями в Северной Осетии. Вопросов два: первый — Ельцин обещал: «Берите свободы столько, сколько хотите, сколько проглотите». Как соотнобразуется это с вашей концепцией суверенитета? И второй вопрос. Я напому вам высказывания Гамильтона — отца федерализма США, который мечом собирался покорять непокорных. Вот в этом ключе ответьте на вопрос, как это все согласуется?

Ф.Шелов-Коведяев: Я вам отвечу очень просто. Во-первых, сколько хотите и сколько проглотите, — это разные вещи. Хотеть можно много, а проглотить совсем мало просто из-за того, что есть определенные пределы возможного. Дело в том, что Борис Николаевич говорит очень образным языком. В Татарии он сказал: «Столько, сколько вы сможете переварить», в Башкирии — «Столько, сколько сможете проглотить», но речь-то именно о том, чтобы взять то, с чем вы реально можете справиться. А коммунистическим лидерам этих республик было выгодно понять это таким образом, что они берут себе все, с чем они просто не смогут справиться. Ведь никто еще народам Татарии и Башкирии не рассказал, с чем же они собираются уйти из РСФСР. А собираются они уйти с чудовищно развитым в республиках военнопromышленным комплексом, который будет сокращаться, что грозит колоссальной безработицей. И неизвестно, откуда они возьмут на все это деньги, потому что денег-то ведь задаром давать никто не будет. Здесь имеется перекошенная, безобразно перекошенная экономика и чудовищная экология, которой еще можно помочь какими-то общероссийскими программами, субсидиями и так далее. Но ведь, если они выйдут, то Россия, потому что у нее самой денег нет, ничего им просто так давать не сможет, то есть сможет давать

кредиты, но под проценты. А это себе дороже. И вот это тоже не объясняется людям.

Вопрос: Не кажется ли вам, что провозглашение реального суверенитета республик будет означать ликвидацию реального суверенитета России как таковой? Ведь ситуация получается та же самая, какая возникает в Союзе, что реальный суверенитет союзных республик приведет к серьезной опасности для суверенитета Союза, и что бы там Горбачев ни говорил насчет суверенитета республик, Союзный договор неминуемо суверенитет Союза разрушит. Вы приводите в качестве примера Швейцарию как конфедерацию, либо Соединенные Штаты Америки, но ведь там нет суверенных субъектов Федерации, какие бы там ни были у них права. А коль скоро вы говорите о суверенизации субъектов Федерации России, то ситуация возникает совершенно противоположная. Это первое. И второй вопрос. По каким принципам вы собираетесь суверенизировать территориальные субъекты, сделать суверенными регионы России, если это вообще возможно? Вот вы говорили о суверенизации, допустим, Сибири. Каковы принципы суверенизации Сибири?

Ф.Шелов-Коведяев: В вашем первом вопросе содержалась ошибка. Кантоны Швейцарии суверенны. Почитайте Конституцию. Там написано, они суверенны. Что такое суверенитет? Я повторяю — это верховенство законодательных актов в пределах своей компетенции. Нравится нам это или нет, но иногда и господин Горбачев тоже говорит правильные вещи, например, когда утверждает, что абсолютного суверенитета в мире сейчас не существует; поскольку есть Организация Объединенных Наций, то любое государство в какой-то степени ограничено в своем суверенитете. Суверенитет — это верховенство законов, независимость и самостоятельность в решении своих внутренних дел. Так это все можно совершенно спокойно отдать субъектам Федерации. Да, верховенство законов. Кто возражает против того, чтобы они управлялись по своим собственным законам? Никто не возражает.

И второй вопрос. Ассоциации областей и республик возникают сами. Это движение, которое идет от них самих, это, извините за штамп, «живое творчество масс». Они формулируют определенный круг компетенций, который им нужен. Включают, кстати, какие-то требования по внешнеполитическим и внешнеэкономическим вопросам. И в тех договорах, которые были подписаны, в том числе во время поездки Ельцина, им

все это предоставляется. У экономических географов есть такой термин — «слипаются». Так вот, эти области и республики «слипаются» не по принципу похожести, а по принципу непохожести. То есть создаются действительно жизнеспособные единицы, когда индустриально развитые регионы «слипаются» с сельскохозяйственными и образуются, если угодно, такие мини-государства, которые в какой-то степени могут самообеспечиваться.

Е.Миначев: На съезде ТОЦ была принята резолюция о выходе из состава РСФСР. Это не игра, там ни одного партаппаратчика не было, и татарский народ нельзя считать игрушкой в чьих-то руках. Хочу сказать, что в советское время этот народ, как и всякий другой, был игрушкой в чужих руках, но сейчас хочет взять свою судьбу в свои руки. Потом, конечно, все признают, что было завоевание Казани Иваном Грозным в 1552 году. Наука признает это, а народные депутаты почему-то не признают. Я думаю, что это необходимо признать. За советское время укоренилась практика представлять национальные образования депутатом другой национальности. Как вы думаете, будет это продолжаться и дальше, или это все же отомрет и представитель данной нации будет представлять ее в Верховном Совете и в других выборных органах?

Ф.Шелов-Коведяев: Я хочу вам сказать вот что. В Москве, которая является исторически русским городом, по округам, там, где баллотировался еврей, — проходил еврей, там, где баллотировался армянин, — проходил армянин. Вот почему-то у русских, которые их избрали, к ним никаких претензий нет. Я говорю о том, что права человека приоритетны. И мы здесь собрались для того, чтобы обсудить именно эту проблему. И права человека может защищать любой человек, главное, чтобы он был искренен, честен, порядочен. И почему-то у белых избирателей Джесси Джексона не возникает проблем, как это черный может представлять их белую англо-саксонскую расу.

Вопрос: Вы говорили о межреспубликанских договорах как о межгосударственных договорах. И говорили о том, что в эти договоры, как обязательная норма, включены гарантии прав человека в республиках, подписывающих эти договоры. Скажите, пожалуйста, какие механизмы проверки соблюдения прав человека заложены в этих договорах и предусматривается ли там нормальная парламентская ратификационная деятельность, в частности прохождение через различные комите-

ты парламентов, либо экспертиза, как это принято, например, в Соединенных Штатах?

Ф.Шелов–Коведяев: Что касается договоров, то, как и положено, они ратифицируются, то есть проходят через комитеты и комиссии, и потом через Верховный Совет. Во всех договорах идет речь о том, что будут открыты соответственно Российские представительства в тех или иных государствах и представительства этих государств в России, причем на любом уровне. Там будут созданы нормальные консульские службы, куда граждане смогут обращаться для реализации своих прав. И, кроме того, в договорах с Прибалтийскими государствами, а они, как вы помните, заключались в январе, заложен механизм создания двусторонних комиссий по правам человека, межпарламентских комиссий с привлечением в них людей, пользующихся высоким авторитетом — правозащитников, юристов.

Вопрос: А они обладают каким-то правом ставить вопрос о приостановке договора?

Ф.Шелов–Коведяев: Они, как все комиссии такого рода, как, например, Европейская комиссия по правам человека, имеют право высказывать суждения и предлагать эти суждения парламентам той или другой страны, но принимают решения парламенты. Такова международная практика.

Права наций и права личности: проблема приоритета

Чернявский Г.И.

Разумеется, проблема соотношения прав личности и прав наций не нова. Она не стара, как мир, но насчитывает не одно столетие существования, или, точнее говоря, стала формироваться еще в конце эпохи средневековья — тогда, когда начиналось становление гражданского общества. При этом исследование исторических аспектов проблемы позволяет установить одну любопытную закономерность — по мере повышения общей и политической культуры того или иного социума приоритет неизменно склоняется от прав наций в пользу прав личности, что, однако, не означает ущемления прав национальных (или других этнических) сообществ, ибо осознание обществом личности как высшей ценности неизбежно и неизменно приводит к осознанию специфических прав того или иного коллектива — профессионального, возрастного, культурно-языкового и т.д.

При этом только признание приоритета личности над приоритетом нации может служить гарантией того, что национальный вопрос не будет использован в демагогических, узкокорыстных или же попросту реакционных целях. Примеров такого использования несть числа, и анализ каждого из них показывает, что в основе лежит игнорирование или по крайней мере недооценка прав личности.

Все это, как мне представляется, весьма актуально для современной действительности, для того конгломерата общностей, которое все еще официально именуется Союзом Советских Социалистических Республик, хотя и предполагается в скором времени исключение из названия этого конгломерата идеологического определения «социалистический». Впрочем, замена этого слова на слово «суверенный» мало что меняет при сохранении лишившегося реального содержания и отвергнутого практикой термина «советский».

Возвращаясь к поставленной в названии этих заметок проблеме приоритета, хочу отметить, что на примере нашего конгломерата ярчайшим образом подтверждается отмеченная

в самом их начале закономерность. В то же время она имеет некоторые специфические формы преломления.

Тоталитарный режим, существовавший в СССР в течение ряда десятилетий и основы которого все еще сохраняются, душил и права личности и права наций, но права личности он подавлял как бы вдвойне — и непосредственно, и через подавление национальных прав. Ведь, собственно говоря, любое ущемление национальных прав является покушением на личностные. В то же время тоталитарная система в значительной мере зиждилась на фиктивных общностях, являвшихся одним из основных ее инструментов в угнетении и эксплуатации народов и людей. Среди них были и псевдонациональные, и псевдоинтернациональные общности. Чего стоит, например «новая историческая общность» — советский народ, изобретенная теоретиками КПСС и служившая как для национальной, так и для политической нивелировки обывателей, находившихся под командованием руководящей и направляющей силы! Фиктивный интернационализм сопровождался прямыми актами национальной дискриминации, из которых, если иметь в виду сталинское и послесталинское время, государственный антисемитизм в СССР был, возможно, наиболее известным и вопиющим, но отнюдь не единственным. Во-вторых, отсутствие гражданского общества в СССР — стране, унаследовавшей и тотчас же похоронившей лишь зарождавшееся, но отнюдь не развившееся гражданское общество дооктябрьской России, предопределило тот факт, что проявление названной в начале этих заметок закономерности в посттоталитарном государстве будет реализовываться на самом начальном уровне — то есть с приоритетом прав национальных общностей над правами личности.

Современные советские реалии достаточно ярко это подтверждают. Собственно говоря, во всех так называемых межнациональных конфликтах — и тогда, когда они возникают как следствие нарушений национальных прав в прошлом или настоящем, и тогда, когда они носят в значительной мере искусственно-демагогический, спровоцированный характер — и с одной, и с другой стороны, независимо от того, какую из них признали бы правой, а какую виноватой, наблюдается пренебрежение или ущемление прав личности во имя подлинных или фиктивных национальных прав. *A la guerre comme a la guerre** — жертвы неизбежны, пусть среди них будут и маленькие дети, и старики со старухами!

* на войне как на войне (фр.)

Но можно ли морализировать по поводу национальных приоритетов над личностными, которые столь ярко доминируют в современном российском, украинском и других советских обществах? Думается, что это было бы антиисторичным, если согласиться с названной в начале закономерностью. Можно возмущаться и негодовать, как это сделали, скажем, корреспонденты «Известий», что масса депутатов Верховного Совета СССР выступила против отмены антидемократической, грубо попирающей элементарные права человека принудительной фиксации национальной принадлежности в гражданских официальных документах. Можно, и совершенно справедливо, как и в первом случае, считать остатком средневековья общество «Память» с его разнузданной и оголтелой кампанией против жидо-масонов. Но ведь объективный анализ должен обнажить нелицеприятную истину — тот факт, что мы только начинаем выходить из средневековья в прямом смысле этого слова, что в СССР только в наши дни начинают предприниматься первые шаги по ликвидации государственного феодализма.

Все сказанное отнюдь не означает неизбежности лишь пассивной констатации того, что придется еще многие десятилетия, а возможно, и столетия, двигаться к нормальному гражданскому обществу с его подлинным приоритетом прав личности над правами национальными. Отнюдь нет. Само осознание названной закономерности позволило бы предпринять сознательные усилия в пользу того, чтобы максимально сжать сроки прохождения пути, используя как позитивный, так и негативный, как отечественный, так и зарубежный опыт.

Провозглашение отказа от применения силы для решения национальных и этнических проблем, осознание, что провозглашение того или иного языка государственным может привести при бюрократическом, столь свойственном нашей стране отношении, лишь к нагнетанию национальной розни, будет, как представляется, одним из возможных путей ускоренного прохождения той неизбежной дистанции, которую предстоит преодолеть обществу для реального, а не декларативного осознания примата прав личности, как и того, что национальные приоритеты в конечном итоге должны сводиться к приоритету каждой отдельной личности.

Обсуждение доклада

Реплика: Вы не коснулись такого сложного момента, когда нация чувствует себя в аварийной ситуации. И в этой ситуации возникает желание чуть-чуть отступить и нарушить права человека.

Г.Чернявский: Я косвенно этого коснулся. Я говорил о том, что мы ни в коем случае не можем морализировать по поводу национальных и этнических конфликтов. Каждый из них требует совершенно конкретного, особенного к себе отношения, но при этом все же цивилизованное общество, цивилизованная личность должны исходить из того, что приоритет каждого отдельного человека, его личностные права — это наиболее весомая ценность, которая не может ущемляться и подавляться любыми другими правами и в этом случае.

Г.Мамулиа: Вы сказали, что мы находимся на уровне средневековья. Я с вами согласен. Значит мы не можем позволить себе такую роскошь, как выдвигание на первый план прав личности?

Г.Чернявский: Отнюдь нет. И сейчас мы должны стремиться к приоритету личностных прав. Я считаю, что мы не можем пренебрегать такой роскошью, как личностные права. Но мы должны понять, что личностные права будут пробивать себе путь на протяжении трудноопределимого времени. От сознательных усилий интеллигенции во многом зависит сокращение этого пути.

Е.Миначев: Вам не кажется, что стоит уточнить смысл слов «права человека»? Права человека и гражданские права, по моему, разные вещи.

Г.Чернявский: Я с вами согласен, трудно что-либо комментировать. Я подписываюсь под каждым словом, которые вы произнесли.

С. Руденко: Процесс утверждения прав личности на Западе происходил несколько сот лет. Может ли этот опыт способствовать тому, чтобы в нашей стране сконцентрировать это до нескольких десятков лет?

Г.Чернявский: Я боюсь брать ответственность определять сроки, но то, что при благоприятных условиях мы сможем существенно сжать время прохождения, это безусловно!

Г.Мамулиа: Для Грузии эта проблема исключительно актуальна, ибо там происходит столкновение двух понятий: права лич-

ности и права нации, особенно в отношении национальных меньшинств. Права личности, несомненно, должны иметь приоритет над правами нации на данном этапе. Если будет наблюдаться подавление прав личности, мы придем снова к тоталитарной структуре.

Г. Чернявский: Надо считаться с объективной закономерностью, с тем, что как бы мы ни хотели обратного, утопичным было бы полагать, что уже на нынешнем этапе развития может быть обеспечен приоритет прав личности. Мы должны к этому максимально стремиться. Но это будет не сегодня и даже не завтра.

Тут разгорелась дискуссия между представителями двух различных течений Грузии относительно приоритетности прав человека перед правами наций на сегодняшнем этапе. Я хотел бы выразить уверенность, что Грузия с ее двухтысячелетней цивилизацией, с ее европейскими традициями имеет все возможности стать цивилизованным европейским государством. И если сейчас есть сбой, то это не связано с культурой данного народа. Это особенность политического момента, но вовсе не рок этой страны.

А. Катигробов: Я услышал, что мы находимся в средневековье и хотел бы уточнить: в средневековье не было тоталитаризма. Тоталитаризм включает в себя элементы средневековья, но сама система — порождение XX века. И сейчас в самых развитых демократических странах, в Англии, Германии, Франции, на самом деле есть те же структуры феодализма, просто в одних странах больше, в других меньше. В России, на Украине тоже силен этот элемент, но это не значит, что тоталитаризм присущ тому или другому народу. Пример: возьмите фашистский тоталитарный режим в Германии и посмотрите, насколько демократической стала эта страна сейчас. И если в Грузии, в одной из древнейших цивилизаций, возник тоталитарный строй, то это не из-за каких-то национальных свойств. Тоталитарная коммунистическая идеология заразила все человечество в XX веке.

Р. Ленчовский: Тема моего выступления связана с проблемой, относительно которой сейчас идет спор — приоритет личности, приоритет нации. Но есть такой поворот, который мог бы устранить постановку вопроса о приоритетности, если каждая личность сумеет как-то себя определить по отношению к нации, осознать свою принадлежность к данной нации. Давайте посмотрим одновременно и на индивидуальные и на коллективные права личности. Речь идет не только о соотношении группы и личности. Всякое соотношение — это отношения

между личностями, по разному относящимися к группе. Как каждый человек переживает свои права? Знаменит «спор о пятой графе» — писать или не писать свою национальность. Как в нем разобраться? Такая постановка вопроса вызывает споры в самых разных аудиториях. За один день перед заседанием Верховного Совета в Киеве произошло соглашение еще одной «десятки». Есть коммюнике совещания представителей парламентских комитетов и комиссий, занимающихся вопросами прав человека. Это совещание было посвящено проблемам национальных меньшинств. Было ровно 10 человек, т.е. 9+1. Один был литовский наблюдатель. Не было представителей из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии. Вот к чему пришла эта десятка при воздержавшейся Литве. На дискуссии выступило только два человека против этого принципа: гарантировать право каждого человека свободно определяться в национальной принадлежности в формах, соответствующих национальному самосознанию, т.е. никто не должен быть принужден к определению собственной национальной принадлежности. Спор шел о том, оставлять этот принцип или совсем выбросить. Спасла лишь ссылка на документ Копенгагенского совещания 1990 года. Пункт 32: «Принадлежность лица к национальному меньшинству является предметом его личного выбора». Благодаря этой ссылке удалось отредактировать коммюнике в Киеве. Лицам, принадлежащим к национальному меньшинству гарантируется право свободно определяться. Но нет ли здесь дискриминации по отношению к лицам, принадлежащим к большинству? Я познакомлю вас с юридическим документом: «Гражданину Российской Федерации гарантируется свобода национального самоопределения, право определять свою национальную принадлежность, исходя из своего этнического самосознания. Никто не вправе принуждать гражданина к определению и указанию своей национальности». Это проект Конституции РСФСР, которая признает это универсальное право. На комиссии, на совещании депутатов, в выступлениях некоторых экспертов констатировалось вообще отсутствие такого международного права. На Верховном Совете СССР дебаты по этому вопросу были отложены. Я думаю, что ключевое понятие в этой ситуации — уважение человеческого достоинства, которое включает в себя и национальное достоинство. Всеобщая декларация прав человека начинается с призыва к уважению человеческого достоинства. Статья 17 международного пакта о политических и гражданских правах предусматривает охрану чести и достоинства граждан, прав-

да, лишь в связи с перепиской, телефонными разговорами и т.п. Тот же Принцип должен относиться к официальным документам. При записи национальности в паспорта, которые для их детей являются исходными, наши родители подвергаются принуждению. Мы должны выбирать между матерью и отцом. Если человек переехал из Сумской в Курскую область, его записывали русским. Если наоборот — записывали украинцем. Многие поляки в условиях белопольской фобии писались украинцами. Предположим, маленький ребенок во время войны попал в азиатскую республику, воспитывался там, усвоил ту культуру как родную. Как быть в этой ситуации? Я думаю, единственный способ — предоставить свободу выбора. Это, кстати, и предусмотрено в переписях населения, определять все, что касается национальных проблем не по документам, а по самоопределению. Есть ключевое понятие — волеизъявление. Если мы говорим об уважении чести и достоинства, то оно состоит в свободе волеизъявления. Я предлагаю термин «полиэтизм». Евреи, живущие на Украине, это не те евреи, которые живут в Испании. Поляки на Украине отличаются от поляков в Кракове. Есть русские, живущие на Украине и русскоговорящие украинцы. Речь идет о том, чтобы перевести определение национальной принадлежности из сферы публичного права, где действуют регулятивы отношений между личностью и властью, в сферу частного права. Это личное дело человека так же, как свобода совести. Меня часто спрашивают, не подведет ли совесть человека, не станет ли он отрекаться от своей общности. Начиная с первого документа о правах человека, документа о веротерпимости, по аналогии с этим надо принять акт об этнической терпимости.

Вопрос: Не могли бы вы прокомментировать такой правовой казус... Например, в Финляндии дается гражданство тому, кто считает себя финном.

Р. Ленчовский: Действительно, есть сложность перехода частного права в гражданское. Конституция определяет не только публичное право, но и сферу частного права. Как будет себя определять человек — это дело личности. А дело государства регулировать общие миграционные потоки. Если в Канаде у человека при приеме на работу спросят национальность, он имеет право обратиться за компенсацией в суд. Это его личное дело.

В определении понятий принципиально важна фундаментальная последняя работа Сергея Арутюнова «Народы и культуры, развитие и взаимодействие». Речь идет о народах,

их правах, а мы переводим это понятие как нация. Мир этноса очень большой, он включает не только название нации.

Г.Мамулиа: Не могли бы вы назвать признаки причисления индивидуума к какой-нибудь национальности?

Р.Ленчовский: Это и есть вопрос, который побуждает перевести проблемы из плоскости публичного институционального права в плоскость частного, потому что ни одного признака жестко назвать нельзя. Этноты себя определяли и по религиозным различиям, и по языку. Но есть два этноса, говорящие на одном языке или один этнос, говорящий на разных языках (например, мордва). Ни один признак не может называться решающим.

А.Даниель: Правильно ли я понял известный тезис о правосубъектности этноса?

Р.Ленчовский: Это в высшей степени сложная проблема, ибо речь идет не о личности, а об этносе. Человек, принадлежащий к этносу, и этнос, как некая группа — несколько разные понятия. В условиях нашего многонационального котла политически целесообразно сейчас не придавать статуса правосубъектности группе, которая не так легко могла бы конституироваться. И очень часто конституируется случайно, формально. К какому национальному институту может быть отнесена правосубъектность? Пример: на Украине была конституция, не существовавшая фактически ни одного дня. Там был очень интересный проект — «право национальной персональной автономии». Это впервые в мировой юридической практике — был введен термин, который не прижился. Никаких преимуществ коренной нации. Все нации, жившие на Украине, образовывали союзы, политические и национальные. Выборы в союзные органы шли по нациям. Союзные органы были тем институтом, которые выступали от имени нации. Для ситуации 1918 года это было самое прогрессивное решение национального вопроса. Все нации могли образовывать политический орган. Может, и сегодня это кому-то понравится?

К.Лебедев: В каком соотношении находятся термины нация и народ?

Р.Ленчовский: На английском языке ни в каком соотношении. Это один и тот же термин. Этнографы употребляют слово народ очень широко. Под народом можно понимать любую стадию формирования этноса. Народом можно называть русских, французов и т.д. Но славяне народом не называются. Здесь

есть некоторая размытость, поэтому употребляйте эти термины на ваш вкус. Народ — это многосоставная общность, а может быть и моносоставная. В Армении минимум смешанных браков, на Украине максимум, как и в Белоруссии.

Вопрос: Не кажется ли вам, что противодействие включению пятого пункта в паспорт есть свидетельство национального нигилизма.

Р.Ленчовский: Я думаю, это свидетельство другого... Дискуссия в одном парламенте, в двух депутатских группах показала противоположные оценки, в одной дискуссии было только лишь два человека «за», в другой только два человека «против». Как депутаты представляют народ, я не знаю, но гипотеза такая, что для людей это будет шибко удивительно и непонятно, я думаю, это совершенно естественно ввиду того, что мы вообще не знаем, что есть много вариантов. Мы со школы привыкли к существованию в одном единственном, по-философски говоря, модусе бытия, в одном единственном способе — советский образ жизни. Если у тебя несоветский образ жизни, ты — антисоветчик и уголовный преступник. Несоветский образ мысли — ты не хочешь строить коммунизм, ты уже государственный преступник, то есть мы совершенно не понимали, что человек может существовать во многих пространствах. Существование множества этнических пространств так же парадоксально, как формула Коперника в условиях жизни людей, привыкших к птоломеевскому миру. Формула Коперника, тезис Бруно о бесконечности миров сегодня переформулированы как тезис о бесконечности этнических миров, причем не разделяющих людей, а в принципе они могут находиться в одном человеке. И гражданская война, как политически, может быть и в одном человеке, через одну семью проходить, так и этническая война может проходить через одну семью. Но я должен сказать, что сдвиги есть. Вот резолюция, о которой я вам говорил, — «Свобода национального самоопределения», которую приняла международная конференция. Она была выдвинута мной и еще одним товарищем, художником из Баку. В принципе мыслимо содружество людей, которые представляют себе, что эта ситуация очень сложная.

Вопрос: Кто вы по национальности? Кем будут ваши дети?

Р.Ленчовский: Весь смысл моего доклада состоял в том, что такой вопрос должен был бы означать, что все то, что я сказал, услышано, но не воспринято душой и сердцем. Но не в этом дело. Я напомним здесь одну ситуацию из детской книги амери-

канского писателя Говарда Фаста — «Тони и волшебная дверь». Учительница задает десятилетнему Тони вопрос, какой задаете вы мне. Тони отвечает: «Моя бабушка испанка, но, правда, ее отец жил во Франции, а до этого в Англии, там он был женат на португалке...» Возник красочно описанный котел наций, кипящий в этом мальчике. У учительницы разболелась голова, и она выгнала Тони.

Мой дедушка, а точнее, отчим моей матери, был поляк. Он работал пожарным, а это система НКВД. Чтобы не потерять работу, он записался украинцем. Но ему это не помогло. Донесли о его национальности. А другой мой отчим — испанец.

Вопрос: Ваше мнение относительно необходимости графы «национальность»?

Р.Ленчовский: В своем научном учреждении, при ЦК Компартии Украины, я подавал записку, где предложил вместо графы «Ваша национальность» ввести формулу «Ваша национальная принадлежность?», которая может быть разная. На эту записку отреагировали психологически точно: «это выгодно евреям». Я был ошеломлен. Я подумал, что такая потребность в свободе выгодна тем группам, которые не принадлежат к власти. В социологии и этнографии есть термин «коэффициент притяжения», его высчитывают, диссертации защищают — к папе или к маме человек стремится. Выведена общесоюзная закономерность. Выбор определяется не этим фактором, а гораздо прозаичнее: на Украине легче выбиться украинцу, в Эстонии — эстонцу и т.д.

Самоопределение: строительство нации или своеволие?*

Клайн Э., *Сопредседатель Российско–американской (неправительственной) группы по правам человека*

Концепция самоопределения народов будила противоречивые страсти еще со времен Авраама, когда Йегова пообещал ему, что его потомки станут великим народом и будут владеть землей Ханаанской. Связь между государством и нацией горячо обсуждалась в течение 150 лет, в период от французской революции до начала второй мировой войны, то есть до тех пор, когда апелляция Гитлера к германскому национализму скомпрометировала национальную тематику, сделала эту тему запретной для обсуждения. Фактически в послевоенный период в отношении изучения расовых, этнических и национальных проблем существовало большее количество табу, чем при обсуждении проблем половой жизни.

Однако теперь развал советской империи вновь привел вопросы этнической политики на первые страницы газет и вновь сделал национализм предметом серьезного изучения. Как Джордж Орвелл пронизательно заметил: «Невозможно увидеть современный мир таким, каков он есть, если не отдавать себе отчета в силе патриотизма, лояльности в отношении своего народа. В определенных условиях этот патриотизм и лояльность могут быть разрушены, а на определенных уровнях цивилизации их вообще не существует, но нет ничего, что могло бы сравниться с ними как с положительной силой. Христианство и международный социализм ломки, как солома, в сравнении с ней».

Если Орвелл прав, а я думаю, что современная история подтверждает его правоту, то было бы ошибкой игнорировать или подавлять этнические чувства и устремления, и, напротив, следует найти путь для их удовлетворения. Это не означает, что каждое меньшинство должно иметь безусловное право на отделение. Абсолютные требования самоопределения должны

* Этот доклад не был прочитан на семинаре, как и доклад Паина (стр. 119), т.к. авторы не могли у нас присутствовать. Однако, мы сочли эти доклады настолько полезными и интересными для участников семинара, что включили их в настоящий сборник как материалы семинара. (Ред.)

быть смягчены с оглядкой на исторические, демографические, экономические и географические реалии. Следует ли вернуть Манхэттен индейцам? Должна ли Македония быть принята в Организацию Объединенных Наций? Какая форма автономии будет устраивать и Квебек, и англоговорящую Канаду? Имеет ли Татарстан право на отделение от России? Это, по существу, политические вопросы, для которых редко существуют идеальные решения. Роль миротворца — предложить долговременные и разумные решения и затем убедить стороны следовать этим решениям, не забывая, однако, слова Вильяма Болито, что «освобождение угнетенных народов — возможно, самое опасное из филантропических занятий».

Мыслители XIX века взрастили идеал национального государства как естественное дополнение к идеалу демократии: веру в то, что каждый народ имеет право на государственность и что каждое государство должно состоять из одного народа. Джон Стюарт Миль в «Размышлениях о представительном правительстве» утверждал, что «...Свободные институты почти невозможно создать в стране, объединяющей несколько национальностей... вообще, необходимым условием существования независимых институтов является совпадение, в основном, географических границ, юрисдикции правительства и национальных границ».

Следуя Миллю и надеясь прекратить этнические конфликты, приведшие к Балканским войнам, а затем к первой мировой войне, в феврале 1918 года Вудро Вильсон призвал к тому, чтоб мирные соглашения включали принцип, что «каждое соглашение о послевоенных границах должно быть заключено в интересах населения этих территорий... и все четко определенные национальные стремления должны получить наиболее полное удовлетворение, какое может быть предоставлено, не создавая новых причин для раздора и не увековечивая старые».

Пытаясь применить принципы Вильсона, Парижская мирная конференция создала новые государства, переместила границы и население. Однако века перемешивания этнических групп сделали компромисс неизбежным. Для тех, кто в результате этого компромисса и по воле судьбы, оказался в «чужом» государстве, как это произошло с национальными меньшинствами в нескольких государствах Центральной и Восточной Европы, Лигой Наций была введена система международной защиты. Эта система состояла из следующих двух категорий: защита против дискриминации (членам национальных меньшинств было гарантировано равенство в отношении

гражданских и политических прав) и предоставление позитивных прав (как например, государственные субсидии на образование, религиозную жизнь, государственная поддержка благотворительных организаций, школьное обучение на языке национального меньшинства, предоставление политической автономии жителям Аландских островов).

Система защиты меньшинств, созданная Лигой Наций, развалилась с началом второй мировой войны, и идея специальной международной защиты прав меньшинств вышла «из моды». Защитные меры, разработанные Лигой Наций, не смогли предотвратить уничтожение европейского еврейства и других меньшинств (некоторые обозреватели полагают, что, напротив, специальные привилегии, дарованные этим меньшинствам, сделали их мишенью преследований). Более того, Гитлер оккупировал Чехословакию и Польшу под предлогом защиты прав немецких меньшинств в Судетах и в Данциге от разрушений, мнимых или реальных.

После войны, в первые годы деятельности Организации Объединенных Наций, американская склонность к решению национальных проблем путем ассимиляции и недоверие к концепции коллективных прав, считавшейся Троянским конем советской экспансии, привели к тому, что правам меньшинств не уделялось систематического внимания. С другой стороны, социалисты подчеркивали групповую солидарность, но настаивали, что лояльность должна быть классовая, а не национальная*. Либеральная интеллигенция пришла к убеждению, что перед лицом угрозы ядерной войны только мировое правительство и глобальный подход к проблемам может гарантировать выживание человечества. Они также стали рассматривать нации и государства как анахронизм, стоящий на пути равенства и эффективной мировой экономики. Современный вариант этой интернационалистской точки зрения был сформулирован Джозефом Каренсом следующим образом:

«Либералы протестовали против того, как феодализм ограничивал свободу, включая свободу передвижения в поисках лучшей жизни. Но современная практика приложения концепции гражданства и контроль над государственными границами почти столь же эффективно привязывают человека к месту его рождения. Если феодальная практика была плоха, то что

* И.Дж.Хобсбам («Нации и национализм с 1780 года», Кембридж, 1980) и Эрнст Геллнер («Нации и национализм», Корнелл, 1983) рассматривают нацию как артефакт (феномен — прим.перев.) индустриализации, как переходную фазу на пути к интернационализму.

же оправдывает современную?.. Города и провинции имеют границы, но эти границы не могут быть использованы для того, чтоб препятствовать людям пересекать их в любую сторону. И действительно, свобода передвижения внутри национально-государственных границ широко признается как одно из основных прав человека, и за ограничение этого права государства подвергаются осуждению даже теми, кто придерживается консервативной точки зрения на государственный суверенитет. Люди, на самом деле, обычно свободны менять свою принадлежность к внутринациональным общностям по собственному желанию. Если это так важно для людей — иметь право свободно передвигаться внутри государства, не столь же ли им важно иметь право свободно пересекать государственные границы?»*

Эта глобализированная концепция свободы и равенства, утверждающая свободу пересекать любые границы, а также и то, что все находящиеся на территории данного государства, включая иностранцев, должны иметь равные гражданские и политические права, противоречит более традиционной точке зрения, согласно которой иммиграция и натурализация суть привилегии, и их дарование — прерогатива государства, и что защита прав иностранцев — это забота тех государств, в чьем подданстве они состоят.

Серьезным практическим препятствием к воплощению концепции прав меньшинств является нежелание государства признать существование посреднических структур между ним и его гражданами. В то же время, для защитников прав человека и для классических либералов камнем преткновения является их страх, что признание групповых прав вообще, и — в частности — прав меньшинств, как-то принизит во имя коллективных прав ценность индивидуума по сравнению с коллективом. Хотя право на ассоциацию и означает, что индивидуумы могут создавать организации, или присоединяться к ним, существование особых групповых привилегий представляется противоречащим идее, что каждый индивидуум должен обладать правами человека «без какого бы то ни было различия, как то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения».

* «Свобода передвижения» под ред. Брайана Бэрри и Роберта Гудина, издание Пенсильванского Университета, 1992, стр.26-27.

Тем не менее, как бы ни были убедительны аргументы в пользу упразднения национальных и этнических различий, сохранение языка, традиций и этническая солидарность оказались важнее для многих курдов, ирландцев, словаков, осетин, басков, тибетцев, зулусов, крымских татар, тамиллов, македонцев и других.

Ханна Арендт упоминает в «Истоках тоталитаризма» о разочаровании, испытанном «маргинальными фигурами — несколькими международными юристами, не имеющими политического опыта, или профессиональными филантропами», когда они попытались превратить гражданские права подданных национального государства в абстрактные и практически неосуществимые какому-либо организованному сообществу обеспечивая возможность эффективного пользования фундаментальными правами.

Поучителен тот факт, что несмотря на то, что концепция всеобщих прав человека получила в послевоенный период словесное признание, специфические этнические проблемы решались *ad hoc*: принудительная депортация немецкого меньшинства из Восточной Европы, перемещение границ, создание национального еврейского государства, принудительное переселение нескольких этнических групп внутри СССР и ограничение их гражданских прав, и т.д.

К 1966 году, когда были приняты Международные Пакты о Гражданских и Политических Правах, настроения международного сообщества качнулись назад — от предпочтения ассимиляции как универсальной панацеи для решения проблем национальных меньшинств к признанию силы национальных чувств. В конце концов, довод, что сохранение саамского народа необходимо в интересах национального многообразия ничуть не хуже довода о спасении рогатой совы для сохранения биологического разнообразия. Как сказал Арпард фон Лазар в «Размышлениях о заново рожденных европейцах» (Флетчерский Форум, лето 1992 года): «Национализм в современной Европе неизбежен... и не существует причины, по которой мы должны рассматривать создание и появление малых государств как какой-то анахронизм, болезненно напоминающий о кошмарной балканизации 19-го и 20-го столетия в версии 21-го века. Попробуйте сказать литовцам, хорватам, македонцам или словакам, что они «нежизнеспособны». Они вам просто ответят, что, рассматривая хотя бы последнее тысячелетие, они очень жизнеспособны, как день ото дня доказывает их язык, культура и само их существование».

Согласно 1-й статье Пактов о Гражданских и Политических Правах, «все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие». Хотя кое-кто и интерпретировал эту статью как относящуюся исключительно к заморским колониям европейских империй, словаки, литовцы, баски и другие «порабощенные народы» настаивали, что и им должно быть гарантировано это право*.

Как следует из этой статьи Пактов, национальное государство рассматривается Пактами как фундаментальная единица мировой структуры, однако создатели Пактов понимали, что достижение полного отождествления нации и государства возможно отнюдь не всегда. Чтоб не допустить нарушений прав меньшинств доминирующим национальным большинством, на чьей территории эти меньшинства проживают, 27-я статья Пактов о Гражданских и Политических правах предусматривает, что «в тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком»**.

В 1971 году Подкомиссия ООН по предотвращению дискриминации и защите меньшинств поручила Франческо Капоторти подготовить Исследование о правах лиц, принадлежащих к этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Завершенная в 1977 году, эта работа дает полное представление об истории, теории и практике защиты прав меньшинств. В своем предисловии Капоторти пишет:

«Разумеется, для достижения конкретных результатов необходимо, чтобы государства искренне придерживались самого принципа международной защиты меньшинств и проявляли

* Ирония состоит в том, что после конца первой мировой войны наоборот именно жители индийских и африканских колоний были воодушевлены словами Вильсона, обращенными к чехам, полякам и другим европейским народам, о том, что «все четко определенные национальные стремления должны получить наиболее полное удовлетворение».

** Сравнительно недавним свидетельством растущего признания групповых прав является новая Концепция о коренных и племенных народах (принятая в 1989 году Международной Организацией Труда), которая прямо заменяет ассимиляционистские стандарты старой конвенции 1957 года положениями, поддерживающими стремление коренных народов сохранить их национальные особенности и управлять своей собственной судьбой.

твердую решимость уважать принципы, изложенные в статье 27 Пакта. Правда, на пути всеобщего признания такого подхода стоит целый ряд препятствий. Любой международный режим защиты лиц, принадлежащих к меньшинствам, вызывает недоверие и опасения. Во-первых, считают, что он является предлогом для вмешательства во внутренние дела государства (особенно в тех случаях, когда меньшинства имеют этнические или языковые связи с иностранными государствами). Во-вторых, ввиду весьма разнообразного положения меньшинств в отдельных странах государства скептически относятся к универсальному юридическому подходу к этой проблеме и выражают недоумение по поводу возможности применять единые правила к весьма различным конкретным ситуациям. Кроме того, некоторые государства считают, что сохранение самобытности меньшинств является угрозой для единства и стабильности включающих их государств. Еще один выдвигаемый аргумент заключается в том, что специальные меры по защите, направленные на обеспечение подлинного равенства между большинством и меньшинством в каждой стране, неминуемо приводят к различию в положении; в таких условиях обнаруживаются, по-видимому, начала дискриминации в обратном направлении. Короче говоря, правительства предпочли бы не быть связанными в вопросах политики в отношении меньшинств...

Однако эти обстоятельства не должны обескураживать тех, кто верит в необходимость установления международной системы защиты лиц, принадлежащих к этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Большая часть возражений, высказанная против установления такой системы, — опасность вмешательства во внутренние дела государства, разнообразие ситуаций, угроза нарушения стабильности государств, — в основном носит тот же характер, что и возражения, которые выдвигались в течение многих лет против международной защиты прав человека вообще. Тем не менее принцип защиты прав человека медленно, но неуклонно завоевывал признание. В качестве первого шага для обеспечения эффективной защиты прав лиц, принадлежащих к меньшинствам, следует, таким образом, убедиться, что эта защита является неотъемлемой частью современной системы прав человека. Принципы, изложенные в статье 27, в юридическом плане уже твердо установлены; они должны рассматриваться таким же образом в политическом, социальном и психологическом планах. Следу-

ет также учесть все связанные с ними последствия: это трудоемкая работа, к которой необходимо приступить немедленно»*.

Первого августа 1975 года в Хельсинки государства, участвовавшие в проходившей там Конференции по Безопасности и сотрудничеству в Европе, заявили о своей приверженности десяти принципам, на которых будут основаны их взаимоотношения. Среди этих принципов: невмешательство во внутренние дела суверенных государств; нерушимость границ и территориальной целостности; самоопределение народов; уважение прав и основных свобод человека вне зависимости от расы, пола, языка или вероисповедания; защита прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам.

В приложениях к конкретным ситуациям эти принципы часто оказываются противоречащими друг другу. Можно ли совместить самоопределение армянского населения Нагорного Карабаха с сохранением территориальной целостности Азербайджана? Имеет ли ООН право на «вмешательство с гуманитарными целями», чтоб предотвратить дурное обращение с боснийскими мусульманами, и включает ли это право также и право бомбить сербов**? Должны ли представители крымскотатарского народа иметь право вето в отношении законов, принятых большинством крымского парламента? Имеют ли русские жители Таллинна автоматическое право на эстонское гражданство и должны ли они обладать в полной степени всеми гражданскими и политическими правами? Должен ли воп-

* Проект «Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным или языковым меньшинствам» был принят Комиссией ООН по правам человека в феврале 1992 года. Европейская Комиссия за демократию посредством закона предложила «Европейскую конвенцию о защите меньшинств», и Конференция по Безопасности и Сотрудничеству в Европе решила создать пост Верховного Комиссара по делам национальных меньшинств для урегулирования напряженностей, связанных с проблемами национальных меньшинств в странах, подписавших Хельсинские Соглашения.

** Доктрина вмешательства с гуманитарными целями была развита в 17 веке Хьюго Гроциусом, который утверждал, что если обращение государства с его собственными гражданами шокирует совесть мира, тогда другие государства имеют законное право на применение силы с целью исправления ситуации. На вмешательство с гуманитарными целями в 1877 году ссылались русские, сражаясь за независимость Болгарии от Турции; в 1898 году на это ссылались Соединенные Штаты, вмешавшиеся в гражданскую войну на Кубе; Организация Объединенных Наций в 1961 году — проводя военные операции в Конго; Индия — поддерживая отделение Бангладеш от Пакистана; Танзания — свергая Иди Амина; Вьетнам — когда оккупировал Камбоджу. Критики доктрины вмешательства с гуманитарными целями рассматривают ее как не регулируемый законом предлог, используемый могучими государствами для навязывания своей воли маленьким и слабым государствам.

рос о возможном переходе Южной Осетии в состав России решаться референдумом? И кто может участвовать в таком референдуме?

Проблема выработки концептуальных рамок, в которых эти вопросы могут быть разрешены, усложняется отсутствием общепризнанных определений для таких ключевых терминов, как «народ», «меньшинство» и «самоопределение». Ясно, однако, что эти термины относятся к вещам настолько реальным, что они способны раскалывать государства и разжигать войны.

В связи с развалом советской империи углубленное понимание ролей государства и нации в современном мире стало делом, имеющим важные практические последствия. В надежде стимулировать такую дискуссию по вопросам этнической политики, которая вышла бы за пределы абстрактных теорий и банальных утверждений, я выдвигаю следующие гипотезы:

1. Вне зависимости от того, является ли мировое правительство желанным и возникнет ли оно когда-либо, независимые государства продолжают свое существование в течение следующих десятилетий, если не веков. Государство является посреднической структурой между индивидуумом и универсальными этическими и правовыми нормами и, фактически, само обладает обширными «групповыми правами», как, например, право принимать конституцию и законы, регулирующие поведение его граждан. Права меньшинств, включая этническое групповое право на сохранение национальной культуры, являются надлежащим фактором обуздания власти национального государства.

2. Право каждого человека на жизнь, свободу и неприкосновенность личности является фундаментальной аксиомой концепции прав человека и выражает ее дух. Признание прав меньшинств не должно служить для государств, этнических групп и иных образований предлогом для нарушения или принижения индивидуальных гражданских прав, предусмотренных Пактами о гражданских и политических правах*.

3. Государственные образования и их границы менялись со временем и будут меняться. Современная политическая гео-

* Проект «Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным или языковым меньшинствам» предусматривает в статье 3.2, что «никакое лицо, принадлежащее к какому-либо меньшинству, не должно страдать в результате осуществления прав, изложенных в настоящей Декларации», и в статье 8.2, что «осуществление прав, изложенных в настоящей Декларации, не должно препятствовать кому-либо в осуществлении его прав и основных свобод».

графия вряд ли есть образец совершенства в смысле порядка расселения народов и территориальных границ. Отделение, слияние государств и пересмотр границ будут поэтому оставаться разрешенным, а также полезным, способом решения этнических конфликтов, при этом однако следует не забывать следующие слова американской Декларации Независимости: «Чувство разумной осторожности говорит нам, что давно образованные Правительства не должны подвергаться изменениям по легковесным или преходящим причинам». Желание большинства населения, проживающего на данной территории, должны быть доминирующим фактором при определении государственной принадлежности и институтов власти, но безопасность и благополучие меньшинств, не согласных с мнением большинства, а также соседних народов и международного сообщества, должны быть приняты во внимание. Если самоопределение народа приводит к ситуации, представляющей очевидную опасность для жизненных интересов других народов, оно может быть отложено, или его условия могут быть модифицированы, а в экстремальных случаях решение о нем может быть отменено.

4. Отделение не должно быть первым рассматриваемым вариантом в разрешении проблем этнического плюрализма, поскольку оно часто приводит к насилию и к болезненным нарушениям в экономической и социальной сферах*. Отделение: моральность политических бракоразводных процессов от Форта Самтер до Литвы и Квебека» (Ворлд Вью Пресс, 1991 г.), представляющую разумную попытку разработки нормативной теории отделения. Федерализм (Индия, Швейцария, Испания) и территориальная автономия (Пуэрто Рико, Гренландия, Южный Тироль) являются более традиционными формами этнического плюрализма, но культурная автономия, которая предоставляет права ассоциациям лиц, а не определенным территориям, может иметь достоинства там, где географическое перемешивание этнических групп делает территориальное разделение нереалистичным**. Добровольное перемещение насе-

* Смотри работу Ален Буканан, 174

** Государство и нация в многоэтнических обществах: распад национальных государств» (под редакцией Ури Раанана и др., издание Манчестерского Университета, 1991 г.) содержит полезные статьи по теории и практике культурной автономии в Австро-Венгерской империи. Соединенные Штаты, кажется, движутся от модели «плавильного котла» к «культурному многообразию», т.е. от их фундаментальной веры в ассимиляцию к приятию личной этнической автономии.

ления (или даже, в некоторых случаях, не добровольное, если оно проводится с тщательным соблюдением гуманитарных процедур) может оказаться меньшим злом, чем кровавый этнический конфликт.

5. То, что государственные структуры, похоже, будут существовать в течение обозримого будущего, не означает, что концепция суверенитета не может быть изменена. Сегодняшняя международная обстановка, по-видимому, благоприятствует экономической интеграции государств, происходящей с передачей значительной доли власти в распоряжение надгосударственных и международных механизмов управления (Европейское Экономическое Сообщество, Международный Валютный Фонд, Общее Соглашение о Тарифах и Торговле), а также передаче доли власти подгосударственным образованиям (Каталония, Шотландия, Татарстан). Ситуация также, видимо, благоприятствует прогрессу в области передачи судебных функций, функций арбитража и посредничества надгосударственным организациям (Международный Суд, Европейский Трибунал Прав Человека, Совещания по Безопасности и Сотрудничеству в Европе, с их недавно принятыми механизмами урегулирования конфликтов).

В том, что касается прав человека, происходит постоянная эрозия доктрины невмешательства во внутренние дела суверенных государств. Международное сообщество теперь, кажется, воспринимает дипломатическое давление как приемлемый ответ на дурное обращение государства с его собственными гражданами, а в случаях чрезвычайной жестокости — приемлемым считается также и экономическое давление. Однако иностранное военное вмешательство, хоть оно и не исключается полностью, по-прежнему вызывает подозрения из-за частых злоупотреблений государствами, преследующими при этом свои собственные интересы, из-за того, что такое лекарство приносит часто больше страданий, чем сама болезнь, и поскольку военное вмешательство очень редко достигает своей цели.

Работа Мортон Гальперина и Давида Шефера «Самоопределение и новый мировой порядок», написанная по заказу Фонда Карнеги по Проблемам Международного Мира (стр.113-114), предполагает, что Совет по Опеке Организации Объединенных Наций может в определенных ситуациях принять на себя временное управление территориями, дестабилизированными этнической напряженностью или конфликтами, пока сам Совет, Международный Суд и другие соответствую-

щие организации вырабатывают реалистический долгосрочный план политического урегулирования конфликта и возможного перемещения границ*.

6. Для выработки жизнеспособных соглашений существенно выяснение фактической стороны конфликта. Хотя попытки наблюдателей сколь бы беспристрастными они ни были, установить факты, лежащие в основе этнического конфликта, могут скорее возбудить, чем успокоить национальные страсти, а исследование физических, психологических и культурных различий между этническими группами есть дело особенно деликатное, потенциальная польза этих попыток перевешивает связанный с ними риск, если исследование проводится добросовестно, профессионально и со знанием дела.

Этнические конфликты — не уникальное явление, присущее только нашему времени или только Восточной Европе. Некоторые из этих конфликтов, как, например, притязания Германии и Франции на Эльзас, ушли в историю. Другие, такие, как ирландский вопрос, судьба палестинских арабов и китайское владычество над Тибетом, продолжают пылать. Соединенные Штаты также имеют свой собственный комплекс проблем этнической политики, и среди них отношения белых и негров, права индейцев, статус Пуэрто Рико, двуязычное обучение в школах. Ответы не придут легко, поскольку в них должна быть учтена «искривленная древесина человечества». Ясно, что эксперимент по созданию «нового советского человека» был обречен на неудачу. Мы должны научиться искать жизнеспособные и долговременные — и не обязательно идеальные и вечные — решения этнических конфликтов путем взаимодействия с реальными людьми и народами, с такими, какие они есть. В противном случае, нам нужно закалить свои души, чтоб быть готовыми к кровопролитию и страданиям.

Проницательные замечания, высказанные Эндрю Блейном, и его мастерство редактора намного улучшили первоначальные варианты настоящего эссе. Сергей Ковалев и Валерий Чалидзе сделали предостерегающее замечание, что утверждение коллективных прав может быть использовано для умаления индивидуальных прав.

В дополнение к работам, упомянутым в тексте, следующие книги оказались особенно полезны автору: Инис Клод «Нацио-

* Послевоенное соглашение об опеке отдало Свободную Территорию Триеста под протекторат Совета Безопасности ООН на период 1947 по 1954 год, когда в результате завершения переговоров она была поделена между Италией и Югославией.

нальные меньшинства», издание Гарвардского Университета, 1955 г.; «Модель автономии» под редакцией Йорам Динстейн, Трансакшн Букс, 1981 г.; Херст Ханнум «Автономия, суверенность и самоопределение: примирение противоречивых прав», издание Пенсильванского Университета, 1990 г.; Джо-зеф Ротшильд «Этническая политика: концептуальные рамки», издание Колумбийского Университета, 1981 г.

Перевод с англ. Ефрема Янкелевича

Приложение 1

Программное заявление

Правовые и нравственные принципы межнациональных отношений производны от общечеловеческих гуманитарных ценностей и прав человеческой личности. На этом основывается безусловное равенство всех людей независимо от их национальной и расовой принадлежности, что в свою очередь неотделимо от обязанности каждого уважительно относиться ко всем другим национальностям. Принципиально безнравственны любые формы национализма, то-есть возвеличивания собственного национального достоинства за счет прямого или косвенного умаления национального достоинства других народов и этнических групп. Никакие социальные проблемы не решаются путем возбуждения в людях националистических чувств. Любая националистическая активность вызывает у представителей других народов ответную реакцию, что неизбежно дестабилизирует общество в целом.

Между тем, исключительная живучесть в людях националистических предрассудков, быстрая воспламеняемость националистических настроений при наличии малейшего к тому повода представляют в современном обществе факт, с которым невозможно не считаться. Объективная реальность состоит еще и в том, что в жизни бывает, как правило, невозможно провести зримую грань между чувством законной национальной гордости и претензий на национальную исключительность, равно как и отделить в психике людей переживания по поводу исторических национальных обид от чувства враждебности к народам, представители которых в прошлом были причастны к данным историческим несправедливостям. Поэтому ото всех участников межнациональных споров и дискуссий требуется не просто развитая терпимость к противостоящим мнениям, но и согласование ряда универсальных норм межнационального поведения.

Исходя из этого, а также из убеждения, что только в условиях свободного и доброжелательного общения с другими народами, каждая нация может в полной мере реализовать свои

собственные национальные права, национальную культуру и экономическое процветание.

Московская Хельсинкская группа призывает граждан всех национальностей бывшего Союза ССР руководствоваться следующими общими принципами межнациональных отношений:

- Право на самоопределение вплоть до выделения в независимое государство является естественным и неотъемлемым правом всех народов и компактно проживающих этнических групп. Право народа на самоопределение неотделимо от его обязанности признать тот же объем прав за всеми другими народами, включая национальные меньшинства в составе выделяющегося государственного образования. Ни один народ не обладает в вопросах самоопределения правом исключительности.
- Никто не вправе прямо или косвенно принуждать народ оставаться в составе многонационального государства, равно как и принуждать его к выделению из него путем нагнетания националистического психоза. Право народа на самоопределение может быть реализовано только на основе всенародного опроса, проведенного в обстановке полной свободы волеизъявления, исключающей любое давление и в форме, исключающей неожиданность толкования результатов этого опроса.
- Национальное большинство любого национально-государственного или территориального образования ответственно за осуществление национальных прав всех национальных меньшинств данного региона, обязано заботиться об условиях их существования и гарантировать их права путем создания для этого режима наибольшего благоприятствования.

Бремя доказывания невозможности выполнить конкретные претензии национального меньшинства лежит на администрации данного государственного или территориального образования.

- Государственные и неформальные лидеры наций и этнических групп обязаны устанавливать личные контакты с наиболее авторитетными представителями национальностей в сопряженных регионах, показывать личный пример терпимого отношения к сторонам в межнациональных спорах и полного воздержания от ультимативных заявлений.

Национальные лидеры обязаны принимать меры к умиротворению националистических страстей граждан своей нацио-

нальности и несут моральную ответственность за стихийные беспорядки на национальной почве.

- Все нации, национальности и этнические группы призваны уважительно относиться к существующим юридическим границам, федеративной принадлежности и административной подчиненности всех национально-государственных и территориальных образований, поддерживать сложившиеся традиции в экономических и культурных связях.

Одно только изменение этнического состава населения в пределах республики или национально-государственного образования не влечет за собой обязательной ревизии их границ и юридического статуса.

- Любая инициатива в изменении границ, федеративной принадлежности или административной подчиненности республик и иных национально-государственных образований признается оправданной тогда, когда исчерпаны другие способы обеспечить полные национальные права соответствующего национального меньшинства. При этом совершавшиеся в прошлом нарушения исторических национальных границ учитываются постольку, поскольку к указанным нарушениям причастны ныне живущие поколения людей.

- Национальное большинство региона, выделяющегося в независимое государство, обязано обеспечить, чтобы неблагоприятные последствия этого выделения для граждан, не желающих изменения, либо, наоборот, сохранения прежнего гражданства, были по невозможности уравнены для обеих сторон, а связанные с переменой местожительства расходы минимальны. Ни один выделяющийся в независимое государство народ не вправе провозглашать свою территориальную целостность в одностороннем порядке.

- Категорически отвергаются любые формы насилия как способ разрешения межнациональных конфликтов. При возникновении межнациональных споров стороны обязаны максимально воздерживаться от односторонних споров стороны обязаны максимально воздерживаться от односторонних действий и выставления ультимативных требований.

- Все межнациональные споры разрешаются только путем переговоров спорящих сторон. Участвующие в споре стороны могут обратиться за помощью в его разрешении в

третейский суд (арбитраж) только при обоюдном их на то согласии.

Спокойствие населения участвующих в споре республик и национальных регионов и полное воздержание от действий, возбуждающих националистические страсти, являются обязательными предварительными предпосылками практического разрешения межнационального конфликта. Третейский суд (арбитраж) должен приостановить рассмотрение спора до полного выполнения настоящего условия.

- Осуществление национальных прав не должно расходиться с общечеловеческими гуманитарными ценностями и правами человеческой личности. Право наций на самоопределение не совместимо с ограничениями в данном регионе демократических свобод и прав человека.
- Интегрированные нации правомочны и обязаны принимать коллективные меры против лиц и организаций, использующих националистические чувства людей для утверждения режима тоталитарной власти.

Авторы обращения призывают представителей интеллигенции всех национальностей наших стран поддержать данную платформу и объединить усилия в деле утверждения обозначенных принципов межнациональных отношений.

Б.Золотухин
Н.Монаков

Приложение 2

Обращение участников просветительского семинара « Национальные проблемы и права человека »

В Комитет по законодательству и правопорядку ВС СССР, парламентские комитеты и комиссии, занимающиеся вопросами законодательства и вопросами прав Человека высших законодательных органов Азербайджанской ССР, Республики Армении, Республики Грузии, Белорусской ССР, Казахской ССР, Киргизской ССР, Латвийской Республики, Литовской Республики, Республики Молдова, Российской Советской Федеративной Респубики, Таджикской ССР, Туркменской ССР, Узбекской ССР, Украинской ССР, Эстонской Республики.

Уважая национальную честь и достоинство каждого человека, будучи озабоченными высоким уровнем конфликтности в межнациональных отношениях, в которых прежде всего попирается достоинство личности, и более того, — право на жизнь,

принимая во внимание сложность соотношения различных видов прав человека, соотношения индивидуальных и коллективных прав, прав народов,

учитывая особую сложность национального самоопределения человека в смешанных семьях и многонациональной среде,

руководствуясь принципами и нормами международного права в области прав человека, в частности ст. 32 Документа Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ,

участники Семинара, подписавшие данное обращение, считают, что уважение национальной чести и достоинства каждого человека становится важнейшим принципом отношений в обществе и нуждается в правовой институализации. Этот принцип предполагает свободное волеизъявление человека в отно-

шении своей национальной принадлежности — свободу личного национального самоопределения и свободу личного национального самовыражения, т.е. свободу от любых форм принуждения в этническом самоопределении человека и свободу от необходимости регистрировать свою национальную принадлежность в официальных документах.

Определение национальной принадлежности — личное дело человека, каждый человек вправе сообщать о своей национальности или воздерживаться от такого сообщения.

Участники семинара поддерживают проект постановления Верховного Совета СССР об отказе от регистрации национальной принадлежности в официальных документах, подготовленного Комитетом по законодательству и правопорядку и представленным депутатом А. Себенцовым, проект Конституции Российской Федерации (ст. 2.3.9. о свободе национального самоопределения и ст. 7.1.3. об удостоверениях личности).

Коммюнике Совещания представителей парламентских комитетов и комиссий, занимающихся вопросами прав человека (Киев, 4-6 июня 1991 г.) о гарантиях на свободное национальное самоопределение для лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам.

Подписано большинством участников семинара и принято в качестве документа семинара.

Приложение 3

Список участников

Аблова Наталья Александровна, Демократическое движение Кыргызстана, «Мемориал», Бишкек (Фрунзе), пр.Дзержинского 64 кв.14

Адельханов Эммануил Семенович, «Мемориал», 380123, Тбилиси, Киндзмараульский пер. 13 кв.16, т.71-61-65

Алексидзе Леван Андреевич, ВС Республики Грузии, 380062, Тбилиси, пр.Чавчавадзе 62 кв.14

Антонов-Овсеенко Антон Антонович, «Мемориал», газета «Московский комсомолец», Москва, ул.3-я Фрунзенская 13 кв.1, т.242-73-91

Ахильгов Салим Хусенович, Президиум конфедерации репрессированных народов, Владикавказ, пос.Чернореченск ул.Коблова 98

Бабаева Е.В., Комитет социальной защиты, Москва, ул.Бакунинская 26/30, кв.99

Батаев Солт-Мурат Юсупович, Демократическая партия «Нисхо», Владикавказ, Ленинский р-н, с.Терк, ул.Пушкина 11

Бурмистров Константин Юрьевич, Московская группа «Международной амнистии», Москва, пр.Вернадского, т. 99-1-111

Буроминский Михаил Всеволодович, Украинская Юридическая Академия, 310064, Харьков, ул. Клапцова 1, кв. 79

Гаревская Елена Владиславовна, Институт гуманитарно-политических исследований, Москва, т.903-44-25

Герасимов Сергей Валентинович, Комитет социальной защиты, Москва ул.Бакунинская 26/30 кв.99, т.261-93-63

Гладкий Алексей Всеволодович, Журнал «Современные проблемы», Москва, ул.Фотиевой 3 кв.98, т.137-18-38

Глак Кэнняя, In These Times, Чикаго Москва, т.387-89-33

Глурджидзе Тамара Николаевна, НФ Грузии, Тбилиси 62 ул.Гурамишвили 11 кв.112, т.23-09-83

Гогуадзе Вахтанг Власович, Грузинский национальный конгресс, Тбилиси
пр.ВЛшавела 3 кварт. 11 корп. кв.46 , т.37-85-39

Головченко Павел Иванович, Свободный демократ, 244030 Сумы
ул.Засумская 12-а кв.45 т.7-17-74

Даниэль Александр Юльевич, Межреспубликанский «Мемориал»,
Москва пр.Ленинский 85 кв.3 т.134-68-98

Долинина Наталья Григорьевна, Харьков , ул.Ощепкова 4

Дольников Валентин Яковлевич, Круглый стол «Хельсинкский
союз», Москва Звенигородское шос.3-а, кв.221 т.256-51-08, р.941-40-04

Дядькин Иосиф Гецелевич, «Мемориал», 170040 , Тверь , Мигалов-
ская наб.2 , кв.54

Жеребятьев Михаил Алексеевич, МГУ, Москва МГУ Г-922

Захаров Евгений Ефимович, Московская Хельсинкская группа «Ме-
мориал», 310002 Харьков, ул.Артема 3 кв.23, т.д.43-27-97 т.р.90-52-28

Мелашвили Ираклий Тенгизович, Депутат ВС Грузии, Тбилиси
ул.Ортачальская 77 кв.10 т.д.72-48-58 т.р.99-86-67

Имнадзе Автандил Прокофьевич, Хельсинкский союз, председатель
парламентской комиссии по правам человека Республики Грузия , депутат
ВС Грузии, Тбилиси, Диди Дигоми, 1-й м-н 1 корп. кв.1, т.д. 51-98-78 ,
т.р.99-75-23

Кавсадзе Лиана Яшовна, Член общества им. М.Костава, корреспондент
газеты «Сельская жизнь», Гори , ул.Дзенадзе 35 , т.2-50-23

Кадигробов Анатолий Михайлович, депутат Харьковского областного
Совета, член комиссии по правам человека, «Комитет защиты де-
мократии», Харьков , т.д. 64-73-15

Какабадзе Нана Ревазовна, Независимая комиссия по защите полити-
ческих заключенных, Национальный конгресс, Тбилиси, ул.Элиава 37 1-й
т.34-44-42

Кац Иосиф Григорьевич, «Мемориал», Одесск. обл. Раздельн. р-н ,
п/о Болгарка, а/я 273016

Квацашвили Иван Шалвович, ВС Республики Грузия , 380009 ,Тбилиси,
пер.ЯНиколадзе 2/4 , кв.4 , т.29-42-26

Клименко Ал.Ив., Журнал «Права человека», Алушта, ул.Котовского 2,
кв.10,

Козаков Максим Николаевич, Транснациональная радикальная партия, Запорожье, ул.Буденного 4-а, кв.77

Колотуша Валентина Степановна, Алма-Атинская Хельсинкская группа, Алма-Ата ул.М.Тереза 152 д.1 кв.81

Лебедев Константин Евгеньевич, Комиссия по правам человека межнациональных отношений Томской области, 634029 Томск ул.Никитина 4 кв.519

Леонов Дмитрий Николаевич, «Мемориал», 127550, Москва, Дмитровское шос.45-3-63, т.216-03-43

Лапчинская Нина Васидьевна, «Мемориал», Харьков, т.33-82-11

Ленчовский Роман Иванович, Украинский комитет Хельсинки-90, Республиканский социологический центр, 254075, Киев, ул.Новикова-Прибоя 9, кв.37, т.431-77-13,

Ломая Кахо, Постоянное представительство Грузии в Москве, Москва ул.Полиашвили 6, т.290-66-91

Мамулиа Гурам Самсонович, «Мемориал», Тбилиси, ул.Ираклия 2, д.13, т.93-22-76

Медведев Владимир Николаевич, «Дружба народов», 113191 Москва ул.Татищева 15 кв.60, т.д.232-34-24, т.р.291-63-54

Миначев Евгений Миначевич, НДП «Ватан» (татарская), 117313, Москва, Ленинский пр.90, кв.76, т.130-80-65 или 138-80-65

Миненко Евгений Васильевич, либерально-демократическая партия Украины, 310023, Харьков, ул. Сумская 128, кв. 21

Мясников Алексей Александрович, Журнал «Права человека», Москва ул.Плещеева 20, кв.105

Огнев Ю.Ф., Таджикская Хельсинкская группа, Душанбе ул.Маяковского 93, кв.92

Осипов А.Г., Институт этнологии и антропологии АН СССР, Москва Звездный бул.3, кв.64, т.282-08-16

Очирова Татьяна Норполовна, АН СССР, СП СССР, Москва, т.435-21-31

Перов Борис Иванович, Комиссия по правам человека Томского областного совета, корреспондент газеты «Народная трибуна», Томск ул.Татарская 9-а кв.4

- Петелин Борис Николаевич**, «Мемориал», 398007, Липецк, пл.Константиновой 5 кв.21
- Печуро Михаил Соломонович**, «Мемориал», Москва 1-й Войковский пр.16 кв.124
- Печуро Сусанна Соломоновна**, «Мемориал», Москва, ул.Новаторов 40, корп.11 кв.61
- Погребная Тамара Николаевна**, УРП, Сумы-34, пр.Космонавтов 22 кв.209
- Попов Кирилл Николаевич**, ИА «Гласность», Московская группа МОЛЧ, Москва, ул.Гарibaldi 17 корп.4 кв.48, т.128-12-30
- Празаускас Альгис Аугустинович**, АН СССР, отдел проблем межнациональных отношений, Москва, Новаясеневский пр. 12 кор.3 кв.110
- Прибылов Андрей Юрьевич**, «Мемориал», Москва, ул.7-я Кожуховская 8-2-49
- Речицкий Всеволод Владимирович**, Украинская Юридическая академия, Харьков, Садовый проезд 11-А, кв. 9
- Руденский Николай Евгеньевич**, Институт этнологии и антропологии АН СССР, 107140 Москва, 1-й Красносельский пер.7/9 кв.144 т.264-93-51, 938-67-42
- Смирнов Алексей Олегович**, Московская Хельсинкская группа, Москва, ул.Зюзинская 4-5-249
- Степанян А.С.** «Объединение национального самоопределения» Армении, Ереван, ул.Тадевосян 3 кв.28
- Таштандинов Игорь Иванович**, Ассоциация хакасского народа, ассоциация коренных народов Южной Сибири, Ленинград, ул.Кораблестроителей 20/3, 662762, Абакан, ул.Крылова 71 кв.11
- Тоидзе Леван Малхазович**, ВС Республики Грузия, Тбилиси-77 ул.Казбеги 18
- Фет А.И.**, Сибирское отделение АН СССР, Новосибирск, ул.Жемчужная 2 кв.17
- Хействер Алексей Валентинович**, «Мемориал», 277005 Кишинев пр.Молодежи 20 кв.45 т.22-70-10
- Хелимский Евгений Арнольдович**, Москва ул.Шолохова 11 кв.57
- Хечуашвили Лиавта Георгиевна**, Круглый стол — «Хельсинкский союз», Тбилиси, ул.Мосошвили 2 кв.30, т.23-13-93

Хорошаева И.Ф., МГУ, кафедра этнографии, Москва Университетский пр. 6-4-64 т.137-51-76

Цимбал Петр Владимирович, «Мемориал», Харьков, ХИМЭСХ, старший преподаватель кафедры полит. истории, т. 43-61-89

Частник Станислав Владимирович, Товарищество «Просвещение», Харьков, ул.Архитекторов 34 кв.186

Чевереv Виталий Сергеевич, Московская Хельсинкская группа, 141400 Московская обл., Химки-6, ул.Пожарского 4 кв.23, т.570-00-64

Черновицкая Нозми Эляевна, Журнал «Современные проблемы», Москва ул.Фотиевой 3 кв.98, т.137-18-38

Шабаль Владимир Сергеевич, Группа «Социальная справедливость», Сумы, ул.Рыбалко 2 кв.51

Шатовол Сергей Иванович, Институт гуманитарно-политических исследований, Москва

Эдельштейн Юрий Михайлович, Хельсинкская группа, Кострома, т.4-86-02

Приложение 4

Список организаций, представители которых принимали участие в работе харьковского семинара

1. Алма-Атинская Хельсинкская группа.
2. Академия наук СССР.
3. Академия наук СССР. Сибирское отделение.
4. Ассоциация хакасских народов в ассоциации коренных народов Южной Сибири.
5. Верховный Совет Грузии.
6. Грузинский национальный конгресс
7. Группа «Социальная справедливость», г. Сумы, Украина.
8. Демократическое движение Кыргызстана.
9. Демократическая партия Грузии.
10. Демократическая партия «Нисхо», Владикавказ.
11. Институт гуманитарно-политических исследований. Москва.
12. Комитет по правам человека Томского областного совета.
13. Комитет защиты демократии. Харьков.
14. Комитет социальной защиты. Москва.
15. Конфедерация репрессированных народов. Москва.
16. Круглый стол «Хельсинкский союз». Грузия.
17. Либерально-демократическая партия Украины
18. «Международная амнистия». Московское отделение.
19. Международное общество прав человека. Москва.
20. «Мемориал». «Историко-просветительская, благотворительная и правозащитная организация». Территориальные отделения:
Бишкека, Кишинева, Липецка, Москвы, Одессы, Тбилиси, Харькова.
21. Московская Хельсинкская группа.

22. Московский государственный университет.
23. Народный фронт Грузии.
24. Национально-патриотическая партия «Ватан». Казань.
25. Независимый комитет по защите заключенных. Тбилиси.
26. Объединение «Национальное самоопределение». Армения.
27. Общество им. М. Коставы. Грузия.
28. Постоянное представительство Грузии в Москве.
29. Правозащитный центр Московского «Мемориала».
30. Редакция журнала «Современные проблемы».
31. Таджикская Хельсинкская группа.
32. Харьковское отделение товарищества «Просвещение»
33. Транснациональная радикальная партия.
34. Украинский комитет «Хельсинки —90».
35. Украинская рабочая партия. Сумы.
36. Юридическая академия. Харьков.

Приложение 5

Зарегистрированные представители прессы

1. Газета «Московский комсомолец» (Москва) — корр. А.А. Антонов-Овсеенко.
2. In These Times (Чикаго) — корр. Глак Кэнняя.
3. Газета «Сельская жизнь» (Москва) — корр. Л.Я. Кавсадзе.
4. Журнал «Права человека» (Москва) — корр. А. И. Клименко, А.А. Мясников
5. Газета «Народная трибуна» (Томск) — корр. Б. И. Перов.
6. Информационное агентство «Гласность» (Москва) — корр. К. Н. Попов.
7. Газета «Событие» (Харьков) — корр. С.В. Руденко.
8. Газета «Слобода» (Харьков) — корр. М. Двирный.
9. Телекомпания «Тонис» — корр. К. Бартнев.

Приложение 6

Письмо В. Малинковича участникам конференции

К сожалению, я не смог принять участия в конференции, т.к. не получил возможности прибыть в СССР по причинам, имеющим прямое отношение к вопросу о политических и гражданских правах человека, к так называемой «третьей корзине» Хельсинкских Соглашений.

Прежде всего потому, что мне как сотруднику радио «Свобода» всячески препятствуют в получении въездной визы соответствующие органы советского государства: К примеру, частное приглашение, оформленное Киевским ОВИРОм еще в феврале 91-го года и тогда же отправленное мне срочным и заказным письмом, до сих пор (в середине июня 91 года) не дошло до адресата. Приглашения различных общественных организаций, как правило, не приходят, так же как и подтверждение приглашений, посланные телефаксом или телеграммой, — видимо, где-то отфильтровываются.

Последнее приглашение (в Москву и на конференцию в Харьков) вовремя не пришло, хотя было послано своевременно, а визовая поддержка МИДа поступила в советское консульство поздно. В результате я смог получить визу лишь за 1,5 часа до отлета самолета в Москву (10 июня, в 11.30).

В самолет же меня не пустили, перед тем оскорбив, уже немецкие полицейские. Причина — запись в моем паспорте политического беженца о том, что он не действует на территории СССР (хотя советская въездная виза должна обеспечить мне пребывание в этой стране).

Политэмигрант, покинувший Советский Союз из-за политических репрессий времен «застоя» и не желающий порывать связи со своей страной, отнюдь не по своей вине оказывается в двусмысленном и неполноправном положении и легко может оказаться жертвой грубости и произвола любого чиновника.

(Кстати, этот вопрос связан с темой конференции — с проблемой республиканского гражданства. Я, например, хотел бы получить гражданство Украины, которую считаю своей родиной, но такого гражданства, увы, пока нет, и потому

во времена, когда декларируется свобода передвижения, я не могу посетить своих родных, прийти на могилу умершего месяц назад отца.)

Не сомневаюсь, вопрос о статусе политического беженца из Советского Союза должен быть согласован на международном уровне с учетом переходного периода от тоталитаризма к демократии, в котором находятся сейчас все республики СССР.

11.09.91

В. М.

Приложение 7

Миссия МХФ в Тбилиси Информационная справка

Грузинские власти отказали представителям Международной Хельсинкской Федерации (МХФ) в возможности встретиться с подследственным Джабой Иоселиани, целью предполагаемой встречи было убедить его прекратить многодневную голодовку.

Д.Иоселиани, председатель военизированной организации «Мхедриони», арестованный 19 февраля 1991 года, содержится в следственном изоляторе КГБ Грузии. Он привлекался к уголовной ответственности по обвинению в бандитизме (ст. 78 УК Республики Грузия — вплоть до смертной казни с конфискацией имущества), в незаконном хранении оружия (ст. 238 ч.1 — до пяти лет лишения свободы) и в хулиганстве (ст. 228 ч.1 — до года лишения свободы). По сведениям адвоката Джабы Иоселиани Маринэ Далакашвили, он держит голодовку со 2 мая и сопротивляется насильственному кормлению. «Если бы Д. Иоселиани посетили представители международных правозащитных организаций, — утверждает его адвокат, — можно было бы надеяться на снятие голодовки, так как тем самым было бы выполнено одно из его требований, на котором он и сейчас настаивает». Как сообщает Лия Иоселиани, сестра Джабы, другими требованиями голодовки, объявленной еще до начала предвыборной кампании, были добровольная отставка президента Гамсахурдиа, утверждение Д. Иоселиани кандидатом в президенты (он был лишен возможности получить этот статус специальной поправкой к принятому ранее закону о выборах президента), встреча Д.Иоселиани с кандидатами в президенты, освобождение из-под стражи членов «Мхедриони», привлеченных к уголовной ответственности только за хранение огнестрельного оружия.

Что же касается встречи с правозащитниками, то первым (29 мая) предложил ее организовать Автандил Имнадзе, председатель Комиссии по правам человека ВС РГ. Это предложение было повторено 4 июня первым заместителем Прокурора Республики Вахтангом Гварамия, курирующим дело Д. Иоселиани. Оба раза Прокурор РГ Вахтанг Размадзе отвечал ничем

не мотивированным отказом: 30 мая — Дмитрию Леонову, представившему на выборах Международную Хельсинкскую федерацию, а 7 июня — тому же Д. Леонову и Александру Даниэлю, прибывшим в Тбилиси специально для участия в такой встрече по просьбе Льва Тимофеева, члена исполкома МХФ.

6 июня первый заместитель Прокурора счел, что вопрос о возможности встречи — политический и может быть решен только на уровне председателя Парламента или Президента.

7 июня Президент Звиад Гамсахурдиа отказался принять по этому вопросу уполномоченных МХФ, передав через А.Имнадзе, что он не доверяет одному из них (Д. Леонову). Предоставленная им Президенту информация о массовых нарушениях в ходе президентских выборов в городе Кутаиси якобы не подтвердилась. (Имеются в виду пять актов, составленных Д. Леоновым на избирательных участках; на этих актах представители участковых комиссий расписались в том, что имели место соответствующие нарушения — копии у Д. Леонова). Получив отказ Президента, представители МХФ через А.Имнадзе попросили З.Гамсахурдиа принять хотя бы одного А. Даниэля, но им ответили, что Президента уже нет в здании ВС.

З. Гамсахурдиа не ответил пока на телеграмму Льва Тимофеева, члена исполкома МХФ, о необходимости встречи с Д. Иоселиани. Телеграмма была отправлена в ночь на 8 июня, когда пошел 38-й день голодовки 64-летнего подсудимого.

Уполномоченные МХФ вечером 8 июня вернулись в Москву, сообщив в заявлении на имя Президента Республики Грузия, что при получении разрешения на встречу с Д. Иоселиани готовы немедленно отправиться в Тбилиси.

Остается добавить, что за машиной представителей МХФ 7 июня на протяжении всего дня неотрывно и демонстративно следовала машина наблюдения, точнее — три машины, сменявшие друг друга.

10 июня 1991 г.

*Александр Даниэль
Дмитрий Леонов*

члены Рабочей коллегии
общества «Мемориал».

P.S. 11 июня 1991 г. Патриарх Всея Руси Илья II посетил в следственном изоляторе КГБ Грузии Джабу Иоселиани на 41-й день его голодовки, начавшейся 2 мая.

По сообщению Маринэ Далакашвили, адвоката Джабы Иоселиани, присутствовавшей при встрече, состояние подследственного было крайне тяжелым.

По просьбе Патриарха Д.Иоселиани согласился прекратить голодовку.

Добавим еще, что на телеграмму Льва Тимофеева, обращенную к Гамсахурдиа, ответил А.Имнадзе. Сообщив, что голодовка прекращена, он предложил в дальнейшем в подобных случаях обращаться в Прокуратуру республики.

АДаниэль

ДЛеонов

Оглавление

От редакции	3
От оргкомитета семинара	5
Вступительное слово Богораз Л.И., <i>руководитель программы, член Московской Хельсинкской группы</i>	6
Приветственное слово Кушнарев Е.П., <i>председатель Харьковского городского Совета народных депутатов</i>	8
I	
Русские философы–евразийцы о генезисе и природе фашизма Очирова Т.Н., <i>Москва, АН СССР, СП СССР</i>	9
Психологические аспекты национальных проблем Фет А.И., <i>Новосибирск, Сибирское отделение АН России</i>	24
Круглый стол: языковой аспект национальных проблем Ведущий: А.В. Гладкий, <i>Москва, Российский государственный гуманитарный университет</i>	44
Система ценностей в идеологии национальных движений Осипов А.Г., <i>Москва, Институт этнологической антропологии АН СССР</i>	59
Религиозные объединения как социальные меньшинства Жеребятьев М., <i>Москва, МГУ</i>	79
II	
Разрушение этнических общностей в тоталитарной системе Ткаченко А.И., <i>Харьков, Институт культуры</i>	90
Политика национального разобщения. Грани тоталитарной демократии. Огнев Ю.А., <i>Душанбе, Таджикская Хельсинкская группа.</i>	96
Наказанные народы Ахильгов С.Х., <i>Владикавказ, Конфедерация «Наказанные народы»</i>	98
Межнациональные отношения в условиях перехода от тоталитаризма к демократии. Прусаускас А., <i>Москва</i>	103
Типы и направления развития межэтнических конфликтов в СССР. Паин Э.А., <i>Центр независимых экспертиз при фонде «Культурная инициатива», Москва.</i>	119
Истоки межнациональных конфликтов Цымбал П.В., <i>Харьков, историко–просветительское общество «Мемориал»</i>	128

Круглый стол. Права человека в горячих точках: Молдова, Южная Осетия, Северный Кавказ и др. <i>Ведущий: Е.Е.Захаров</i>	131
Самоопределение народов Сибири. Лебедев К.Е., <i>Томск, Комиссия по правам человека и межнациональным отношениям · Томского областного совета.</i>	147
Модели и пути решения межнациональных конфликтов <i>Аблова Н.А., Бишкек, Историко–просветительское общество «Мемориал»</i>	153
Новые движения новые люди. Алексеева Л.М., <i>США, радиостанция «Свобода»</i>	159

III

Проблема союзного договора. Международный аспект <i>Малинкович В.Д., Мюнхен, радиостанция «Свобода».</i>	173
Круглый стол: этнос, нация, территория, государственность <i>Ведущий: И.Г. Дядькин, МХГ, Тверь</i>	181
Права национальных меньшинств и самоопределение народов Опыт Российской Федерации. Шелов-Коведяев Ф.В., <i>председатель подкомитета по межреспубликанским отношениям ВС России</i>	197
Права наций и права личности: проблема приоритета <i>Чернявский Г.И.</i>	210
Самоопределение: строительство нации или своеволие? <i>Клайн Э., Сопредседатель Российско–американской (неправительственной) группы по правам человека</i>	220

Приложения

Приложение 1. Программное заявление	233
Приложение 2. Обращение участников просветительского семинара Национальные проблемы и права человека	235
Приложение 3. Список участников	237
Приложение 4. Список организаций, представители которых принимали участие в работе харьковского семинара	242
Приложение 5. Зарегистрированные представители прессы	244
Приложение 6. Письмо В. Малинковича участникам конференции	245
Приложение 7. Миссия МХФ в Тбилиси. Информационная справка	247

Выпуск 2
**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА**
Сборник материалов
семинара Московской Хельсинкской группы

Редакторы
Л. БОГОРАЗ
Л. КОЛЕВАТОВ
Художник и технический редактор
Е. ГЕРЧУК
Компьютерная верстка
Т. АНЮТИНА
Корректор
С. ОЗЕРСКАЯ

Московская Хельсинкская группа проводит серию семинаров по программе «Правовая культура»

1. История, философия, принципы и методы право защитной деятельности.

Москва, 1-4 февраля 1991 г.

2. Национальные проблемы и права человека.

Харьков, 14-17 июня 1991 г.

3. Экономические, социальные, экологические проблемы и права человека

Москва, 3-8 февраля 1992 г.

4. Неотъемлемые права личности. Проблема политзаключенных. Проблема смертной казни.

Чистополь, 6-8 июня 1992 г.

5. Право на образование.

Москва, 6 ноября 1992 г.

6. Юридическая защита прав личности.

Москва, 6-8 февраля 1993 г.

7. Право на свободу передвижения. Проблема беженцев.

Москва, июнь 1993 г.

8. Свобода печати.

Февраль 1994 г.

9. Свобода мирных собраний и ассоциаций

Июнь, 1994 г.

Издательство «Весть» намеревается выпустить в свет серию книг, посвященных состоянию и истории общественного правосознания в России и других республиках бывшего Союза, деятельности лиц и движений, внесших вклад в развитие демократической идеи в СССР. Авторы книг — ученые-исследователи и активные участники правозащитного и демократического движения в СССР в 60-е — 80-е годы. Предварительный план изданий включает следующие книги:

- 1) Л. Алексеева. История инакомыслия в СССР.
- 2) А. Марченко. Мои показания. От Тарусы до Чуны. Живи как все.
- 3) Ю. Даниэль. Письма из заключения.
- 4) Д. Каминская. Записки адвоката.
- 5) Б. Шрагин. Противостояние духа.
- 6) Р. Пименов. История одного процесса.
- 7) Б. Вайль. Особо опасный.
- 8) Хроника текущих событий (5-6 томов).
- 9) История инакомыслия в СССР в фотографиях.

Книги подготавливаются издательством совместно с обществом «Мемориал».

Все книги в серии носят характер некоммерческого издания — доход от их реализации должен в лучшем случае покрыть расходы на подготовку рукописей и изготовление тиражей. Юридических и физических лиц, желающих содействовать выпуску серии, просим обращаться по телефонам:

138-48-80, 246-42-50

По этим же телефонам можно сделать заявку на приобретение следующих книг:

- двухтомник Анатолия Яacobсона: т. 1 — «Конец трагедии» (книга об А. Блоке); т. 2 — «Почва и судьба» (статьи, поэтические переводы, открытые письма, воспоминания)
- Л. Алексеева. «История инакомыслия в СССР»

Оригинал-макет издания выполнен компьютерным отделом украинско-американского общества с ограниченной ответственностью «Экспромт».

Телефоны для справок: 224-251, 905-228

Московский центр по правам человека

Адрес: 103982 Москва, Лучников пер. 4, подъезд 3, комнаты 1–5

Московский центр по правам человека образован в 1991 году по инициативе Московской Хельсинкской группы.

В совет центра входят видные правозащитники и государственные деятели: С.Ковалев (председатель), Л.Богораз, Б.Золотухин, Л.Тимофеев, А.Лавут, В.Борщев и др.

Центр — это первая в истории России программа координации и развития отечественного правозащитного движения.

Основная цель центра — с помощью передачи экспертных знаний и актуальных технологий в области правозащиты обеспечить необратимость демократических перемен в жизни России.

Центр объединяет десять правозащитных групп, которые работают независимо.

МХГ

Московская Хельсинкская группа — старейшая российская правозащитная организация. Основана в 1976 г. профессором Юрием Орловым. Ассоциированный член Международной Хельсинкской федерации. Членами МХГ являются известные деятели демократического движения 60-80-х годов: Л.Богораз, Ю.Орлов, С.Ковалев, Г.Якунин, К.Любарский, А.Лавут и др.

Группа ведет ряд программ в области защиты прав человека, а также осуществляет координацию отечественного правозащитного движения. Координатор МХГ — Алексей Смирнов, ответственный секретарь — Михаил Алексеев, тел. 206-09-24, факс 116-76-82

Общественный центр «Содействие»

Общественный центр содействия реформе системы уголовного правосудия в России создан в 1989 г. Директор центра «Содействие» — Валерий Абрамкин, помощник директора — Александр Петров, тел., факс (095) 241-03-69, сотрудник центра — Геннадий Молчанов тел. (095) 241-03-69, 206-84-97, 206-86-84

НПА

Независимая Психиатрическая Ассоциация — общественно-профессиональная правозащитная и благотворительная организация. Образована в 1988 г. Президент НПА — Юрий Сергеевич Савенко, вице-президенты — Валерий Николаевич Бузин и Эммануил Львович Гущанский тел., факс (095) 206-86-39

«Тюрьма и воля»

Правозащитное благотворительное общество помощи осужденным «Тюрьма и воля» образовано в 1990 г. с целью оказания юридической, медицинской и моральной поддержки осужденным во время отбывания наказания и после освобождения. Президент общества — Марина Владимировна Румшиская, тел. (095) 206-80-38

Комитет солдатских матерей

Комитет Солдатских Матерей — общественная организация, которая борется за соблюдение прав военнослужащих срочной службы. Образована в 1989 г. Председатель Комитета — Мария Ивановна Кирбасова, секретарь Комитета — Валентина Дмитриевна Мельникова, тел. (095) 928-25-06

Фонд «Право Матери»

Фонд «Право Матери» образован в 1990 г. с целью защиты прав и интересов родителей, чьи сыновья погибли в армии на срочной службе. Президент фонда — Вероника Александровна Марченко, тел. (095) 158-87-03, 206-05-81

Российско-американское бюро по правам человека

Российско-американское бюро по правам человека образовано в октябре 1990 г. Возникло на базе двух неправительственных организаций: Общественного совета по проблемам въезда и выезда и другим правам человека (Россия) и Объединенного совета в защиту советских евреев (США). Исполнительный директор — Ирина Викторовна Берман, тел. (095) 258-94-67, факс (095) 937-39-28, 206-88-53, 206-88-52, 206-88-36, 206-88-38

Ассоциация защиты прав инвалидов

Ассоциация «Защиты прав инвалидов» образована в 1992 г. с целью способствовать приближению уровня жизни инвалидов России и стран СНГ к уровню, декларируемому ООН. Координатор-президент — Юрий Иванович Киселев, тел. (095) 197-40-95

Московский антифашистский центр

Московский антифашистский центр образован в феврале 1989 г., зарегистрирован в марте 1991 г. с целью противостояния праворадикальным и правоэкстремистским группировкам. Является коллективным членом движения «Демократическая Россия». Председатель общества — Евгений Викторович Прошечкин, заместители председателя — Леонид Маркович Каган и Денис Леонидович Тразман, тел. (095) 449-80-03, 206-89-71

«Дорога свободы»

Международная неправительственная организация «Дорога свободы» создана в Женеве в октябре 1991 г. Оказывает консультативную и техническую помощь неправительственным и государственным организациям, занимающимся вопросами защиты прав человека. Главный смысл деятельности «Дороги свободы» — облегчить налаживание контактов между потенциальными донорами и реципиентами помощи. Директор, и.о. председателя исполнительного комитета — Кирилл Ермишин, тел. (022) 733-82-66, национальный координатор по СНГ в Москве — Алексей Смирнов, тел. (095) 206-09-23

